

Галина Константинова

*Поезд.
Время танцора.*

16+

Галина Константинова

Поезд. Время танцора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56554420

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник повестей. Повесть «Поезд». Александр Юферов – обычный программист, который неожиданно был направлен в командировку своим начальством. В поезде на Москву он ведет философские разговоры с врачом Борисом, но неожиданно начинаются приключения, в которые замешаны его бывшая жена и дочь, вернее, кажется, что они замешаны... Повесть «Время танцора». Современный танец – направление, которое редко имеет коммерческую перспективу. Но почему яркие представители этого жанра неожиданно погибают один за другим в маленьком провинциальном городе – загадка. Группа единомышленников пытается понять причины убийства и осмыслить личность руководителя самодеятельного театра. В повести использовались некоторые реальные материалы, но общая картина не претендует на достоверность.

Содержание

Поезд	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	51
Глава 7	57
Глава 8	80
Глава 9	89
Глава 10	94
Бремя танцора	108
1.	109
2.	113
3.	116
4.	121
5.	125
6.	128
7.	132
8.	138
9.	140
10.	142
11.	146

12.	152
13.	157
14.	161
15.	164
16.	167
17.	170
18.	173
19.	175
20.	177
21.	180
22.	182
23.	183
24.	189
25.	191
26.	197
27.	202
28.	204
29.	206
30.	215
31.	218
32.	220
33.	228
34.	230
35.	233
36.	235
37.	245

38.	252
39.	256
40.	261
41.	268
42.	273
43.	279

Поезд

Повесть

«Под занавесом дождя
От глаз равнодушных кроюсь,

—

О завтра мое! – тебя
Выглядываю – как поезд...
...Верстовая снасть
Столба... Фонари из бреда...
О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду
В Бессмертье...»
М.Цветаева.

Глава 1

...В субботнее утро нет ничего приятнее нежно-ленивой дрёмы. Саня видел сладкие сны, когда настойчиво задрезжал телефон. И кого в такую рань просят звонить, да ещё в субботу, нехотя протягивая руку, подумал он. На другом конце провода пробурчал недовольный, но неизменно-бодрый голос шефа:

– Александр? Срочно собирайся в Москву. Поезд вечером, в понедельник должен быть там. Я тебе вчера хотел сообщить, но не дозвонился. Собственно, сам не понимаю, почему так поздно пришла информация...

– Аха...Извините, Иван Васильевич, вчера несколько увлекся отдыхом. А по какому, вообще говоря, поводу в Москву?

– Да конференция, по информационным технологиям. Защита и безопасность корпоративных сетей. Почему-то тянули до последнего дня, ну, а мне ехать не с руки, сам понимаешь, у меня тут проблем по горло. Съездишь, развлечешься, ты у нас парень холостой, не обремененный маленькими детьми. Заодно и свою дочку навестишь, она ведь, кажется, у тебя москвичка?

– Вы хорошо осведомлены.... Да, она сейчас живет в Москве. А как с билетами?

– Проблем нет. Билет прямо на вокзале получишь, он уже забронирован. Организаторы конференции забронировали. И ещё смешнее, что они там именно тебя хотят видеть. Может, просветишь своего начальника, чем ты им так приглянулся? Может, я не в курсе, ты какие-нибудь научные достижения имеешь, а я, старый, не владею информацией? – тон был дружеский, одобрительно-весёлый, что и отличало выгодно его шефа от других представителей клана начальников, судорожно державшихся за свое раз завоеванное место «под солнцем».

– Ну что Вы, Иван Васильевич, разве от Вас что утаишь? Я и сам удивлён.

– В канцелярии подготовлены документы, я тебе удостоверение к поезду подвезу. Деньги-то есть? Если что...

– Да есть, мне ведь не по ресторанам ходить.

М-да... С корабля на бал, вернее, после бала (пирушки) в дорогу... Как минимум, сутки на дорогу туда и обратно, да там дня три-четыре. Станный интерес к скромной персоне обыкновенного программиста... Ну, да не время сейчас стоять умозаключения. Надо срочно всем позвонить, поздравить Майку с наступающим днем рождения, а то не увидимся завтра. Ещё вещички собрать, в контору успеть... Пожалуй, мой сервер так быстро не заводится. Начнем с минимальных усилий.

– Майка, привет, это я.

– Привет, братец!

– Я тут в командировку срочно отъезжаю, ты меня не теряй. С днем варенья наступающим, всего-всего.

– Лаконично. Надолго?

– Да в конце недели вернусь, ты уж не скучай. Маме с папой приветы, слушайся уж их.

– Ясное дело, все ж двадцать пять стукнет, не маленькая. Ты там осторожнее, террористы, бандиты, взрывы всякие в этой столице-то.... У нас спокойнее.

– Насмотрелась сериалов бандитских. Я мужчина в полном расцвете сил, меня не так просто взять на испуг, милая. Да и Машку заодно повидеаю, сама понимаешь... Она же уже почти невеста...

– Саня, что-то предчувствие у меня нехорошее...

– Брось, бабские причуды... Рано тебе ещё пророчицей быть... Все, побежал, бумажки-документы, пистолетик выдадут на случай, если эти документы захотят отобрать... Майка, не грузись, все нормально будет, я тебе позвоню сразу же, как приеду, о'кей?

– Спасибо, утешил.

После чашки кофе с сигаретой мозг начал, наконец-то, просыпаться. Условный рефлекс. Остатки оцепенения в мышцах. Несколько дыхательных упражнений. Поехали...

... День прошёл по четко отработанному алгоритму, как всегда. Обстоятельства складывались удачно. Четко подходили автобусы, он даже успел заскочить на вокзал, и там все произошло без запинки. Оставалось ещё три часа до поезда,

когда вещи были уложены в спортивную сумку, оставалось только лежать на диване, задумчиво глядеть в окно, почитать книжку... Но читать не хотелось.

– Юферов Александр Сергеевич? – проводник был предельно вежлив, что чрезвычайно его повеселило.

Бельё было не влажное, чай начали разносить сразу после отправления. Напротив него сидел мужчина лет пятидесяти в очках и что-то читал. Больше в купе никого не было. Тоже везение, подумал Саня, которому интеллигентный вид спутника внушал доверие. Он любил иногда быть один, но долгое отсутствие общения его тяготило. Хотя в общении он предпочитал довольно своеобразную манеру – слушать собеседника, но думать всегда о своем. Видимо, отсутствие фона и было основным дискомфортом, ради устранения которого он вступал в общение. Его привлекали новые люди, их нестандартные мысли или, наоборот, созвучные настроения. Попутчик приподнял глаза и дружелюбно улыбнулся:

– Ну-с, молодой человек, будем с Вами соседями? Надеюсь, тоже до матушки-столицы?

– До неё, родимой.

– Угощайтесь конфетами... Сейчас и чаек принесут... Позвольте полюбопытствовать, по каким делам, если дела не государственной важности, разумеется?

– Нет, совсем не секретные дела. Так, компьютерные сети, информационные технологии... Не знаю, близко ли это Вам.

– Э... не совсем. Я по части недугов людских. В некотором роде врач... Вот к сокурснику еду, прямо-таки вычислил он меня в нашем городе, идеи у него какие-то... В московских кругах не последний специалист, поездку спонсировал. Это не наш брат-провинциал, от зарплаты до зарплаты... Хотя варианты встречаются, ну да не об этом. Вас как звать-величать, просто чтобы общаться проще было?

– Александром. Или просто Саней.

– А меня Борисом Марковичем. Приятно познакомиться, – сухошавая, нескладная фигура слегка приподнялась, и Саня ощутил пожатие сухой ладони. У Бориса был какой-то взгляд детской незащищенности, наверное, таким и должен быть взгляд врача. Все располагало в нем сразу и безоговорочно. И это предвещало довольно приятное общение. А общение с людьми – это и возможность чему-то научиться. Вечер обещал быть длинным и насыщенным. В свои тридцать пять Саня успел пережить раннюю женитьбу, потерю работы с последующей потерей квартиры, к которой ещё даже не успел привыкнуть, уход жены к молодому и богатому бизнесмену с её переездом в Москву, пару-тройку незначительных романов, и, как следствие, философско-спокойный взгляд на «невыносимую легкость бытия». Это было некоторое жизненное кредо – не суетиться, иметь практический взгляд на вещи, по сути – плыть по течению, ведь логический подход оказывает иногда «медвежью» услугу. Хотя его иногда выводили из равновесия незначительные мелочи, он находил в

себе силы быстро оценивать ситуацию и снова обретать внутреннее спокойствие.

– Знаете, молодой человек, я боюсь показаться Вам занудой, но с некоторых пор душевные силы черпаю только в Боге.

– Почему же занудой? Суета сует и томленье духа... Мне это понятно.

– Вот-вот... С годами понимаешь – и меня постигнет та же участь, что и глупого, к чему же быть мудрым. Правда, путь к этому пониманию бывает разным. Путь волхвов и путь пастухов, помните? Волхвы вычислили, что Иисус родился, а пастухам явился Ангел. Я тоже шел первым путем, пока... Пока в моей жизни не произошло трагическое событие. Я потерял любимую женщину. Наверное, не все сделал, чтобы она спасла свою душу. Так много было не сделано, что совершенно необходимо...

– Если Вам это больно, не рассказывайте.

– Да, мне больно. Это была женщина, которую я ждал всю жизнь. Женщина, которая умела быть и матерью, и сестрой, и ребенком одновременно. На обывательский взгляд довольно банальная история – седина в бороду, бес в ребро, почти старик, вдруг влюбился в молоденькую девочку. Вы ещё молоды, можете не понять... Нам было даровано судьбой всего полгода счастья. Она попала в автокатастрофу. И за рулем был я, отделавшись несколькими царапинами. Вы верите в любовь?

– Верю... Но не могу с определенностью сказать, было ли это со мной, или просто приснилось. Вообще, жизнь похожа на сон. В пустом вагоне. Случайные попутчики. Случайные разговоры. Кто-то заходит, кто-то выходит. Истории перепутываются в твоей голове, и с ужасом понимаешь, что это был просто сон, просто сон в пустом вагоне...

– Откуда у Вас такой пессимизм?

– Да нет, это здоровый прагматизм. С накатывающимися иногда приступами лирики. Может, просто депрессия. Тоска по пониманию, помните, у Стругацких?

– А размышляли ли Вы, Александр, о вечности?

– О... Вечность... о ней думать проще простого. Берешь вечность и думаешь о ней.

– Я о вечной душе. О том, что, живя в грехе, мы обрекаем душу на вечные мучения.

– Разве?

– Хорошо, я вижу, что Вас эта тема мало волнует. Это издержки прогресса. Совершенствуя свой интеллект, человек забывает о совершенствовании души. Это порочный путь.

– Э... Позвольте нескромное уточнение. А вы что, праведник?

– Нет, конечно. Но Господь учит нас обличать пороки. А ухо свое сделать внимательным к мудрости, а сердце свое склонить к размышлению.

– Не считите нигилистом... Читал я это все, читал. И десять заповедей. И Екклесиаста, и притчи Соломона. Навер-

ное, ум мой так уж устроен – я поглощаю новые знания, но почему-то хочу видеть и практическое применение любого умозаключения. Как, впрочем, и любая философия – пустой звук, если не может быть отработана на практике.

– Религию надо понимать сердцем, а не умом. Быть пастухом и внимать истину.

– Где она, истина, в обыкновенной жизни? Вы потеряли любимую. У меня нет семьи, я веду довольно праздничный образ жизни, исключая работу, разумеется, и меня это вполне устраивает. К сожалению, мне иногда даже некогда задумываться – работа, друзья, знакомые, родители, сестра... Жизнь бурная, динамичная, какая и должна быть в моем возрасте. Счастье... Счастье измеряется мгновениями, в какой-то дискретный момент времени ты чувствуешь, что счастлив. Мгновение уходит – и не можешь дать определения.

– Это все потому, Александр, что люди часто любят для самих себя, эгоистично. Я вот всегда считал своим долгом служить женщине. Я не красуюсь, действительно мне всегда хотелось быть рыцарем. Но, к сожалению, среди моих многочисленных жен лишь одна умела любить по-настоящему.

– Отчего вы, Борис Маркович, считаете, что Ваш способ любви – единственно верный? Смысл любви – в том, чтобы давать счастье или чтобы получать его взамен? Мы незаметно скатились в дискуссию, почти как спор «отцов и детей». Давайте устроим небольшой перекур.

Саня торопливо вышел в тамбур. За мутным стеклом проносились уныло-фиолетовые поля, редкие деревеньки с заброшенными дворами, стандартный российский пейзаж. В тамбур вышел высокий человек лет сорока и попросил зажигалку. Взгляд его был внимательным, почти профессиональным.

У него опять начала болеть голова, ведь он сегодня не выспался. Вчера с друзьями ходили в сауну, как обычно, смешивание пива и водки, разговоры... Жизнь проходит в бесконечных разговорах. А мыслей в них не так много. Имеется в виду, свежих, не затасканных... Борис Маркович со своими проповедями засел пока ещё не очень глубоко...

И что ему дались разговоры о счастье и любви. Саня прожил с Аней десять лет, а последние четыре только и продумывал варианты ухода. Как в общежитии – пришел, поел, лег спать. Утром встал и ушел. Можно вообще не приходить. Она съездила в отпуск и нашла себе любимого. Его уход восприняла как само собой разумеющееся. В суде даже смеялись, шутили, и судья заметила, что неплохо бы отнестись к процедуре развода более серьезно. И вообще, нужен ли вам развод, если у вас такие прекрасные отношения? Аня сразу поскучнела и начала приводить доводы, почему решение окончательное. Мол, дома не ночует, часто выпивает, даже были факты измены. Факты измены и в самом деле были, только с точностью Аня этого сказать не могла, а версию придумали сообща, при заполнении заявления. Свобо-

да нахлынула на него, как прибой. Он купил квартиру, стал её отделять по своему вкусу. А тут и Аня оформила свои отношения с бизнесменом и увезла Машку в Москву. Подъехала в последний день попрощаться. Уверенная в себе, хорошо одетая дама. А он даже не улыбнулся. Ну не любит он этих эмоциональных расставаний. Они ведь и не ссорились никогда по-настоящему, с бурными сценами, со слезами и примирениями.

Вспоминая, как они поженились на последнем курсе, он не понимал, как он был слеп. Или не слеп, а просто влюблен? Тоже не припоминает. Просто «ходили», так это тогда называлось. Ты моя девушка, я твой любимый. Дискотеки, бары, компании друзей. Мелодия на гитаре, которую он сочинил ей на день рождения. Первые стихи, в которых видна не восторженность цветов, а сладость плодов.

В один прекрасный день мама сказала – ну, хватит уже, не морочь девчонке голову, или женитесь и живите как люди, или сообщите, будете ли вообще оформлять свои отношения. Так и женился....

Тип курил уже вторую сигарету и не уходил.

– Вы не в курсе, где мы сейчас проезжаем?

– Наверное, у проводника спросить надо.

– Его нет.

– Странно. Ещё всего двенадцать часов. Может, спать завалился?

– Возможно. А больше Вы ничего странного не заметили?

– А должен был заметить?

– Нет. Это к слову. Вы в каком купе едете?

– В третьем. Если будут наблюдаться чудеса, сообщите,

Бога ради, будьте любезны.

– Договорились. По всему видно, вы человек трезвого рас-
судка и с юмором. Годится.

– Годится? Вы что, меня на работу берете?

– Почти. После узнаете.

– Ну-ну, – протянул Саня, но высокий (внешность его сра-
зу выпала из памяти) бесшумно скрылся.

Глава 2

– Геннадий Андреевич, Вы не могли бы дать комментарии к работе, которая ведётся в Вашей лаборатории? – молоденькая журналистка в очках, которые она беспрерывно поправляла на своем вздернутом носике, пытаясь выглядеть бывалой, испытующе смотрела на грузного сорокапятилетнего Реутова.

Он уже привык к повышенному вниманию со стороны прессы, соответственно, ответы были давно отрепетированы. Поэтому основное внимание он сосредоточил на её мальчишеской фигурке и раскрасневшихся щечках. Взгляд его темно-карих глаз ласкал юное создание.

– Отчего же нет. Сейчас крайне модная тема. Широкие дискуссии во всем мире. Каждый считает своим долгом сказать кто слово, а кто и статью написать.

– Да-да... Я тоже немного «подковалась». Все эти экстракорпоральные оплодотворения, стволовые клетки, биотехнологические и репродуктивные процессы. Но, мне кажется, технология – это дело ученых. Каких результатов вы ждете? Ведь метод однополого тиражирования генетически идентичных особей, или клонирования, имеет такой маленький процент успешности? Вас интересует глобальная задача – тиражировать человека, или добиться увеличения процен-

та?

– И то, и другое, милочка. Но Вы же понимаете, что результаты по клонированию человека, при таком сроке вынашивания эмбрионов взрослой женщиной... Женщин ещё убедить нужно, материал для ДНК достать, при нашем несовершенном законодательстве... Короче говоря, трудностей много, работа тормозится, о результатах рано говорить... Ведь и американцы не спят, и англичане... Хотя наши мышку Машку клонировали раньше на десять лет овечки Долли, но никто этого уже не помнит. Полнейшее равнодушие к отечественной науке, даже обидно. Между тем, сам процесс отработан давно: берется соматическая клетка – это может быть любая живая клетка человеческого тела, пересаживается в яйцеклетку, и из неё развивается плод, полностью идентичный тому индивидууму, который дал соматическую клетку. Все просто и разумно одновременно. А налет фантастичности, сказки про клонированную ливерпульскую четверку или пророчества Будды – это и останется сказками и фантазиями. Поверьте, мы не берем на себя миссию Бога, мы просто пытаемся глубже проникнуть в тайны мироздания, пытливым человеческий ум, так сказать, не может останавливаться на достигнутом, – с пафосом произнес Реутов, вытирая лоб со своей поблескивающей лысины.

– Извините, Геннадий Андреевич, а не можете сказать, какова будет Ваша роль при работе с клонами? – девушка имеет особенность задавать не слишком удобные вопросы,

со скукой подумал он, а ведь такая милая, хорошенькая девочка.

– Ну... Пока работа только теоретическая. Я ведь психиатр. Моя задача будет исследовать, насколько сильна в клонах генетическая память. Существует ли возможность восстановить в памяти клона те события, которые происходили в жизни донора? Там много научных терминов, думаю, не стоит забивать такую хорошенькую головку, право, – Реутов взглянул холодно в глаза молодой корреспондентке, но сразу отвел взгляд. Ему не хотелось распространяться на эту тему. Вообще, любая информация об опытах в его тихой лаборатории, просочившись в прессу, могла наделать непоправимых бед. Дело не в том, что скрывалась тема разработок. Необходимо было скрыть те результаты работы, которые были достигнуты. А сделано было немало.

Наконец-то они получили высокий уровень выживаемости эмбрионов, и, как бы там не разглагольствовали газетчики, поганые папарацци, что его должна вынашивать женщина, им удалось добиться осуществления этого процесса просто в пробирке.

Собственно, ничего нового. Новое заключалось в том, что сам процесс выращивания человеческого эмбриона сократился до одного месяца. В лаборатории были аккумулированы лучшие мозги многих специальностей. И, как бы скептически Реутов ни относился к технарям, именно они сляпали установку, позволяющую ускорять процессы старения. Раз-

работка этой установки велась совершенно секретно.

Хотя для соответствующих служб и некоторых теневых структур... Денег катастрофически не хватало. И противники вынуждены были сотрудничать. Реутов не задавался вопросом, а зачем это нужно тем или другим. Просто не хотел его себе задавать. Можно прозябать в простой психиатрической лечебнице. Конечно, платят за вредность, отпуск большой... Если занимать не последнюю должность, и от нужных людей когда перепадёт, чтобы подержать неугодного человечка подольше. Но это, что называется, «мелочь по карманам тырить». Вот друг его институтский, Азаровский, золотая голова, умница... Единственно, по жизни, верней, по женам, скачет беспрерывно. Сейчас, вроде, успокоился, в религию ударился. А мог бы тоже в Москве остаться, а не прозябать в провинции.

Собственно, работа Реутова пока заключалась в подготовке клонов к обычной жизни. Он разработал технологию транс-погружения (и в ней ничего нового не было, новое заключалось только в том, что это были не обычные люди, с их памятью, а абсолютно чистые листы бумаги), ведь клонам, прошедшим ускоренные физиологические циклы старения, необходимо было дать историю.

Вот где разворачивалась фантазия! Написать жизнь с чистого листа. Его опыты удавались, постепенно стали разворачиваться процессы внедрения клонов в нормальную жизнь. Соответствующие органы и структуры пристально следили

за результатами. Иногда Реутов чувствовал себя между двух огней, когда сначала его вызывал генерал, а потом тихим, но настойчивым голосом интересовался «папа», как продвигаются дела. Реутова не интересовали ни настоящие фамилии его «благотворителей», ни их ранги. Ему хотелось работать. Естественно, за хорошие деньги. Своих «детей» он опекал и всегда радовался за их первые шаги в этом безумном мире. Хотя совсем чистым эксперимент было назвать нельзя, все находилось под наблюдением. Клоны, конечно, не знали, что они клоны, а не настоящие люди, но их история жизни была придумана, десятки раз выверена, записана, реакции практически предсказуемы.

Реутову хотелось проверить, как поведут себя они в экстремальной ситуации, а, самое главное, чтобы массив памяти соответствовал массиву памяти прототипа. Довольно циничный подход для врача, но Реутовым двигал исключительно научный интерес.

Очевидно, при формировании его ума душа не успела протиснуться вперед...

Глава 3

Когда Саня пришел в купе, Борис Маркович уже мирно спал, неуклюже свернувшись калачиком. Опять скользнула мысль о его незащитности. Что-то разбередилась душа, не спится. Почему-то вспомнился тёплый юг, ушедшее прошлогоднее лето. В этом году он не отдыхал, менял работу.

В Абрау-Дюрсо был палаточный городок, скромный, но со вкусом. Палатку он поставил на горе, чтобы никто не хрустел песком над ухом. Ночью обычно с моря раздавались крики купающихся и веселящихся, на камешках было жестковато, зато соседей никого. В редком лесочке с тропинкой, ведущей к турбазам, шуршали крыльями маленькие совы; мерно разбивающиеся о скалу волны успокаивали.

Как-то на пляже он заметил студентку, веснушчатую, хрупкую, не похожую на современных, знающих себе цену, юных особ. И снобизма в ней столичного не было. Он не стал долго размышлять, взяв на вооружение обычную тактику ухаживания за женщинами.

Собственно, ничего нового, все старо как мир. Но действует безотказно. Придумывать что-то новое было лень. Конечно, в условиях, когда до деревни топать два километра, цивилизация и вовсе далеко, трудно ухаживать за дамой. Но и в походных условиях есть место фантазии. Они ходили на

танцы на её турбазу, прокатились в Новороссийск, Анапу, загорали на пляжах, купались, пили шампанское и гуляли. Вспоминая это сейчас, Саня словно ощутил мягкое прикосновение водорослей по животу, когда он в маске плавал за мидиями, а Ксюша радовалась как маленькая перламутровым раковинам и прочим морским сувенирам.

Ксюша была умненькой девочкой из хорошей семьи. С дурочками Саня вообще не знал, как себя вести. Конечно, у неё ещё совсем не было никакого опыта, и многие вопросы её были наивны и чисты. Это Саню забавляло. Особенно забавлял нежный румянец, который покрывал её веснушки, когда она вдруг понимала, что сказала глупость. К чему же это он вспомнил... А, про любовь. Это было, как вдыхание аромата нежных духов... Он себя ощутил молодым, почти двадцатилетним.

Она плакала в аэропорту... Невыносимая сцена прощанья, он хотел её избежать, но, как всегда бывает, под давлением дал слово, что проводит её, и даже купил молочно-бледную розу на прощанье. Правила, условности. Если ты джентльмен, то нужно помахать даме платочком, как будто что-то изменится оттого, что ты вовремя подал ей перчатку или открыл дверь. Ведь это все формальная игра... Он пишет ей иногда по электронной почте, вот только съездить в Москву так и не собрался. Кстати, надо позвонить ей, спросить, как у неё учеба, и все такое. Что-то много дел в столице, как бы все успеть. Не пора ли уже составлять план в блокнотике,

чтобы ничего не забыть. Как всегда, поставив перед собой задачу, Саня стал спокоен и сосредоточен.

Вдруг поезд резко стал тормозить. Саня выглянул в окно. Какая-то деревенька, совсем маленькая, странно, что здесь вообще остановка, поезд-то скорый, такие полустанки должен пролетать без остановок. Легкое чувство беспокойства коснулось его уже засыпающего сознания.

В вагоне хлопнула дверь, и послышались приглушённые голоса. Саня сел и встряхнул головой. Глаза неотвратимо слипались, но среди наступившей тишины что-то щёлкнуло. Что-то упало, рассыпалось. Снова шепот, как дуновение ветерка. Поезд дернулся и медленно начал набирать скорость. Облачко беспокойства стало рассасываться, и медленно навалился сон.

...Кто-то грубо толкал его в бок, а он все ещё пытался досмотреть прекрасную картинку.

– Э, вставай!

– В чём дело? – протирая так и не отдохнувшие глаза с красными прожилками усталости, Саня пытался сначала отмахнуться от навязчивого обращения.

Перед ним стоял широкоплечий, чёрноволосый парень лет двадцати пяти, с явным отсутствием каких-либо эмоций на лице.

– Приехали, вставай.

– Который час?

– Два часа ночи, скоро остановка.

– Послушайте...– начал было он, но ощутил легкий нажим металлического предмета у себя под лопаткой.

– Не рыпайся, фраер, не поднимай шум. Поезд захвачен, ясно? Повтори, что понял.

– Я понял.

– Вопросы?

– Вы что, имеете реальное желание ответить на мои вопросы?

– Он ещё пытается шутить. Серега, давай сюда наручники, мне подобного рода шутники не нравятся. Сейчас шутит, а потом начнет переубеждать, как вот этот, – тут Саня наконец-то разглядел Бориса, без очков, с кляпом во рту, с наружниками и связанными ногами. Следов побоев не было видно.

– Вовка, ты не переборщи.

– Его-то за что? Он вреда вам не причинит?

– Много ты понимаешь...Кончай болтать, а то тоже кляп получишь, подарочек к Рождеству.

Что происходит? Два ублюдка спокойно взяли его сонным, зачем им поезд, ведь это не самолет, в Турцию не уедешь? Вопросы, вопросы... А надо сосредоточиться на том, чтобы как-то выжить, не думать, не думать... Борис смотрит как затравленный зверек. Пот струйками стекает по лбу. Глаза, большие, серые, щурятся в попытке что-то разглядеть. У него, очевидно, очень плохое зрение.

– Борис Маркович, все скоро выяснится, я уверен.

– Молчать! Предупреждаю последний раз.

– Вам нужен поезд или конкретные люди в поезде?

Тот, которого называли Серегой, посмотрел на Саню прозрачно-холодно, смачно сплюнул и произнес хриплым голосом.

– Жди, скоро все объяснят, любознательный ты наш.

В купе неожиданно заглянул старый знакомый, просивший зажигалку в тамбуре. Видимо, он тут был старший.

– Алексей, вот этого пришлось немного усмирить. Он не захотел помолчать. Представь, начал нам читать проповеди о спасении души. Не сдержался я. – Серега злобно окинул взглядом фигуру Бориса.

– Понимаю. Этот что?

– Не сопротивлялся. С юмором все в порядке.

– Да, видно, я не ошибся. Ночью, не припоминаете? – Алексей сделал попытку улыбнуться.

– Припоминаю. Насколько я понимаю, Вы можете объяснить, что происходит?

– Все просто – захват. Шаг влево, шаг вправо ведет, сами знаете, к какому результату. Но мы же цивилизованные люди. Нам жертвы не нужны.

– Что вы будете делать с поездом? С людьми?

– Э... об этом рано, дорогой. Я хочу предложить Вам, как бы помягче сказать, сделку... С совестью. Да, с дьяволом, как бы сказал наш проповедник. Поверьте, вы от этого только выиграете.

– В чем состоит суть сделки? – Саня старался не смотреть в сторону Бориса; выиграть время любой ценой, разобраться в сути, потом уже решать...

– Объясняю. Ваша задача – успокоить людей. Убедить, что мы ничего плохого им не сделаем. Ну, вы же не раз смотрели все эти фильмы про захваты заложников. Наверно, усвоили, что первыми погибают те, кто пытается действовать эмоционально. А Вы спокойный. Кстати, как вас зовут? Мы почти ровесники, интеллигентные люди, на «вы» в нашем общем деле обращаться не принято.

– Александром. Предлагаете выпить на брудершафт?

– Я ценю Ваше умение шутить. Значит, Александр, для простоты Саня. Замечательно. Так вот, Саня, не дури, сантименты нам некогда разводить. Сейчас тебя освободят, запомни задачу – успокоить людей.

– Что я им должен говорить?

– Что мы доезжаем до ближайшей станции и высаживаем женщин и детей.

– Дальше?

– Дальше посмотрим. Мы уже отцепили половину состава, народу немного, в купейных вагонах тем более.

– А цель захвата, что-то я никак не пойму?

– Мы не на исповеди. Сейчас начнутся перемещения, всех собираем в три вагона. Данный вагон за тобой.

Тут же сняли наручники. Алексей вышел из купе, не оборачиваясь. Вовка и Сергей вышли вслед, но Вовка остался

присматривать.

– Вот Вам, Борис Маркович, и маленький спектакль. И это только начало. Надеюсь, вскоре я Вам объясню суть своей игры. – Саня говорил, не принимая во внимание, что Вовка все слышит.

Почему-то у него сложилось определённое мнение насчет его интеллекта. Тот спокойно и равнодушно ожидал дальнейших указаний и курил. Интересно, сколько их человек? Вряд ли Алексей откроет все карты сразу. Дверь в вагон снова распахнулась, и в неё начали заходить перепуганные люди. Тут Саня заметил ещё человек десять с оружием, выглядывающих из других купе. Все происходило до удивления спокойно. Тишину взрезал уверенный голос Алексея:

– Приказываю все делать тихо и спокойно. Расходитесь по купе, человек по десять, женщины с детьми отдельно, мужчины отдельно. Вот этот товарищ вам все объяснит позже.

– Подонок...– услышал он тихое проклятье от одной из женщин. Подонок? Он ещё ничего не сделал, никого не убил, не ударил...Предал? Неизвестно, может, он сможет убедить террористов не проливать лишнюю кровь. Вовка жестом пригласил его в каморку проводников. Ага, микрофон, чтобы все слышали его речь.

– Ну, давай, красноречивый.

– Товарищи... Господа... Меня заставили, поймите...

– Не плачься, как девица перед первой брачной ночью, – шепнул Вовка. Саня посмотрел на него, и ему показалось,

что во всей этой буффонаде он самый нелепый.

– Итак, террористы обещают не причинить никому вреда. На ближайшей станции женщины и дети могут быть свободны. Прошу сохранять спокойствие, призываю к вашему разуму...

– Оратор, – Вовка отключил микрофон, – тебе бы в партийные лидеры, Жириновский с Зюгановым в одном флаконе.

Саня подавленно молчал. Неужели я трус, эта мысль всё настойчивей окутывала его гадливым и липким объятием. Как я сейчас посмотрю Борису в глаза? Трус, трус, мог бы и не соглашаться, другого бы нашли.

– Ну, оратор, иди к себе и сиди тихо. Можешь своему проповеднику кляп достать, а наручники, надеюсь, пилить не будете. Имей в виду, тут кругом одни бабы да ребятки, вот как раз для тебя, сопливого интеллигента.

Саня заскрежетал зубами от бессилия. Он пошел по вагону как сквозь строй. Десятки глаз смотрели на него с презрением и ненавистью. Он не поднимал глаз, но, он был уверен, что самое страшное предстояло в купе, где униженно скрючился Борис. Что хуже – физическое страдание или нравственное?

– Саша! Саша! – почудился ему сдавленный шепот. И снова: – Саша, остановись, мы здесь. – Он поднял глаза и увидел... Аню. Она была бледной, с синими кругами под глазами, с растрепанными вороньими волосами, за которые он ко-

гда-то звал её «чёрной лошадкой».

– Аня? Как?

Но она молчала. Её стали пропускать, и вот он увидел заплаканное лицо своей дочери Маши.

– Разве вы не в Москве?

– Мы приезжали ненадолго. Странная встреча, да ещё при таких обстоятельствах...

– Да... Обстоятельства не самые лучшие, – он обернулся к Вовке, – это моя бывшая жена и дочь.

– Понял. Ну что ж... Алексей, тут обстоятельства выплыли, – закричал он в рацию, – наш успокоитель встретил бывшую супружницу с дочерью. Что с ними теперь делать, воссоединить? – и, немного помедлив, кивнул Сане. – Добро, иди, немного поспи, через пару часов станция.

Они зашли в купе и закрыли дверь. Другие купе закрывать было запрещено.

– Саша, развяжи ему хотя бы ноги.

– Борис Маркович, простите меня, я понимаю, что вы пострадали из-за меня. Очевидно, это был их метод устрашения...

– Бог простит.

– Это Аня, моя бывшая жена, это Маша, моя дочь.

– В другом бы месте сказал бы, что очень приятно. Увы, это не самое подходящее время для обмена любезностями. Что Вы намерены делать, Александр? На Вашем месте, я бы им не верил. Взгляд у Алексея мне не понравился. Типичный

взгляд одержимого безумной идеей.

– Надеюсь, Борис Маркович вы понимаете, что при новых обстоятельствах я не позволю этим гадам выкинуть мою бывшую жену и ребенка на каком-то полустанке. Нет никакой гарантии, что там их не поджидает что-то ещё.

– Хорошо, а если бы их не встретили? Судьба других женщин Вас волновала бы меньше?

– Вы опять пытаетесь внушить мне идеи о нравственном выборе в пользу всего человечества в целом? Или что? И вообще, чем определяется нравственность? Так мы снова скатимся в полемику богословов и экзистенциалистов. Борис, можно я уже без отчества, к сожалению, моему терпению есть предел. Да, я буду заботиться о собственной шкуре, нравится Вам это или нет, и о спасении жизни дорогих мне людей. Нельзя любить человечество в целом. Не время разводить философские дискуссии, не время! Осталось пара часов, за это время нужно выработать план действий, как нам выбраться из этого дерьма! Если хотите принять активное участие, извольте, только без нравоучений и назидательных бесед!

– Саша, не кипятись так, успокойся, не надо. – Аня погладила его по руке.

Странно-непривычный жест для неё. Видимо, он настолько отвык от нежности с её стороны. Он помнит отчётливо только поджатые губы, молчание, короткие записки, что она уехала к родителям и ужин в холодильнике. Как давно это

было, было ли вообще... надо встряхнуться, а не углубляться в воспоминания. Машка... он ей не сказал ни одного ободряющего слова, а лицо у неё зарёванное, она вцепилась в Аню, и смотрит на него синими глазами. Он присел на корточки.

– Маша, не плачь, все будет хорошо, мы сейчас что-нибудь придумаем, ты испугалась, бедная... Я тебя люблю, все будет хорошо...

Он никогда ещё не говорил столько нежно-бесполезных слов. В мозгу зудела мысль – не время, не время, надо думать, а слова лились и лились, как будто они давно ждали этой минуты... Борис молчал, отвернувшись к окну. Полнолуние, безжалостно выхватываемые из темноты переплетенные руки деревьев, круги усталой отрешенности вокруг лунных глаз...

Глава 4

Реутов спал беспокойно. По его подсчетам, уже должны были поступить сведения о событиях в поезде. И, как он ни ожидал звонка, мелодия турецкого марша заставила его вздрогнуть.

- Это Алексей. Усё в порядке, шеф.
- Не ёрничай. Как там наш подопечный?
- Талант, каких мало. Очень убедителен.
- Ну да, для подготовленной аудитории...
- Тут небольшая загвоздка случилась, Андреич.
- Какая?
- Прибилась к нему жена бывшая, с дитем лет десяти.
- Откуда взялась?
- Из поезда, вестимо.
- Разве так бывает?
- Что дальше с ними делать?
- Ничего не делать, действовать по плану, наблюдать.

Так-так, кажется, все идёт, как надо. Реутов даже не осознавал ещё, какого результата он хочет достичь, возможно, смысл не в результате, а в самой игре в «психологические шахматы», когда важна не победа, а реакция противника...

Да, идеи ощутить себя «волхвом», проникают в душу подобно змею-искусителю. Возбуждение – предвосхищение –

наслаждение... Он должен составить отчёт, как ведут себя клоны в критической ситуации. Способны ли они на такие же сильные эмоции, как настоящие люди, у которых память есть результат всей предыдущей жизни, а не какая-то пустая программа, которую попросту вложили в голову. Чувства – они тоже в памяти или где-то ещё?

Ощутить себя Творцом – кошунство или шаг по пути к прогрессу? Что-то в богословие потянуло, кисло подумал Реутов, неожиданно вспомнив об Азаровском. Как он там, бедняжка, со всеми своими премудростями, справляется с тяготами простой жизни? И много ли они ему помогли сейчас? Надо потом подробно расспросить о чувствах и переживаниях. Снова весело заиграл телефон.

– Папочка, привет!

– А, дочка, здравствуй, дорогая, что так поздно? Ой. Я забыл, у вас там ещё вечер... Как настроение, как отдых?

– Папочка, все замечательно, мне очень весело.

– Почему же голосок такой неуверенный, проказница?

– Папа, я по дому соскучилась.

– Понимаю. Потерпи ещё с недельку, я сам приеду, мы с тобой облазим все неприметные уголки, обещаю. Но у меня сейчас дела, очень ответственные лабораторные исследования, можно сказать, почти экзамен. Не грусти, зайчик мой солнечный.

– Папа, прости, что я так поступила, – изменившимся голосом вдруг сказала она.

– Мне не за что тебя прощать. А вот его, ну, ты понимаешь...

– Папа!! Я ведь его любила. Наверное, до сих пор люблю. Не унижай меня.

– Все, я не могу больше об этом говорить. Я приеду через неделю, обещаю. Целую, пока.

Она ещё будет меня убеждать...

События полторалетней давности нахлынули на него с прежней силой. Его дочь, которую он так любил... Она пришла к нему в конце октября в кабинет вся в слезах. Реутов всегда был с ней откровенен, и она ему доверяла больше, чем его жене.

Как-то так получилось, что её первая любовь к мальчику из параллельной группы вызвала бурное возмущение её матери. Она отследила момент, когда они прощались на крыльце, и любезно пригласила подняться.

Ничего не подозревающий юноша вынужден был выслушать мораль о чуть ли не совращении её малолетней дочери. Мать резюмировала, что так дальше продолжаться не может, а вдруг будет беременность, и вообще это аморально. Они стояли перед ней как провинившиеся школьники, а она воплощала в себе карающую руку оскорбленной матери.

– Вашей дочери не пятнадцать лет, и наши отношения из разряда добровольных.

После этого они расстались. С тех пор Реутов был для своей дочери и за маму, и за папу. В тот октябрьский вечер она

тихо села на диванчик и бесстрастным голосом сказала заготовленные слова:

– Па, помнишь, я тебе рассказывала о том мужчине... Ну, с которым мы познакомились летом.

– Помню. Вы, кажется, переписываетесь?

– Дело не в этом... Да, мы переписываемся... Я не знаю, как тебе сказать... В общем, я его люблю.

– И хорошо. Что же тут стыдного? Я не мама, морали тебе читать не буду, ты уже взрослая.

– Дело не в этом...

– А в чем?

– Наверное, мне надо было раньше сказать... Но сейчас тянуть совершенно нельзя... Папа! Я была так глупа, прости меня!

– Что? Что случилось, ну, не молчи...

– У меня токсикоз.

Реутов оцепенело поглядел на неё. Первым желанием было ударить. Нет, нет! Это навсегда разрушит все, что между ними есть. Девочка попала в беду, он должен её спасти.

– Что ты намерена делать?

– Я не знаю.

– Ты ему сказала?

– Нет. Я намекнула, он сделал вид или на самом деле не понял.

– Я должен все взвесить. Но решение будешь принимать сама. В принципе... Какой срок?

– Папа, срок, когда делают аборт, уже прошел, или вот-вот пройдет.

– Что ж... Тебе ведь нужно ещё институт закончить, хорошо, оформим академический, няню найдем...

– Я... хочу этого ребенка, очень.

Как ни старался Реутов отговорить, было бесполезно. Токсикоз был настолько выматывающий, УЗИ показало уродство плода, теперь уже не он, а врачи советовали сделать родовызывание, так как все сроки уже прошли. Она лежала в палате и ни с кем не разговаривала до самой процедуры, когда живорожденное дите должно было умереть насильственно.

Лечение от депрессии в советской больнице, хоть и в отдельной палате, он вспоминает теперь как страшный сон. Как он тогда сам не свихнулся, работая по двенадцать часов, без выходных, постоянно вздрагивая от любого звонка, боясь услышать, что она что-то с собой сотворила.

Именно тогда стали успешно заканчиваться опыты по ускорению процессов старения и целенаправленному заполнению памяти клонов. Ещё много было не понятно, но глаза исследователей светились так вдохновенно, что на работе, в коллективе, он полностью отключался. Тогда ему в голову пришла идея использовать не выдуманные истории, какие могли остаться в человеческой памяти, а настоящие, взятые от живых людей, «доноров». Создать не только физически идентичную копию, но и психически. Это был взлет его ге-

ния, сотворить, по сути, не просто живую куклу, а человека. Недаром уже обсуждают, какие будут права у клонированных людей. Ведь они личности. Только вот сам Реутов в этом не сильно убежден. Ведь это личности, чей интеллект, память, чувства смоделированы им. К счастью, его покровители не заметили истинных мотивов проведения этого эксперимента...

Глава 5

– Так, время неумолимо. Что будем делать? – Саня сидел за купейным столиком, склонив голову на руки. Надо выделить основную задачу... Основная цель – уберечь родных. И наплевать на остальных. В купе постучали. Это был Алексей.

– Ну что, Саня, готов?

– К чему?

– Скоро высадка. К сожалению, не всех. Только женщин и детей.

– Хорошо. Я могу сопровождать?

– Пожалуй, да. Можешь и проповедника в помощники взять. Собирайтесь. Остановка через пятнадцать минут.

Дверь снова закрылась.

– Так, Борис, слушаться меня. Выходите без фокусов. Все решаем на месте. Я знаю столько же, сколько и Вы.

– Александр, Вы прекрасно вошли в роль помощника террористов.

– Сейчас не время на выяснение отношений. Маша, Аня, вы готовы?

– Саша, мне страшно, – Аня слегка дрожала, то ли от холода, то ли от пережитого.

– А ты не думай об этом. Думай о том, что нам нужно выбраться. Хотя... У меня такое ощущение, что это какая-то

игра. Больно террористы смиренные. Пока ещё никого не пристрелили, только что Бориса немного побили.

Высадка происходила молча, поезд стоял каких-то десять минут. Перрон был пуст. На покосившейся вывеске Саня прочитал название «Весёлое». Да уж, весёлое место и время. Серёга и Вовка спокойно курили в стороне.

– В общем, так, Санёк, бери своих спутников, приглядывай за другими. Пошли.

Как стадо баранов, никаких признаков сопротивления. Всего человек тридцать. Из них человек десять детей, не считая Машку. Что я буду с бабами делать, восстание организовывать, что ли, без энтузиазма думал Саня, едва уворачиваясь от сквозного ветра. Аня шла, наклонив голову. Какая нелепая у неё курточка, как раз по сезону, для тридцатиградусного мороза. Злость, вот что, да, злость, на себя, на этого нелепого Бориса, на эту дурацкую командировку, на покорность судьбе.

– Ну, что, Борис, непотворение злу насилем, подставь правую щеку, когда ударят по левой?

– Это неправильное толкование. Злостью вы ничего не добьетесь. Значит, где-то мы вели себя неправильно, раз попали в такую переделку.

– А, искупление грехов. Понимаю. Вот только Машка моя, в чем виновата? Или основной принцип бытия – случайность? Похоже, я смешиваю сейчас все в кучу, это от злости, наверное.

– Никто не виноват. Она просто страдает за Ваши грехи. Правильно ли Вы вели себя в жизни, вот в чём дело.

– Борис, мне жутко наскучили Ваши нравоучения. Ваша мягкотелость, Ваши обвинения.

– Я не обвиняю, я обличаю.

– А кто Вам дал это право, дорогой? Вы возомнили себя Всевышним?

– Нет. Хорошо, давайте пройдем этот путь молча.

– Эй, долго мы ещё будем плестись? – обратился Саня к «террористам».

– Не торопись, минут через десять погрузимся и поедем.

– Куда? Кажется, вы обещали свободу.

– Кто же верит сказкам? Ещё с час езды.

Маша молчала, но Саня заметил, что она уже очень устала. Пришлось взять её на руки. Аня благодарно взглянула в его глаза. Молча, молча, только молча. Слова, определения, это такое недостаточное условие для выражения чувств. Как там, слова нужны, чтобы отражать факты, а не фантазии. Чувства – это то, что мы себе представляем. А факты – это то, что реально имеем на данную минуту. Имеем унижение и неопределённость. Какие чувства он испытывает, Саня не мог себе сказать. Злость сменилась апатией к происходящему, немые сцены дешевого спектакля неизвестного режиссера. Вспомнился «метатеатр», что заставило его хмыкнуть. Кончис был великим постановщиком, у него все было со смыслом.

Замечательный итог в виде моральных и физических страданий. Прекрасные античные картины. А тут тащишься как идиот по заснеженной дороге, неизвестно куда, и нет никакой мысли в голове, что делать дальше. Неужели он настолько обленился, что не может крикнуть этой толпе женщин – «дурочки, остановитесь, их же всего двое», нет, он медлит. Тут он увидел крытый фургон. И испытал чувство облегчения. Хотелось только привалиться к холодному брезенту и ни о чем не думать. Он помог залезть женщинам, перекинул ногу.

– Да, Саня, поедешь вместе со всеми, уж извини, места на переднем сиденье все заняты, – одновременно проникновенно и издевательски сказал Вовик.

Они действительно ехали куда-то целый час. В угрюмом полудремотном молчании. Наконец-то и избушка, старая развалина, с гниющими квадратами окон. Быстрое распределение по закуткам. Сане достался чердак, «террористы» остались внизу. Маше он подстелил свою дублёнку, укутал сеном как куклу. Аня легла с одной стороны, он с другой. Они лежали, взявшись за руки над головой, и смотрели друг на друга в темноте.

– Аня, как ты живешь?

– Нормально. А ты?

– Странно, что мы встретились при таких обстоятельствах, знаешь, мне иногда вас не хватает с Машкой. Когда я прихожу в одинокую квартиру, уставший от друзей и дру-

жеских вечеринок, я смотрю на нашу общую фотографию, помнишь, Машке было семь лет? Сентиментально, да?

– Нормально. По крайней мере, искренне. Я вообще не знаю, что большее – хранить в своей памяти – слова, сказанные, или слова недосказанные, – её голос был хриплым, она откашлялась.

– Искренность. Да, у нас было её так мало. Твой уход.

– Это было закономерно, Саша. Мне ведь тоже надоели твои измены. Думаешь, я не догадывалась? Я даже их знала, некоторых твоих женщин.

– Да? Прости.

– Я уже давно простила. Не знаю, простит ли Маша. Она очень замкнутая и необщительная. И ничего про тебя не спрашивает. Как будто всё знает заранее. А когда я начинаю вспоминать, про себя, как у нас не сложилось, она подходит ко мне и просит «мама, я ведь тоже страдаю, ну, пожалуйста».

Саня закурил сигарету. Надо было что-то решать.

– Как думаешь, сможем ли мы убежать? Борис, а Вы что думаете?

– Я готов. Вопрос только, как быть с Машей. С ней мы далеко не уйдем. Да и охранников надо как-то обезвредить.

– Предлагаю поодиночке их оглушить.

– Не надо лишней крови.

– Борис, либо вы слушаете меня, либо убирайтесь ко всем чёртям. Аня, надо изобразить больную, я их начну просить о

лекарствах, Борис, изображайте врача, как положено. Главное, их сюда заманить. Хорошо, свяжем их ремнем. Снимайте свой ремень, джинсы никуда не упадут. Аня, приготовь пока кляп из сена. Прошло полчаса, надеюсь, тетеньки уснули, надо все сделать тихо, без шума. Начали. Борис, быстренько, симптомы чего-нибудь.

– Давайте: резкая боль в животе, приступ аппендицита, к примеру. Я попробую изобразить точечный массаж. Придется немного оголить живот, чуть позже, Аня, вздыхайте и стоните, вспомните, как Вы когда-то рожали, только сильнее, артистичнее.

– Ладно, Станиславский. Поехали. Без репетиции.

Аня начала корчиться и охать. Саня открыл вход на чердак и тихо крикнул:

– Эй, тут моей жене плохо.

– Чего кричишь-то, у нас тут не девять-один-один, – откликнулся Серега.

– Может, лекарства какие завалились? Я врач, похоже на приступ аппендицита, – добавил Борис.

– Может, и завалились. Эй, Вовик, проснись, – потормошил он уснувшего напарника. – Сейчас с начальством свяжусь. Алё, Алексей, у нас тут у твоего добровольного помощника жена задумала помирать от аппендицита. Анальгину дать? О'кей. А дальше, операцию подготовить? Это я шучу так. Хорошо, конец связи. Эй, сейчас получишь анальгин.

Заскрипела лестница, и Серега стал медленно подниматься по лестнице.

– Давай руку, помогу, – дружелюбно протянул свою руку Саня. Следующим движением он выдернул его из проёма и перекинул через бедро и навалился сверху. Борис схватил его запястья, Аня, изображавшая минуту назад больную, плотно вдавила кляп.

– Ну что, дружок, лежи тихо. Будешь молчать? Кивни, если «да».

Серега кивнул. Снизу крикнул Вовик:

– Ну, что там?

– Говори, что всё нормально, – Саня вынул кляп.

– Всё нормально, больная пока жива.

– А чё не спускаешься?

– Сейчас, сейчас.

– Говори, что надо согреть воды, сделать некоторые манипуляции. А ты пока тут покараулишь, – подсказал Саня.

– Вовик, согрей пока воды, я тут покараулю на всякий случай.

– Молодец, быстро соображаешь, – сквозь зубы процедил Саня. Чувство, что все слишком легко и просто получается, не покидало его. – Расскажи-ка нам, что ты знаешь обо всем этом балагане.

– Честно, ничего не знаю. Дали задание и всё, Алексей знает.

– Связывайся с ним.

– Связь внизу.

– Ладно, подождем. Спроси, что там с водой.

– Вовик, ты там не умер? Может, тебе уже пора искусственное дыхание делать? – через некоторое время крикнул Серега в пространство.

– Не умер, не умер. Уже иду. С кастрюлей. Развели тут палату приёмного покоя.

– Какое знание тонкостей советской медицины, – попытался пошутить Борис.

Показалась взъерошенная фигура Вовика с кастрюлей в руках.

– Ну, теперь всё понимаешь? – угрожающе спросил Саня.

– В общем, да.

– Вот что, ребятки, сдавайтесь. Звоните своему Алексею, я с ним хочу поговорить, – Саня вытащил «Макарова» из оттопыривающегося кармана.

Все просто, все слишком просто, так не бывает, снова анализировал он обстоятельства. Как безвольные куклы у Карабаса-Барабаса, дергаешь их за верёвочки, они не сопротивляются. Пьеро печален, Буратино улыбочив... Господи, о чем я...

– Э... Сань, что ты с этим гаремом делать будешь? – ухмыльнулся Серега.

– Оставлю вас тут за евнухов, а сам на свободу буду пробираться. Хватит болтать, мне нужен Алексей.

– На, – протянул трубу Вовик.

Рация поскрипела, голос Алексея прозвучал уверенно и спокойно:

– Да, слушаю.

– Это Александр. Ваши людишки оказались никчемными охранниками, мы их легко обезвредили. Что будем делать, торговаться, или потолкуем как нормальные люди?

– Смотри, что ты понимаешь под словом «нормальный». Мне кажется, ты рано радуешься успеху. Эта победа – лишь незначительный эпизод. При желании я через пятнадцать минут окружу избушку, и все будет по-старому. Забыл тебе сказать, что во время остановки ещё часть моих людей остановилась неподалеку.

– Ты блефуешь, верно?

– Может, и блефую. Мы предполагали, что ты попытаешься сделать этот ход.

– Кто такие «мы»?

– Э... Я пока не могу тебе этого сказать. Бесплатный совет – освободи моих людей, а сам можешь идти.

– Кто ещё может пойти со мной?

– Те же, что и раньше.

– Хорошо. Я вам поверю, вы нас перещёлкаете поодиночке.

– Ты меня насмешил. У нас нет такой цели. Поезд захвачен, тебя я оставил просто так, чтобы дамам не было скучно.

– Никак не могу взять в толк, вам нужен поезд или я?

– И то, и другое, и можно без хлеба.

– Кончайте этот идиотизм!

– Не буянь. Собирай свою команду, выходите по одному, ты замыкающий, чётко и без шума. Конец связи.

Саня посмотрел на Бориса.

– Похоже, наши приключения не кончились. Нам предлагают отсюда убираться в никуда.

– Может, все это блеф? – спросил Борис.

– Я уже ничего не понимаю. Вот эти двое спокойно дали себя связать, Алексей говорит, что их тут ещё много, и взять нашу «крепость» им ничего не стоит. А вы что скажете, верить вашему начальству?

– Дело твое. Только не делай глупостей. В хорошо продуманной партии игра идёт на нюансах. Важнее реакция противника, чем победа, если помните.

– Что-то умные нынче террористы пошли, не находите, Борис?

– Ага, начитанные. Может, их в университетах обучают, специально, чтоб с интеллигентными людьми могли находить общий язык? Познания просто глубочайшие, – комментировал Борис, развязывая руки Сереге и надевая ремень, – Не страшные они какие-то, как из детского кино. У вас там сценарий-то не подредактировали, в соответствии с новыми веяниями?

– Иронизируйте, голубчики, то ли ещё будет, – сплюнул Серега, потирая затёкшие руки.

– Однако пистолетики уж у нас останутся, не обессудьте.

Волки бродят по лесу, да и вы чем хуже, – застегивая кобуру, процедил Саня, – Аня, буди Машку, и поехали.

– Счастливой дороги, помните, мы ведь хорошие, – улыбнулся Вовик.

– Ну, просто цирк. Зрителей только не хватает. Всё, Борис вперёд, потом Аня с Машей, я прикрываю. Кстати, ребятки, одолжите свои курточки, нам они нужнее, Аня, надевай на себя и на Машку.

– Смотри, когда будешь мемуары писать, как ты был ковбоем, не забудь, что это происходило почти на диком Севере, – вдогонку крикнул Серега.

Глава 6

Около полугода назад Реутов как бы случайно заглянул в иммунологическую лабораторию. Нацепив на усталое лицо любезную улыбку, он подошел к уткнувшейся в компьютер лаборантке.

– Светочка, ты, наверное, устала? Иди, отдохни, – Раутов похлопал её отеческим жестом по плечу.

– Можно, Геннадий Андреевич? – она откинула выбившуюся прядь и попыталась улыбнуться.

– Конечно, можно, ты только вот что мне скажи, я ведь дилетант. Прививки вы им ставите? А они чем-то заболеть могут?

Светочка стала предельно серьезной, как перед аттестационной комиссией:

– В принципе, сейчас мы разработали методику, уникальную в некотором роде, вакцины трёх типов. Первый тип – для стандартных детских болезней: коклюш, свинка, ветрянка, оспа, ну, сами знаете. Второй тип – пневмония, грипп, гепатиты. И третий – самый интересный. Совершенно неясно, какие микробы на них могут действовать. У нас-то это годами вырабатывается, а тут ведь все ускоряется. Как клетки будут вырабатывать антитела, тоже ускоренно? Никто не знает. Мой руководитель в качестве эксперимента предложил вво-

дить разработанную им вакцину, позволяющую клетке самой определять степень риска и вырабатывать стратегию защиты.

– Это очень любопытно. Любопытно. Светочка, я хочу пригласить тебя завтра на ленч, если не возражаешь. А сегодня все-таки задержаться, я хочу понять технологию. Ты же понимаешь, я за них волнуюсь, ведь это дети мои.

– Я понимаю.

– Хотя моя область, конечно, иная. Я как художник – должен запечатлеть на их полотне памяти картину реального мира и их собственной истории жизни. На самом деле, это не так поэтично, как кажется. Нам удалось уловить, как меняются межнейронные связи при извлечении из памяти событий. Представляете, сколько событий хранится у человека в памяти, какая это база данных, и какая мощная СУБД должна этим всем управлять? А запись отдельных эпизодов в структуре РНК? Ну, что-то я углубился, так завтра в пять, дорогая?

Светочка была жилистой тридцатилетней «старой девой» с крупными зубами и волосами, по-старушечьи стянутыми в узелок. Реутов ей давно нравился, последнее время он начал часто заглядывать к ней в лабораторию, расспрашивать про работу, высокопарными фразами обсуждать свои разработки в отношении клонов. Она и сама уже привыкла к этим спящим пока куклам, которые за сутки проживали год своей жизни в специальных камерах. Её задачей было в точ-

ные часы-годы делать им прививки, отслеживать анализы, вести точные записи на компьютере. Работа была очень ответственной, сменялись каждые восемь часов, расслабляться можно было лишь в пятнадцатиминутные перерывы.

Ленч затянулся до вечера. Он пригласил её в «Le Club», послушать классический джаз, заведение солидное, молодняк не трётся. Все было достаточно пристойно, пили совсем немного, сухой мартини с лимоном, беседовали то о работе, то о политике, как-то легко и непринуждённо. Часто его рука задерживалась как бы невзначай на её руке, и она смущалась. Её карие глаза при этом заволакивались пеленой умиления, и она думала, что он мил и обходителен, неизменно галантен. Взяли такси и поднялись к ней в квартиру. У неё побаливала голова, Реутов предложил прилечь на диван и расслабиться. Приглушил свет.

– Надеюсь, Вы не воспользуетесь моим опьянением?

– Ну что ты Светочка, как можно? И вообще, разве ты пьяна?

– Ну да... И безумно счастлива.

– Я вижу только женщину, так сказать, под изящно-лёгким налётом опьяняющих напитков...

– Нет, нет, я пьяная, – непринужденно засмеялась Светочка, укладываясь на диван.

– Слушай меня, дорогая, и все будет отлично.

– О, я готова Вас слушать бесконечно, – закрывая глаза, с блуждающей улыбкой на губах ответила она.

– Замечательно. Ты абсолютно спокойна, твоя рука становится тяжелой, тёплой... Голова ясная, спокойная... Все кажется далеким, уплывает картина мира, луна, озаряющая эту комнату, только она высвечивает нужные предметы, все далеко, только ты и луна... Я начинаю обратный отсчёт – десять, девять...

Светочка закрыла глаза, тело сладко парило в невесомости, убаюкивающая музыка голоса, отчётливо яркие вспышки метафор, ей показалось, что она слышит шум прибоя...

– Итак, ты сделаешь то, что я тебе скажу. Клонам под номерами восемь и десять ты не введешь второй и третий тип сыворотки. Но в компьютер запишешь, что ты их ввела. О нашей сегодняшней встрече ты будешь вспоминать как о встрече случайной, все разговоры, которые у нас были последнее время, ты также забудешь, в твоей памяти останется только легкий флирт и обычное кокетство. Начиная прямой отсчёт, на счет десять просыпаешься и забываешь о том, что это тебе говорил я. ...Десять.

Светочка открыла глаза.

– Что это было?

– Это моя методика снятия головной боли, дорогая. Практически самовнушение, с моим маленьким участием. Тебе лучше?

– Да, спасибо. Вы уже уходите?

– Да, милочка, мне пора. Увидимся.

– А ...Вы...ты не останешься?

– Дорогая, я ведь женат.

– Ты можешь позвонить, ты ведь сутками торчишь в лаборатории.

– Помнится, кто-то за ужином говорил, что принципиально не оставляет никого ночевать в своей квартире. Помнишь?

– Гена, я шутила. Вернее, принципы для того и существуют, чтобы их нарушать.

Что ж, придётся смириться, почти безучастно подумал Реутов. С другой стороны, сам, старый дурак, виноват. Будто не видел, чего она ждёт. Конечно, приёмчик с головной болью был мне на руку, хоть здесь всё прошло без запинки. Вот ведь как, втягиваешься в игру, начатую ради своих интересов, и незаметно начинаешь подыгрывать партнёре в её игре. И как всё логично, просто до омерзения логично. Не хватает букета цветов и утреннего кофе в постель. И как я потом с ней распутываться буду, просто не представляю.

– Гена, я тебе хоть немного нравлюсь?

Ну вот, ещё эти бабские штучки – нравлюсь, не нравлюсь. Словесная шелуха.

– В общем, да.

– А в частности? Иди ко мне.

– Мне нужно позвонить, я сейчас...

Возникла мысль – бежать. Но ведь тебя сюда никто не тянул, и даже не приманивал. Лицемер... Сейчас придётся быть лицемером. Женская психология, любовь ушами.

Изображать престарелого Ромео, а оно надо. Бытовые поговорки типа «сделал дело, гуляй смело» и тому подобные лезли в голову. Женщины сами вынуждают к лицемерию. Почему нельзя молча согласиться с тем, что твое тело возжелали не потому, что сильно увлеклись, а просто так, под влиянием минуты. И ни к чему эти нудные разборы истинных чувств. Если, конечно, не хочешь услышать правды. Только правду сказать может не каждый. И, самое главное, не желает эту правду озвучить. Эх...

Глава 7

Сергея растянулся на диванчике и с удовольствием закурил.

– Ну, вот и отработали, Вовка, слава тебе Господи.

– И не говори. Сейчас пусть как хотят, наше дело – сторона. А вообще спектакль довольно примитивный, не находишь.

– Это тебе не Гамлета играть, дружище. Зато навар неплохой. Алексей, кажется, вполне доволен. А большего нам знать и не положено. Сейчас массовка выпитая, и будем двигать обратно. Да не грузись, по-моему, всё нормально. Мы ведь не наёмники какие, чтобы муки совести испытывать.

– Давай по маленькой, за удачу. Она нам ещё пригодится.

– Давай-давай...

Куда идти, думал Саня, вглядываясь в светлеющее фиолетовое небо. Бежать в чёрную тишину неизвестного леса. А дальше? Глаза слипались. Они передвигались по едва вытоптанной тропке, все время оглядываясь назад. Нет, погони не было. Странно, что они их так спокойно отпустили. Упасть в сугроб и заснуть. Или повернуть назад. Уже полчаса они идут неизвестно куда. Хотя, судя по следам от уехавшего фургона, в направлении станции.

– Александр, я не вмешивался в Ваши дела... Но куда мы идем?

– А я знаю?

– Должен быть у Вас хоть какой-то план действий.

–

План из одного слова – выжить. А для этого экономить силы. Предлагаю остановиться, а Вы пойдете на разведку. Должно же что-то быть, куда ведёт эта дорога.

– Хорошо. Пойду я. Вы оставайтесь со своими. Наверное, так разумнее. Мой шаг быстрее, мне не привыкать. Но для начала наломаем веток, чтобы не сидеть на голом снегу. Берегите Машу.

– Хорошо, хорошо, давайте...

Сдаваться нельзя, нет, нельзя ни в коем случае. Отяжелевшие от снега ветки ломались плохо, прошло минут пятнадцать, пока они соорудили кучку. Борис ушел, не оглядываясь.

– Ну что, девчонки, не кисните, – пытался приободрить их он, – Скоро утро, все будет хорошо. Чёрт, утешать-то я не умею.

– Саша, не напрягайся так, помолчим. Давай Машку с двух сторон прикроем, – и вдруг закашлялась прерывистым кашлем, – Ничего, простыла, наверное.

– Анька, нельзя! – он схватил её застывшие руки и пытался согреть дыханием, – ну, потерпи ещё чуть-чуть...

Тут стала хныкать Машка. Аня снова закашлялась.

– У тебя температура! Где этот чёртов Борис, – он взглянул на часы. Семь утра. И вдруг увидел измождённую фигуру Бориса.

– Ребята, я шел по дороге полчаса, нет ничего подходящего. Эх, в темноте всё равно было ничего не разглядеть. Что случилось?

– Кажется, Аня заболела. Надо что-то делать.

– Предлагаю возвращаться назад, в избушку. Кто бы это ни был, там есть лекарства, тепло.

– Вы все ещё верите в милосердие, доктор?

– Если бы я в него не верил, я бы не работал врачом. Помогайте Маше, а я помогу Вашей жене. Мне не привыкать.

– Вы силы-то где черпаете, поделитесь?

– Сила только в вере, мальчик мой.

Сила в вере... Вот в Бога-то он не сильно верил. Вернее, он признавал моральные нормы, которые предписаны человечеству, чтобы оно совсем не превратилось в стадо животных, он даже верил в судьбу, почитывал гороскопы, но Бог был для него довольно абстрактным понятием. Но сейчас эта мыслительная жвачка помогала отвлечься от реальной действительности.

– Саша, я, конечно, ничего не знаю в ваших прежних отношениях с женой, но мне кажется, что вы были просто душевным импотентом, извините за грубость. Вы и сейчас таким остаетесь. Вот ответьте честно – Вы ведь больше страх испытываете за себя, а не за ближнего?

– Помните, «любовь к ближнему – фантом, необходимый нам, когда мы включены в общество». Или у Сартра рассуждения, о том, что должен выбрать солдат – защищать Родину или остаться с матерью? Всегда можно под любые действия подогнать нужные оправдания, определения и концепции. Слова нужны лишь для оправдательных приговоров. Знаете, мне не хочется отвечать на эти нападки. Если я начну Вас убеждать в обратном, будет похоже, что я оправдываюсь. А уж если признаю... К чему эта честность перед незнакомым человеком? Честным надо быть с самим собой, прежде всего. А говорить слова, которые от тебя хотят или ожидают услышать – это ведь просто лицемерие. Лицедейство. Клоунада.

– Что ж, лучше молчите. Вот и избушка. Сдается мне, что она уже пуста.

Печально скрипнула входная дверь. Действительно, пустота, как будто и не было никого.

– Быстро за льдом, или нет, я сам, а Вы – снимайте с неё всё, чтобы снизить температуру. Да не медлите. Что я, не видел женщин никогда. Быстрее, сейчас главное не упустить минуты. Хотя, честно говоря, не предполагаю, чем я могу тут помочь без лекарств. Кажется, здесь были хотя бы обезболивающие.

Аня немного очнулась, и из её груди вырвались хрипящие стоны. Лицо её вдруг побледнело. Саня схватил её за руки и ощутил липкий пот. Свистящий шепот бронхов.

– Борис, какой диагноз?

– Сложно сказать. Тут нужна экстренная помощь. У меня предложение – одному идти на станцию, это, вероятно, довольно далеко, судя по тому, сколько мы ехали на машине, там все равно есть телефон. Аптечка вряд ли поможет. Я ещё не видел такого быстрого развития пневмонии, именно это я и подозреваю, это что-то невероятное, на простую простуду или бронхит не похоже.

– Мамочка, мамочка, – плакала Маша рядом.

– Ребёнка надо всё-таки изолировать... Слушайте, мне кажется, можно вызвать спасательную службу... Нет. Я позволю своему однокурснику, я знаю его сотовый, он что-нибудь придумает, я уверен. Так, согрейте воды и давайте пить. Лёд надолго не прикладывать, только ко лбу, надо порыться в доме, может, что тут есть, – он загремел на полках. – Кажется, уксус, прекрасно, обтирайте виски, руки, ноги. Я должен за час обернуться. Таблетки есть, анальгин, надо растолочь и давать, если температура будет повышаться. Хотя, рвотный рефлекс, но выхода нет. Состояние ребенка мне тоже не нравится. Какое-то странное ощущение, будто она тоже заболела, но ведь никаких признаков нет. Странно...

– Нет. Она только какая-то слабая. Хотя, ведь почти всю ночь не спала.

– Короче говоря, я дал анальгин и димедрол, самое простое, Аня будет спать, Машу успокойте, самому отключаться не советую, держитесь. Ну, разве на полчаса вздремните, если получится.

Борис твёрдо решил идти по дороге, по которой они уходили. Он повторял про себя молитвы, и почти не фиксировал путь. Но ему показалось, что она медленно отворачивает влево. Лес стал менее густым, он уже шёл час, но усталости почти не чувствовал. Должна же эта дорога куда-нибудь привести. Ведь это не тропинка какая-нибудь, а хорошая, укатанная колесами, дорога. Страшно захотелось пить, и он взял горсть снега. Подержать немного во рту, согреть, не хватало ещё, чтобы врач заболел. Не расслабляться, он нужен своим случайным попутчикам. Почему же такое быстрое течение пневмонии, он никак не мог понять. Ведь организм сопротивлялся, температура повышалась, но, насколько он мог судить, не слишком высоко.

Хотя, прошло уже часа три, как он заметил первые признаки. Она, кажется, просто покашливала, да ещё переохладилась. Нет, всё равно так быстро не бывает. Врачебное чутьё говорило ему, что нужны антибиотики, процесс пика интоксикации может наступить внезапно. Как там Александр в одиночку справляется, остается надеяться на его благоразумие и милость Божью.

Неожиданно он увидел станцию, по его предположениям, появившуюся слишком рано. Ведь они ехали на машине целый час, кругами, что ли, их возили, ведь он прошел это расстояние за два часа, а скорость у машины, как ему показалось ночью, была довольно приличной.

Станция «Весёлое» была самой обыкновенной. Борис раз-

будил железнодорожника, расспросил его, не слышал ли он, как ночью на перрон высаживались люди. Не приходили ли люди поутру. Нет. Он ничего не слышал, вообще на этой станции только товарные поезда останавливаются.

Деревня далеко, километров десять пешком, но там только фельдшер, но он, возможно, уехал в другую деревню, что случается часто, принимать роды, аптечка у него здесь есть, обычная. Но есть и несколько ампул анальгина. Все не то, время идет, Борис с ужасом осознавал свою беспомощность как врача. Разговор с Москвой пришлось заказывать через станцию, Борис кричал, умолял, чтобы соединили быстрее. Видимо, всё-таки удача не совсем от них отвернулась, и соединили через десять минут.

– Гена, привет, это Борис.

– Здравствуй, Боря.

– Гена, сейчас долго объяснять. Я ехал в поезде, и вот неожиданная остановка. Но дело не в этом. Ты можешь по своим каналам направить спасателей на станцию «Весёлое»? Я понимаю, что это далековато, но у тебя ведь есть свои связи, сколько километров до Москвы? – обернулся он к железнодорожнику.

– Двести пятьдесят, – неторопливо, как будто припоминая, ответил он.

– Двести пятьдесят, – повторил в трубку Борис.

– Что случилось-то?

– Тут женщина молодая умирает. Знаешь, симптомы

очень подозрительные. Похоже на пневмонию, но уж очень неординарное течение. Я оставил там её, с мужем, вообще, мы тут в переделку попали, она с ребенком, у ребенка тоже не совсем нормальное состояние. Никаких признаков, но она тоже как бы угасает. Короче, медлить нельзя. Тут от станции дорога идёт, два часа по лесу, там избушка. В общем, дежурный по станции подскажет. Гена, могу я на тебя надеяться?

– Боря, ты остался неисправимым романтиком. Я не хочу вдаваться в подробности, но ты и я вряд ли сможем ей помочь.

– Почему?

– Дело не в том, почему, а в том, что она... Я не могу тебе этого сказать. Но я вылетаю, жди к вечеру. Продержишься? Оставайся возле неё и наблюдай за событиями. Потом мне все подробно расскажешь.

Борис хотел ещё что-то сказать, но связь оборвалась. Он сгрёб все, что было в аптечке, и пошёл назад. Близился полдень. Яркое, но холодное солнце. Спокойно-безучастные ели, одинокое безмолвие леса. Безмолвие как одобрение бессмысленности всего, чем обеспокоено сердце человешь. Легко думать о вечности, вспомнилось ему из ночного разговора, действительно, легко, представляешь бесконечность, и мысли растворяются. Как соль в океане, остаётся тёплый солёный бульон растворённых человеческих мыслей, а океану на это абсолютно наплевать. Мысли не люди, по сути, они тоже в какой-то момент отделяются от людей и становятся

вечными. Мыслишки тривиальные... Мысли глобальные...

Подходя к избушке, он услышал душераздирающий крик Ани. А потом жалобное поскуливание Маши. Ноги отказывались бежать, они отказывались ускорять темп. Дверь широко распахнулась, и он увидел Саню с окровавленными руками. О, Господи, что случилось. Глаза его блуждали, не зафиксировавшись на Борисе.

– Александр! Очнитесь! Почему у Вас руки в крови?

– Она кашляла, забрызгала меня. Я... пытался прикрыть ей рот ладонью... Это было ужасно. Машка... Она ничего не говорит. Пойдите к ней, я не могу! Не могу! Не могу!

– Успокойтесь, сядьте тут, не заходите, я сам.

Саня сел на крыльцо и схватил голову руками. Слёз не было. Рыданий не было. Я, наверное, бесчувственное бревно, на моих глазах умирает мать моего ребенка, а, может, я и ребёнка уже потерял, а я... Не хочу, не хочу, не хочу... Отсутствие Бориса продолжалось бесконечно. Наконец, он вышел.

– Возможно, помощь скоро подосплет. Нужны антибиотики, а их нет. Даже не предполагаю, что делать. Ждать и надеяться.

– Борис, Вы что, с ума сошли? Вы же врач!

– Я неточно выразился. Будем контролировать температуру.

– Предлагаете молиться?

– Именно этим я и собираюсь заняться. А Вам советую подумать о своих грехах. Человек должен как можно чаще

сокрушаться о своих грехах. А чужие грехи обличать. Не обвинять, а обличать, это разные вещи.

– Это ведь очень удобно – грешить, а потом раскаиваться.

– Александр, Вы так и не поняли ничего из предыдущих событий? Очень жаль.

– Я не могу взять в толк, почему это происходит именно со мной. Почему на меня все это свалилось. Да, я был не самый лучший муж и отец. Да, я пренебрегал многими вещами. Но ведь большинство людей так живет. Я никого не убивал, не грабил, не насиловал. И вообще, почему Вы меня всегда ставите в положение оправдывающегося, не понимаю. Возможно, я не очень бережно относился к понятию любви. У Лема секс без любви – это когда человек ест соль и перец целыми ложками, потому что без соли и перца еда будет пресной. Я не так категоричен, хотя при наличии любви сие качественно отличается. Хотя я согласен с тем, что секс лишь часть любви, в каких-то случаях не самая главная. А главная часть – это «искренность, выстраданное доверие сердца к сердцу». Но это в идеале. А в реальности, в наше бурное время хочется успеть все. Вот Вы, Борис, неужели после потери своей единственной женщины никогда не испытывали влечения к другой женщине?

– Испытывал, грешен. Но всегда помнил о ней, единственной.

– Так ведь это и есть лицемерие. Ведь Вы же, наверно, говорили какие-то слова этой женщине, судя по всему?

– Говорил. И совершенно искренне.

– Так что же лучше – говорить слова, ценность которых не больше, чем у ёлочной мишуры, или не говорить этих слов, зато не надо потом себя обвинять и обличать?

– Я не собираюсь Вас ни в чем убеждать. Отдыхайте, скоро Вам понадобятся силы.

Борис пошел в дом, а Саня остался на крыльце. Молчаливый лес обступал со всех сторон. Вспомнилась враждебность леса у Стругацких. Истина, не желающая даваться в руки. Зачем-то придумана вся эта история с захватом, освобождением без борьбы, внезапной болезнью, беспомощностью перед обстоятельствами.

Был ли выбор? Мог он, Саня, сразу не подчиниться «террористам» и не разыгрывать перед всеми их помощника? Мог он не подчиниться и организовать сопротивление, когда они остались на перроне? Мог не идти в лес, не поверить Алексею, что сопротивляться бесполезно, и остаться в доме? Мог бы, хотел бы... Ему казалось, что как бы он ни решил, на все его ходы заготовлены варианты ответных ходов, а в итоге получается, что он просто плыл по течению. Так ведь это ничему не противоречит, почему же ему так тошно, будто он что-то пропустил, чего-то не сделал? Но нужен ли был героизм в этой ситуации, и к чему бы он привел? Самое нелепое состояние, бесконечное пережёвывание своих поступков и фраз. Неумолимый рок, покорность судьбе, сладко-оправдательная песня.

...Саня спал по очереди с Борисом коротким беспокойным сном. К вечеру температура спала. Аня лежала с открытыми глазами. Саня присел рядом с ней, и они долго всматривались друг в друга в полном молчании.

– То, что происходит, ужасно, – с трудом сказал первую фразу Саня.

– Ничего. Береги Машу.

– Обещаю. Послушай, мне кажется, мы никогда не говорили с тобой.

– Ты ведь не любишь лишних слов.

– Господи, философские разговоры, эйфория понимания смысла жизни... Третью жизни мы проводим во сне, половину жизни – в бесконечных беседах. Когда же, спрашивается, жить? К чёрту всю эту набившую оскомину жвачку интеллектуальных разговоров, когда мы просто не умеем любить. В университетах этому не учат – быть счастливым. В какой-то момент люди встречаются, им кажется, что они подходят друг другу на данном периоде жизни, потом безболезненно расстаются, или, наоборот, с душераздирающими переживаниями, и всё идёт своим чередом.

– Ты считаешь, что мы расстались безболезненно?

– Для меня это было закономерностью, освобождением. А сейчас я задаю себе вопрос – освобождением от чего? Свобода – для чего? Получил я свободу, прихожу, когда хочу и с кем хочу. А вы с Машкой живете своей, другой жизнью. Как будто и не прожили вместе десять лет. Как будто это просто

неудавшийся сценарий нашей совместной судьбы. И такое спокойствие, как будто это не моя жизнь.

– Не знаю, что ответить. Ты уверен, что эти мысли пришли к тебе не под влиянием минуты? Я чувствую, что скоро умру.

– Не говори так, должна подоспеть помощь. Мы должны ждать и надеяться. Я уже стал как Борис, а, может, он в чем-то прав. Когда не в силах человеческих что-то изменить, остается только молиться. Прости меня.

Аня лежала, закрыв глаза. Саня увидел Машу, она подошла незаметно. Он посмотрел ей в глаза и вздрогнул. Как в зеркало. Показалось, что леденящий ветерок враждебного недоверия коснулся его щеки.

– Мне больно дышать, – шёпотом произнесла Аня и забылась.

– Мама умирает?

– Маша, не говори так. Надо верить, что ей помогут.

– Ты врёшь. Я знаю, что она умирает. Я это чувствую. Возьми мою руку – она такая же холодная, как и у неё.

– Не подходи близко, это может быть заразно. Я сам сейчас выйду.

– Не нужно, папа. Скоро уже ничего не будет нужно.

– Послушай, что ты можешь знать? Ты ведь ещё такая маленькая.

– Почему ты не веришь, что я это просто чувствую? Я не могу ошибаться. Я знаю, что и меня скоро не будет. И нам будет легче, и мне, и маме.

Также бесшумно она развернулась и исчезла. Надо что-то делать, иначе можно сойти с ума, как заклинание шептал Саня...

– Борис!! – крикнул он в пустоту.

– Я здесь. Мне тоже кажется странным, что помощи ещё нет. На Геннадия не похоже. Может, какие-то непредвиденные обстоятельства, – он подошел к кровати, пощупал лоб, – Температура пока в норме. Пульс прощупывается слабо, наверное, давление падает. Да, врач без лекарств ничего сделать не может, увы. Давайте подумаем, что предпринять. Злое стечение обстоятельств... Пойду в деревню, до станции километров пять, там ещё до деревни. Надо её срочно эвакуировать, искать транспорт. Как мне кажется, Вы не в том состоянии, чтобы идти.

– Я не знаю, что нужно делать. Вообще, что может произойти? Я ведь не врач.

– Следите за температурой. Сейчас поставлю укол, проследите, чтобы она не лежала в сыром белье. Если будет снова сильный кашель, приподнимите, чтобы отходила мокрота. Надеюсь вернуться часов через пять максимум, в деревне есть фельдшер. Надо было сразу идти, не сообразил, понадеялся на Геннадия.

– Ладно, попробую продержаться.

– Там есть бутылка водки, выпейте чуть-чуть, для хладнокровия.

Ожидание неотвратимого и бессмысленного исхода. Са-

ня выпил рюмку, потом ещё. В комнату идти было страшно. Он попытался ободрить себя шуткой, но в голову ничего не приходило. Он подумал, что надо бы поговорить с дочерью, успокоить её. Но последняя их беседа свидетельствовала о том, что ребенок понимает даже больше, чем он сам.

Эмоции словно пугливые ящерицы, уползли вглубь, оставив только свои хвосты-напоминания о том, что он должен переживать за родных. Как же выйти из этого состояния «амёбности»? Зачаточность чувств, душевная импотенция, прав Борис. Установленные самим собой рамки поведения, оберегание от потери равновесия. Стоп. Я сам раскачиваю маятник, и амплитуда отклонения может быть непредсказуемой.

Саня закурил сигарету и старался не думать ни о чём, но глупая привычка анализировать мешала расслабиться. Надо пойти и проверить, как там Аня. Надо действовать как автомат, у которого есть своя определённая программа, иначе можно сойти с ума.

...Борис постучался в дверь железнодорожного домика. Никто не ответил. Он забыл спросить, в какой стороне деревня. Взломать дверь и снова куда-нибудь звонить? Это уже слишком. Вдруг он заметил мальчишку, приближающегося со стороны леса, откуда он сам только что вышел.

– Эй, мальчик!

– Ну?

– Скажи, в какой стороне деревня?

– Какая деревня?

– Что, здесь нет поблизости деревни?

– Вы, дядя, что-то перепутали. У нас не деревня, так, пара домишек, да до них топать часа два.

– А где ближайший медпункт?

– А на что он нам? В деревне только старики.

– А как же... Мне железнодорожник сказал, что там есть фельдшер. А где сам-то, не знаешь?

– Дядя Ваня-то? Он через часок подойдет, в лес, за дро-вишками двинулся.

– Мне срочно нужна помощь, понимаешь. Там женщина умирает. Может, дверь взломать?

– Не получится, тут крепкий засов. Я могу сходить за ним, если хотите.

– Я тебя очень прошу, срочно, как можно быстрее.

– Я мигом, – мальчишка побежал по дороге, – я мигом, дяденька, мигом!

Никого. Бред какой-то. Так не бывает, что за глухомань такая...

–Ничего не понимаю... Кажется, я начинаю разговаривать сам с собой.

От спокойного голоса за спиной он вздрогнул.

– А тут и понимать нечего, – раздался голос Реутова, – Борис, я не хочу говорить прямо здесь, сейчас подъедет машина, поедем в Москву.

– Ты? Ты давно здесь?

– Давненько, соскучился по тебе. Здравствуй, Борис!

– Погоди, сейчас не до любезностей. У тебя аптечка с собой?

– Аптечка уже не пригодится, поверь.

– Но... Как же я поеду с тобой в Москву, а они?

– Ну, мы же не звери, не оставим их здесь. Ты же сам видишь, медицина тут уже бессильна. У них нет никакого иммунитета, и вообще, это все ещё слишком не исследовано. Даже за свою «работу» я не могу поручиться головой. Каламбур – за работу над их головой я не могу поручиться головой.

– Я не понимаю...

– После, после. Все позади. Садись в машину, – Реутов открывал дверцу уазика, – я все объясню.

Борис протиснулся на заднее сиденье. В машине сидел Алексей и ещё два незнакомых человека с каменным выражением лица. От их взгляда, скользнувшего как бы мимо него, ему стало не по себе. Он решил пока не задавать никаких вопросов. Доехали минут за сорок. Борис увидел ещё два уазика около избушки. И Саню, который стоял на улице в одной рубашке. В быстро сгущавшихся сумерках трудно было определить выражение его лица, но он почувствовал, что произошло непоправимое.

– Молодой человек, давайте пошевеливайтесь, финита ля комедия, да бросьте пистолет-то, не заряжен он, бутафория одна, – крикнул Реутов, высовываясь в дверцу.

– Комедия?! Вы что, издеваетесь?! – у Сани перехватило дыхание.

– Смотри-ка, он ещё не разучился впадать в гнев. Похвально. Значит, руки на себя не наложит. Знаете, забота психиатра предохранить от греха. Так ведь, Азаровский? Ты ведь у нас теперь сильно верующий. Вот тебе и доказательство – все мы в руках господних, даже творения рук и ума человеческих.

– О чем ты говоришь?

– Пошли, отойдем в сторонку. Нет, все после, я тоже жутко устал.

...Реутов уютно развалился в кресле, попивая кофе.

– Вот так я и жил, как на вулкане. Прятал таблетки от неё, слежку устроил, благо, с этим в наших доблестных структурах поставлено очень хорошо. Однажды чуть не проморгал. К подружке пошла, по дороге в магазин заскочила, якобы купить что-нибудь вкусенького. Вечер, народу в супермаркете уйма, она как-то оторвалась, затерялась, ну, пасут её у входа, а она пошла в служебные помещения и прямо к заведующему. Мол, гонятся за мной. Он в камеры слежения посмотрел, а лица-то примелькались у неё уже, ведь профессионалов-то не дадут, следить за ополоумевшей девчонкой. Ну, поверил он ей. Актриса, такую беззащитную и невинную девочку сыграла! Дал ей одежду как у продавцов. Колпак нацепила, в общем, маскарад. И через чёрный ход на его нисса-

не укатила. Хотел он её высадить, да передумал. Приставать начал. Она ему возьми да и скажи, что прямо на его глазах таблетки заглочит. Хорошо хоть мужчина сильный оказался. Не стал долго свои преимущества оценивать да прикидывать, что эти преимущества ему дадут. Схватил её и связал по рукам и ногам. Обратно привез. А тут наши соглядатаи уже *шмон* наводят в магазине. Свои корочки ему в лицо суют, на, мол, полюбуйся и молчи. Ты, Борь, не представляешь, *что* я вынес. А тут подвернулась эта история болезни, смотрю, фамилия до боли знакомая. Я ведь его, мерзавца, тогда ещё хотел достать. Ксюшка не дала. В ногах валялась, угрожала, что все равно сотворит над собой что-нибудь. Знаешь, я эти угрозы много раз видел. Да, кто-то рядом с реанимацией таблетки глотает. Или с телефоном у подушки, чтобы в последнюю минуту позвонить. Или в ванне вешается, чтобы все остальные в доме слышали, как пьяное тело сгромыхало от неудавшейся попытки. И так много раз. Всего этого я давно насмотрелся, в отделении токсикологии и наркологии, сам знаешь. А вот Ксюша, уверен, не шутила, вижу я просто, опыт... Она бы выполнила. Так вот, смотрю фамилию. Приглашаю так, не навязчиво, в кабинет. Пудрю мозги про науку, про новейшие методы исследований. Она ведь, Аня, с головными болями пришла. Я ей говорю, и ребенка надо исследовать, позитронно-эмиссионную томографию, а вдруг там активность метаболических процессов нарушена. Ну, ты знаешь. Чем больше терминов, тем больше веры. Пригласил

её к нам, у нас ведь невинная вывеска такая, «Лаборатория по изучению дифференциальных структур и клеточных процессов». Не насторожилась она. Сняли мы у неё все характеристики мозга, как там, в фантастических романах писали, отсканировали. Только маленький недочёт – отсканировать мало, надо ещё всё выстроить в чёткий алгоритм. Расшифровать, так сказать, закодированную информацию памяти. А без личного контакта с пациентом этого не достичь. Технология такая, на основе электрических характеристик всех участков коры создается модель. Но, чтобы проверить действительное содержание, нужна колоссальная обработка для сопоставления информации, выдаваемой устно, с импульсными показателями. Хотя, в некотором роде магия. Не всё достаётся из подсознания даже под гипнозом. Я над вопросами, которые нужно задать в этом состоянии, трудился пять лет. Все равно картина неполная, приходится программе-обработчику «додумывать» детали, нюансы... да, это произведение искусства, память человеческая. Картина многоцветная. А потом эту картину нужно вложить в чужую голову. Ты не представляешь, какое вдохновение овладевает... Ну, предположим, из ДНК вырастить клон невелико искусство. А вот воссоздать образ мысли донора...

Борис его не перебивал. Картина, которую рисовал ему Реутов, обозначалась новыми мазками, грубо перерисовывалась, краски начинали расплзаться, смешиваться друг с другом, ему казалось, что эти живые пятна на беспрерывно

меняющейся картине сползают на пол и живыми склизкими существами подползают к нему. Галлюцинации...

– Перестань, я больше не хочу слышать, это омерзительно для врача.

– Нет, дорогой, дослушай. Я хочу, чтобы ты *ему* это потом объяснил.

– При чём здесь я? Я итак участвовал в этой игре не по своей воле.

– Все мы участвуем в чужих играх, такова жизнь. Голубчик, назад дороги нет, ты слишком много знаешь. Я тебя не просто так пригласил, не байки детские рассказывать о злобном старикашке, который решил отомстить за свою поруганную дочурку. Да, я воспользовался данной мне властью, чтобы немного взбодрить *этого*... Дело не в нём, этот эксперимент дал нам реальную возможность узнать, что *они* ничем не отличаются от нормальных людей. У них даже есть чувства. Да, я забыл тебе сказать, так как мы ни в чём не могли быть уверены, мы вживили им датчики, так что все ваши разговоры фиксировались. Конечно, когда они происходили в их присутствии. Вот поэтому я и оказался так близко и вовремя. Хотя, конечно, не совсем вовремя. Меня тоже за это по головке не погладят. Колоссальные средства во всем этом крутятся, ты даже не представляешь, какие. На самом деле, результаты вскрытия могут быть потрясающими. Надеюсь, мне удастся доказать, что в эксперименте бывают накладки. Актёры сыграли неплохо, надеюсь, ты не сильно пострадал

от их рукоприкладства, для достоверности пришлось на это пойти. Хотя, если бы они не знали, что их действия контролируются... Невозможно все предвидеть, поверь, я тоже не знал, что обернётся трагедией. А Алексей профессионал, ты, наверно, догадался, руководил операцией. У меня даже гипотеза есть, что тут не только пневмония у нашей подопечной была, вот так-то, коллега.

– Ты мне не коллега. Ты подонок.

– Полегче, полегче. Скажи, ведь легче пожертвовать ради науки недочеловеком, чем человеком, рождение которого и смерть находится в руках Божьих?

– Не смей рассуждать о Боге.

– Хорошо, не буду.

– Почему умер ребенок?

– Тут странный случай произошел. Этого я и не предвидел. У неё какая-то феноменальная внутренняя связь с матерью обнаружилась. Погрешности эксперимента. Мы попытались информацию из памяти матери частично заложить в её головку. Совсем маленькую часть. А потом стали замечать, что она с ней себя идентифицирует. Причем, вопреки своей воле. Да, вот такие необъяснимые вещи порой происходят. На бессознательном уровне. Но идентификация произошла ещё глубже, чем мы предполагали. На клеточном уровне. Её клетки резонировали, у неё ведь тоже не полный комплект иммунитета, как ты, наверно, догадываешься. Но это я только тебе говорю. Доказать, что я этому способствовал,

ты не сможешь.

– Да ты преступник!

– Дорогой мой, я обыкновенный ученый. Кюри облучались рентгеном, а я... Мне ведь их тоже, как детей собственных, жалко, поверь.

– Лицемер! Я ухожу.

– Не забывай, что твой уход – кратковременное явление. Приказ об увольнении в твоей районной больнице уже подписан. Ты принят в наш штат. И последний дружеский совет – прошу не сопротивляться. Вспомни «В круге первом». Вспомнил? Вот и молодец. Следующие эксперименты будут гораздо человечнее, и в твоих силах сделать их такими. А за Юферова не беспокойся, он вспомнит всё, в нужное время, не сразу, постепенно. Видишь, я тоже бываю гуманным.

Глава 8

Саня лежал на диване и с изумлением ощупывал свою голову. Какие-то смутные воспоминания о выходных его неясно тревожили. Пора на работу. Какой сегодня день недели? Пока непонятно, но раз будильник звенит, значит, рабочий. Одновременно с будильником откликнулся телефон.

– Да.

– Юферов Александр Сергеевич?

– Да, слушаю.

– У вас на столе лежит больничный лист, на работу можете не ходить. Сегодня понедельник, чтобы Вы знали. Не советуем Вам отлучаться из дому и названивать на работу или кому-нибудь ещё. Отдыхайте.

– Кто это, чёрт возьми?

– Голубчик, минут через пять к Вам вернется память, и Вы всё поймете. До свидания.

Трубку быстро положили. Пять минут. Что я должен вспомнить? А что я делал вчера вечером? Не помню. Может, меня без чувств с какой-то попойки дотащили до дома? Кажется, в пятницу с мужиками должны были пойти в сауну. Ну, не наклюкался же я до такой степени, что два дня выпало из головы начисто? Славке, что ли, позвонить? Или подождать минут пять? Вдруг все само прояснится. Какая-то си-

ла подняла его с постели. Он подскочил, перед глазами промелькнула мгновенная зарисовка его самого с руками в крови. Галлюцинации... ну да, точно, третья стадия алкоголизма скоро наступит, пью, будто печень как у Железного Дровосека. Пора заканчивать. Он подошел к зеркалу.

М-да... Ну и рожа у тебя, Шарапов. Дрябло отвисшие мешки под глазами, взгляд замутненный, волосы спутанные. Неприглядный видок, будто сорок лет уже. Да и седина лезет, уже по волоску не повыдергиваешь. Губы потрескавшиеся. Странно, вроде, раньше я не сильно присматривался к своему отражению. Все-таки не внешность красит мужчину. Он взглянул на руки. Под ногтями запекшаяся кровь. Чёрт, где я был, сейчас звоню... Подходя к телефону, зацепился неуклюже за стол ногой. Легкий шелест упавшей бумажки. Действительно, больничный лист на неделю. Кто же такой заботливый? Звонить или нет Славке? И что я его спрошу, мол, не помнишь ли ты, где я был вчера? Конечно, плевать, что он подумает, но явным шизофреником с провалами в памяти выглядеть не хочется. Что же было?

Он ходил из комнаты на кухню, перекладывал случайные предметы на столе, тревога нарастала. И вдруг холодная волна отчаяния заставила его содрогнуться. Он явственно увидел мраморные пятна, покрывшие Анино тело в последние минуты. Липкое пожатие её холодных пальцев. Изуродованное гримасой лицо. Частое биение пульса, потом всё медленнее, медленнее и, наконец, остановка. Последнее желан-

ние что-то сказать. Пенистая мокрота и его инстинктивное желание вырвать руку. Умоляющие глаза, в которых с молниеносной быстротой сменялись боль, жалость, любовь, бессилие, сожаление, отчаяние, ненависть, страх, смерть. Он не мог встать и сидел рядом полчаса в состоянии полной апатии ко всему. Потом его как будто кто-то толкнул, и он увидел перед собой Машу.

– Маша... Машенька, мама умерла.

– Я знаю. Это ты во всем виноват.

– Маша, что ты говоришь-то, я же вас обоих люблю, да что ты такое говоришь-то, Господи, Маша...

– Уйди, я хочу быть с ней.

– Я уйду, только долго не оставайся, а то тоже заболеешь...

– Я не заболею, уходи, – она легла рядом с Аней, поджав под себя ноги.

И тут Саня неотвратимо почувствовал, что она уже тоже не встанет. Она не была бледна, она ровно дышала, но во всей её позе чувствовалась смерть.

– Нет, я не уйду, что, что происходит?

– Я не могу жить, когда она мертва. И сейчас я тоже умру.

– Прости, прости меня, я не должен был...

Маша отвернулась. Плечи её вздрагивали от рыданий. Детская рука гладила по Аниным волосам, и неожиданно замерла. Стало тихо. Саня подошел и повернул её лицом к себе. Синее зеркало смерти. Обрывки незначительных фраз

проносились в голове, он почти не помнил, как приехал Борис на машине, только то, что он отводил глаза и молчал. Как он снова оказался здесь, не помнил абсолютно.

Все события пронесли перед его внутренним взором в одну минуту. И тут снова задребезжал телефон.

– Алло, это номер двадцать шесть – пятьдесят – тридцать?

– Да.

– Соединяю вас с Москвой. Говорите.

– Да, я слушаю. Кто это?

– Это я, Аня. Мне сообщили, что ты в Москве должен быть, я позвонила, а тебя нет. Говорят, заболел неожиданно. Что-то случилось? – Молчание.

– погоди, погоди, я сейчас, – Саня бросил трубку и побежал к зеркалу.

С той стороны стекла на него смотрел человек с совершенно обезумевшим взглядом. Может, мне все это приснилось? Что за чёртовщина, Ани нет, не с того же света она мне звонит, сейчас я выведу на чистую воду эту подставную «Аню». Бред какой-то. Он больно ущипнул себя щёку. Нет, не сплю. Спокойно подошел и взял трубку.

– Девушка, вы уверены, что Вас зовут Аней?

– Саш, что с тобой?

– А если подумать?

– Ты что, опять с похмелья? Я тебе говорю, звоню узнать, что случилось, думала, хоть с Машкой погуляешь по Москве, ведь давно не виделись. Может, повычитаем семерки из сот-

ни, чтобы убедиться, кто из нас более ненормален? – она уже смеялась, обычная её манера подтрунивать над ним, когда он в чём-то сомневается.

– Гм ... Вот что, Аня, я не знаю, кто Вы... Можете ответить на один вопрос?

– Давай, если тебе легче станет. Всегда ты был не от мира сего.

– Скажи, когда мы с тобой первый раз занимались любовью?

– Ты с ума сошел? Забыл? Ладно, ретроспекция. Прокрутим пленку назад, господа, внимание, момент истины. Вы видите двух юных любовников на даче у друзей, которые, слегка смущаясь, оставили их наверху, понимая, что наступил день их, так сказать, гармоничного слияния. Удовлетворен?

– Верно. Я тебе перезвоню.

Медленно, почти бережно положил трубку. Ведь должно быть какое-то объяснение этому шоу. Или ему все это внушили? Вредно читать книги о психологических опытах «магов».

Саня медленно поставил диск. Под гитарное глissандо он пытался снова сосредоточиться. В голове слабо вспыхивали обрывочные реминисценции с давно прочитанной фантастической повестью. Там тоже присутствовали двойники, которые преследовали героев, пытаясь занять их места в жизни. А вдруг и сейчас, вместо него, на работе сидит Саня-двой-

ник и, как ни в чём ни бывало, пишет за него технические задания и погоняет молодых студентов? Бред. Кажется, эти двойники были неуязвимы, с одним недостатком – они не помнили, что произошло, после того как их воспроизвела опять же неизвестная и непонятная сила. М-да...

Ещё инопланетян, не объяснимые явления, зоны, мыслящие океаны сюда собрать – и палата для душевнобольных обеспечена. Должно же быть внятное, доступное человеческому разуму объяснение всего этого...

Спектакля, да! Не похож ли я в этом случае на бедного Николаса д'Эрфе? Логично сейчас же броситься к компьютеру и начать выяснять, кто такой Азаровский, кажется, такая фамилия у Бориса, отыскать его, прижать к стенке.

И зачем? Чтобы увидеть, как правда превращается в ложь, а ложь становится неопровержимым доказательством? К сожалению, постановка не отличалась ни оригинальностью, ни захватывающим сюжетом. Да и цель совершенно непонятна. Доказать мне, что я вел себя как идиот в критической ситуации? Но зачем же столько смертей...

Да, это точно спектакль, и Аню в него впутали, да ещё и Машку... Но я же всё это видел! Я же не мог ошибиться, пульса не было, дыхание остановилось, так не сыграешь! Тогда остается думать, что откуда-то наплодились двойники, и сейчас мне звонила именно Аня-двойник. Все-таки вредно много читать фантастической литературы. От неё может возникнуть фантастический бред с неотступными галлюци-

нациями. Как и верти, а все-таки его здорово встряхнуло. Да и неопределённость не лучше. Так и хочется крикнуть: «Ну, что там у вас ещё?! Давайте, вываливайте, не томите, уж все сразу!».

Но молчал телефон, не звонили в дверь. Бросили, отстали, забыли о его существовании. Он набрал московский телефон Ани. Молчание. Может, в этом всеобщем мировом молчании и есть урок?

Когда-то Саня пытался писать романы. Как человек в высшей степени логичный, он продумывал сюжет до тех пор, пока он не становился как хорошо отлаженная программа. Диалоги, персонажи, повороты... В то время он часто рассуждал на тему «мы в литературе и литература в нас».

Мы в литературе... Вообще, есть ли хоть одна мысль, не озвученная уже до нас? Писать все труднее и труднее, все кажется избитым и давно написанным. Как же отделить мысли свои и мысли чужие? Что движет, когда ты пытаешься выразить мысль словами? Тщеславие? Амбиции?

Литература в нас... Кажется, есть поговорка, что эрудиция – это то, что стряхнули с пыльных книжных полок в наши бедные головы. Чем больше читаешь, тем более ощущаешь себя носителем истины, чужие мысли делают удивительные метаморфозы (переход количества в качество), и кажется, что эти мысли были с тобой всегда. С легким высокомерием оглядываешь ты стройные ряды соплеменников, которые, возможно, совершенно не озабоченные глобальными

проблемами бытия, вовсе не читали и, самое главное, никогда не прочитают того безумного количества книг, которые кажутся тебе верхом совершенства и взлётом человеческого разума.

Ты смотришь на них, они на тебя. И неизвестно, не крутят ли они пальцем у виска тебе вслед. А ты пребываешь в экстазе от избранности «своего круга», твоей обособленности, загадочности, духовности; ты веришь в разум, в утончённость чувств (хотя сам культивируешь эту утончённость только с отдельными личностями). Ах, как вкусно пережёвывать новинки, блистать остроумием, рассуждать о высоких материях, ведь нижний, «физический», уровень ты себе обеспечил.

Мы в литературе... Герои, с которыми ты ешь, спишь, гуляешь, делишься всем, с последней точкой оставляют тебя, и больно щемит в груди, ведь это прощаются с тобой дети, а их слова, мысли, поступки как тетрадки и рисунки, которые остаются у родителей навсегда. Интим со словом – вот что ощущаешь, пытаясь скудными словами отразить свою переполненность, со всеми стадиями любовных отношений.

Литература в нас... Как там у Фаулза? «Психическое расстройство, которое вы, невежды, именуете литературой». Прочитали мысль, она резонировала с нашим состоянием. Как замечательно. Автор, быть может, тоже находился в состоянии глубокой депрессии, когда это писал.

Прекрасно, значит, это вовсе не самое патологическое состояние, и ты не одинок. Почему-то именно в этом состоя-

нии и пишется, просто овладевает навязчивое желание писать. Интересно бы попробовать писать, когда ты счастлив, не раз думал Саня, и не находил в себе этого состояния.

Или депрессия, не так часто, слава Богу, или полнокровное чередование будней и праздников. А вдохновение – это полет, и неважно, откуда растут крылья. Вспомнил, где-то он читал, что прекрасных строк о любви никогда не было бы написано, если бы все поэты были счастливы. Несчастливая любовь – это качество души. Способность любить и сопереживать. Но это не разумно...

Когда чему-то не находишь объяснения, ничто не мешает сделать вид, что этого просто не было. Трудно перед собой быть неискренним и обмануть себя – задача не из легких. Саня понял, что бесполезно впадать в суетливое выяснение истины. Просто жить как раньше. Он ведь не неврастеник, в конце концов, рвать на себе волосы, звонить в Москву, тестировать всех, или, чего доброго, пытаться найти сведения в моргах и на кладбищах. Нет, он до этого не дойдет. Хотя крест на партии в игре, правила которой толком неизвестны – сомнительное занятие.

Глава 9

Приближался Новый год. Сотрудники пребывали в предпраздничном настроении. Реутов вызвал Бориса к себе в кабинет.

– Ну-с... Давай обсудим наши насущные проблемы. У меня тут возникла мысль о продолжении эксперимента.

– Опять с живыми людьми, с использованием твоих подопечных, ты ещё не насладился местью?

– Ты не понимаешь, моя месть претерпела некоторые метаморфозы. Теперь это, скорее, творческий процесс, научный азарт, вдохновение. – Борис криво усмехнулся. – Мне понятна твоя ирония, но это действительно так.

– Что же на этот раз?

– Я не сказал тебе сразу, так сказать, утаил. Когда ещё была живы наши подопечные, мы, естественно, взяли их ДНК.

– Для чего?

– Да все для того же, собственно. На мышках создавать клонов от клонов... Бедные мышки, им не повезло, все время на них наука отработывает свои самые смелые идеи...

– На людях гораздо более гуманно, не так ли?

– Давай не будем снова впадать в бесконечные философские дискуссии. Я знаю, что ты об этом думаешь, и довольно. Нас сейчас интересуют вторичные чувства, так сказать.

– Вторичные от чего?

– Возможно, данный термин не совсем полно и правильно отражает суть. Кстати, мне нелегко пришлось доказывать, что смерть была следствием необъяснимой инфекции, и что мое присутствие поблизости ничего бы не изменило. Так вот, клоны, безусловно, способны чувствовать, как и мы.

– Я это заметил.

– Брось свой язвительный тон. Я говорю о том, что теперь у них есть и своя собственная история, и мы уже легко можем наложить эту историю, как амальгаму, на предыдущие переживания, и воссоздать индивид, сложное человеческое существо, которое не просто копия донора, а самостоятельное существо, в некотором роде неповторимое. Конечно, эту «новейшую историю» приходится реконструировать на основе записей, что, кстати, гораздо более точно, чем сопоставление записей мозга с фактами, полученными во время транс-медитации.

– Ну, хорошо, а дальше что?

– Понимаешь, уникальная возможность снова столкнуть наших героев.

– Ты что, хочешь довести беднягу до паранойи? Подкидывать ему бесконечных двойников, которые умирают, но возвращаются вновь? Как на планете Солярис?

– Глупости. Мой двойник – Аня – прекрасно помнит, что произошло в той избушке. Кроме минуты смерти, разумеется. Тут сказочка у меня придумана, уже полностью освоена

её сознанием, клиническая смерть и чудесное воскрешение. Минуты перехода в бесконечность изящно прикрыты амнезией, да это же детали, мне кажется, у неё какое-то чувство возникло к этому Александру, это же возможность вытащить его наружу, освежить новыми красками. Имей в виду, я только с тобой этим делюсь.

– Сдается мне, у тебя мания величия. Ты что, Калиостро, который пытается отыскать формулу любви? – взгляд из-под очков был не просто неодобрительным или издевательским, он был презрительным, но Реутов, уже давно расхаживающий по кабинету крупными шагами, его не замечал.

– Опять ты меня не понимаешь. Я хочу, чтобы моя подопечная ощутила полноту жизни, всего-то.

– Давай на этот раз без меня. Я чувствую вину, что до сих пор ничего ему не объяснил, вообще, чувствую себя очень гнусно, вспоминая о той роли, которую мне навязали. Давай как-нибудь без меня.

– Да все продумано уже. Настоящая Аня едет с ребенком на каникулы в ваш город, наша Аннушка поедет туда же. Думаю, при наших связях с соответствующими службами мы отследим момент, когда они договорятся встретиться. Тут опять театральный трюк с подменой актрисы в последний момент.

...Вечером Борис долго ворочался на своем диване в гостиничном номере. Позвонить или не позвонить? Тогда придется объяснять свое долгое молчание. Где гарантия, что

он мне поверит? Номер, безусловно, прослушивается, могут оборвать на полуслове. Какой же я трус! Сколько напыщенных фраз я сказал ему за ту ночь, и все это оказалось лишь маской, прикрывающей собственное бессилие перед непреодолимыми обстоятельствами.

...Конечно, меня жёстко прижали. Положили показания свидетелей, что в ту ночь, когда разбилась Татьяна, я был мертвецки пьян, якобы меня видели перед этим, соответственно, уголовное дело обеспечено. Стать мучеником я не захотел.

И, что сейчас? Сiju в этой столице, выслушиваю этот бред о беспредельных возможностях человеческого ума двигаться вперед. Конечно, мне дали возможность заниматься своим делом и продолжить работу над диссертацией. В моей больнице это было просто невозможно. Сделка с совестью. Или нет? Я ведь не знал, что это было все продумано и подстроено, я честно пытался исполнить долг врача. Я сокрушаюсь о том, что не могу в себе найти силы, чтобы сказать правду. Может, Александр сам обо всем догадался? Из телефонного разговора с Аней, который состоялся сразу после всех событий, очевидно, что он не поверил ни слову. Возможно, ли предположить, что у него творилось в голове в этот момент? Но счёты с жизнью он не пытался свести, значит, кризис пережил.

И все-таки нужно его как-то предупредить. Но что я ему скажу, вот это Аня, а это – не Аня? Гена вряд ли расскажет

мне все детали операции, может, эти откровения – очередная проверка на благонадёжность? Много ли будет толку от моего импульсивного порыва?

Глава 10

Саня, как упрямая лошадь, впрягся в работу, последний месяц года всегда бывает особенно напряжённым. Разборы первоочередных дел с начальником, бесконечные бумаги, вызывающие звонки пользователей, терпеливое разъяснение элементарных истин, снова бумаги, и так бесконечно, некогда посидеть нога на ногу за чашкой кофе, красные от монитора глаза, першение в горле от повсеместной ОРВИ, расслабленное пятнадцатиминутное чтение по вечерам, звонки, объяснения с родителями, общение по выходным...

Мокрое прикосновение косо летящего снега, невнятные очёртания домов в фиолетовой дымке утра, озабоченные лица прохожих, переполненный автобус, настойчивая, сквозь дремотную завесу, просьба кондуктора оплатить проезд. Медленное сползание в рабочий ритм дня... Наконец-то пятница, иллюзия законченности деятельности на этой неделе. Саня с неудовольствием отметил, что сегодня предстоит длинный список дел, и времени может не хватить.

Он сидел в приёмной директора, в ожидании очередного совещания. Молоденькая, недавно принятая на работу, секретарша перебирала в сотый раз свои бумаги и поглядывала на часы. Телефон звонил с интервалом в пять минут. Неожиданно она передала ему трубку:

– Александр Сергеевич, Вас.

– Меня? – удивленно приподняв правую бровь, как бы пытаясь включиться в смысл происходящего, переспросил он.

– Да-да, Вас ищут уже везде, видимо, срочно.

– Да, слушаю.

– Саша, привет, дорогуша! Это Аня. У меня тут выпал свободный вечер, можно, я зайду?

– Прямо сегодня? Я не знаю, когда я освобожусь, очень много работы. А ты вообще, какими судьбами в нашем захолустье?

– Да приехала к родителям, погостить.

– А Маша?

– Знаешь, она уехала в зимний лагерь. Так я зайду?

– Ну, попробуй, предварительно позвони, чем чёрт не шутит, может, и дома буду часов в семь-восемь.

– Хорошо, не отвлекаю. До встречи!

– Пока-пока.

Странный звонок, он уже начал выруливать из непонятной ситуации, смирился с тем, что его приключения в поезде остались загадкой. Может, сегодня всё разъяснится? Что ж, посмотрим...

Смешно, но он действительно пришел домой к восьми часам. И сразу с порога услышал настойчивый звонок.

– Ты дома? Я буду минут через двадцать. Хорошо?

– Хорошо. Только не пугайся, у меня тут маленький беспорядок.

– Что я, беспорядков не видела? Главное, чтобы в голове был порядок.

Она пришла, благоухающая какими-то свеже-морозными духами, в роскошной песцовой шубке, улыбающаяся и помолодевшая.

– Ну, здравствуй, что ли...

– Проходи. Раздевайся.

– А шубу ты у меня не примешь? Куда же подевались твои хорошие манеры?

– Э... Видимо, с утра не загрузил как основную задачу.

– Это должно быть по умолчанию.

Нет, шутит она также. Как настоящая Аня.

– Виски, коньяк?

– А у тебя ещё и содовая имеется?

– Вообще говоря, ни первого, ни второго, ни третьего.

– Зачем же предлагаешь?

– Традиция.

– Вижу, ты ничуть не изменился. Кстати, хотела спросить, о том нашем разговоре. Ты так и не перезвонил.

– Ты пришла спросить, что я имел в виду? Считай, что это издержки напряжённой работы.

– Не думаю, ну, да ладно. Наливай.

– Так сразу? Расскажи мне, как Маша.

– Учится, почти на одни пятерки. А я тут сильно болела.

– Сочувствую. Хорошо, сейчас гляну, что завалилось в холодильник.

– Ты так не беспокойся, помнишь, как раньше? Поджаренный хлебушек, и нам было хорошо, – она вопросительно взглянула.

– Хлебушек, говоришь. Три корочки хлеба, может, и есть, – озадаченно пробормотал он, отправляясь на кухню.

Чёрт бы меня побрал с этими галлюцинациями! Кажется, это настоящая Аня. А та, что умерла в избушке, её фантом? Но взгляд я не мог перепутать. Ничего не помню, о чем мы с ней говорили. Тогда я был абсолютно уверен, что она настоящая. Нет, все-таки пора вести уже какой-то правильный образ жизни, может, мне вообще те события приснились? Надо ещё что-то спросить, не знаю, как ещё проверить...

– А гитара все та же, – тихо перебирая струны, Аня сидела в кресле, откинувшись назад.

– Да, все та же.

– Сыграй мне что-нибудь. Помнишь, ты мне сочинил мелодию.

Саня вздрогнул. чёрная грива волос, карие глаза, меняющие свою насыщенность от освещения. Он почувствовал тёплую волну, поднимающуюся в его груди от ощущения, что перед ним сидит человек, роднее которого не бывает. Её взгляд был прозрачным, словно он смотрел на песчаное дно лесной речки. Янтарные переливы слегка колышущейся водной глади. Губы чуть сжаты, будто боятся раскрыться в улыбке. Правая рука замерла над струнами. Молчание. Энергичное встряхивание головой с откидыванием пряди упрямых

волос назад.

– Ну, я не настаиваю, если ты не помнишь.

– Отчего же, – глядя ей в глаза, он взялся за гриф рукой и медленно потянул гитару на себя.

Больше не смотреть на неё. Всё уже давно прошло и заросло буйю. И не к чему всё это. Он сосредоточенно нащупывал аккорды, пальцы после долгого перерыва не хотели изображать виртуозную игру, где-то сфальшивил, где-то позабыл.

– Неважнецкий нынче из меня музыкант.

– Спасибо. Ну, так нальют в этом доме или нет?

– У меня только водка.

– Тоже неплохо. Давай выпьем за то, чтобы у нас в нашей жизни все было хорошо. И у тебя, и у меня, – ему показалось, что глаза её повлажнели.

Но расспрашивать не хотелось. Золотое правило в общении – человек должен сам захотеть поделиться болью. Или, наоборот, подальше её запрятать, не раскрывая, просто болтая ни о чем.

– Помнишь, ты когда писал, выгонял нас с Машкой гулять, мы обычно гуляли, заходили к куче знакомых. А потом ты удивленно поднимал бровь и спрашивал, почему мы так быстро вернулись?

– Помню. Ань, у нас сегодня вечер воспоминаний?

– Ты всегда был толстокожий, но мне казалось, что ты изменился. Хотя, последний месяц показывает, что не слиш-

ком. Ну и пусть. Все равно я рада тебя видеть, – улыбнувшись одними глазами, она выпила разбавленной соком водки.

– Сильно не увлекайся, ты ведь раньше водку не пила?

– Всему научишься. Ой, опять я вспомнила, ты мне говоришь, что тебе надо писать, ты не можешь не писать, а я, как идиотка, мол, питаться-то, чем будем, строчками твоими, что ли... Ты прости меня, я тебя совсем не понимала.

– А сейчас стала понимать лучше?

– Вот, ну, когда ты, Саша, справишься! Я с тобой серьезно, а ты...

– И я вполне серьёзен. Просто время такое – шутить. Иначе можно сойти с ума.

– Хорошо, включи музыку. Я хочу просто посидеть и послушать музыку, если ты не возражаешь.

– Да нет, сиди, разумеется.

– А, может, потанцуем? Просто как старые друзья?

Потанцуем-потанцуем, думал он, разглядывая её сиреневое платье, которое она по-девически одернула. Странно, хоть он и подтрунивает над ней, она не тяготит его своим присутствием. Как два школьника, отстранившись друг от друга, под невыносимо ностальгическую мелодию. Легкий флюид? Пульсирующие токи побежали по руке. В конце концов, можно и приблизиться. Знакомая и неизвестная, забытая и неповторимая. Кажется, он подпал под влияние минуты.

– Аня, знаешь, ты будешь смеяться, я в тебе сомневался.

– Как это?

– Ну, это долгая история, я тебе как-нибудь расскажу. Думаю, сейчас не время. Ты по-прежнему хорошо танцуешь.

– Спасибо. Сегодня вечер обмена любезностями.

– Молчи, – он откинул волосы и поцеловал её в шею.

Она замерла. Запах духов окутывал сознание. Одна рука обнимала всё крепче, другая рука, сцепившись с её рукой, как бы преодолевала сопротивление. Он почувствовал, что её колени начинают дрожать, первое легкое касание губ, грубое сжатие и новая попытка. Прерывистое дыхание, полное бездействие логики...

И вдруг она слегка оттолкнула его.

– Погоди, погоди, я не могу так сразу.

– Хорошо, конечно, давай погасим свет.

– Ну вот, Анна Владимировна, теперь Вы все слышали собственными ушами. Теперь Вы понимаете, почему мы Вас остановили, когда Вы выходили из подъезда?

– Только в общих чёртах. Вы ещё ничего толком не объяснили.

– Объясняю, – Реутов расхаживал по комнате в своей обычной манере, – Аннушка, которая Вас... замещает, так сказать, ни в чём не повинное создание. Но действует она по своей воле. Конечно, она не знает, что она вовсе не человек, и все, что, как она думает, она помнит, всего лишь

копия Вашей памяти, с некоторыми доработками. Но ничего страшного не произошло, поверьте, Вам ведь абсолютно безразличен Юферов?

– Да собственно...

– Уж извините великодушно, что мы Вас использовали. Знаете, теория теорией, а практика даёт подчас неожиданные результаты. Впрочем, я сам собирался сегодня рассказать это Вашему бывшему мужу. Думаю, результаты, которых мы достигли, вполне удовлетворительные. И я хочу, чтобы Вы при этом присутствовали, так сказать, живое доказательство, ведь он Вам не поверил прошлый раз, помните, Вы ему звонили из Москвы?

– Да, конечно, помню. Такое впечатление, что вы это помните даже гораздо лучше.

– Работа такая, – сардонически улыбнулся Реутов.

...Саня задумчиво курил на кухне. Аня вышла из ванны в полотенце, и он только сейчас заметил след на ключице.

– Что это у тебя?

– Подключичный катетер был. Недавно убрали, ещё долго будет видно.

– А зачем?

– Я тебе говорила. Ты не обратил внимание. Я болела. Даже хуже – едва выкарабкалась после той нашей поездки. А ты даже не поинтересовался, что со мной стало. Я спрашивала про тебя в бреду, говорят.

– После... поездки?

– Что ты так на меня смотришь? Ну, помнишь, «террористы», которые нас быстро отпустили, я ещё кашляла. Говорят, я почти умерла. Ты не подавился?

Саня закашлялся. Опять все возвращается. «Мумия возвращается». Придёт же в голову! Кто же Аня настоящая? Почему я ничего не помню, амнезия проклятая, меня, может, тоже с того света вытащили? А существую ли я вообще? Или она распадается на нейтрино и снова возникает в неизменном виде? Или их тут целая серия, запасных кукол? Мысли его прервал звонок.

– Алло, это Юферов Александр Сергеевич?

– Да...

– Это Азаровский. Борис.

– Очень рад. Вернее, ужасно удивлён.

– Александр, извините за нескромный вопрос, вы сейчас не одни?

– Вопрос в двенадцать ночи действительно нескромный. Нет, не один.

– Не Аня ли, случайно, в гостях?

– Случайно, да. Послушайте, Борис, я устал от всех этих спектаклей, объясните, наконец, что происходит!

– Именно поэтому я и звоню. Хотя, видит Бог, с большим опозданием. Дело в том, Александр, что Вы влипли в довольно грязную историю.

– Сейчас расскажите, что некий маг решил провести надо

мно́й эксперимент.

– В точности так.

– И кто этот добрый Гудвин?

– Увы, не Гудвин, и не добрый. Это мой однокурсник, я Вам про него рассказывал. Вообще, можно я сейчас приеду? Это длинная история, только вот не знаю, как быть с Аней.

– Нет уж, увольте, я хочу спать, в поезде Вы меня грузили религией, сейчас рассказываете про колдовство и прочую дребедень. Я очень устал, у меня была дикая неделя, имею я право отдохнуть от Ваших посягательств на мое личное пространство!

В трубке раздались короткие гудки, оборвавшие голос Бориса на полуслове. С озлоблением бросил Саня трубку. Психушка, а не дом. В дверь настойчиво постучали. Потом ещё раз.

– Аня, ты не назначала никому ещё одно randevu в моем доме?

– Нет... Кто это звонил?

– Кстати, ты его должна помнить, Борис Маркович, он тебя даже пытался лечить.

– Да-да, помню... Хотя и смутно. Такой худой, в очках?

– Именно. Аня, ты извини, у меня в голове все слишком перепуталось, я пойду прилягу. Стучать, кажется, перестали, осознали, что это просто неприлично. Будем как в «Иронии судьбы» – не открывать дверь. Если это только не Ипполит, или муж твой.

В дверь забарабанили с новой силой.

– Чёрт!!! В современных условиях можно ожидать, что её просто подорвут, если мы не откроем. Кто там, прекратите стучать, соседи сейчас выглядывать начнут!

– Открывайте!

Саня посмотрел в глазок и узнал Реутова. Открыл дверь и отступил назад. Перед ним стояла Аня. С заплаканными глазами и шмыгающим носом. Бирюзовый шарф, распахнутая дубленка, растрепавшиеся волосы. Он обернулся в сторону кухни.

– Я сейчас.

Быстро схватил халат и открыл кухонную дверь. Нет, Аня, с которой он вчера встретился, по-прежнему сидела, завернувшись в полотенце.

– На, надень на себя.

– Ах, вот ты какая, иллюзорная копия моя! – Аня протискивалась на кухню, но замерла на пороге.

С минуту они смотрели друг на друга. Саня стоял между ними, как будто ожидая, когда кто-то будет в нокауте и можно будет начать считать. Тут настоящая Аня резко развернулась и пошла в комнату. Оттуда послышался вопль.

– Да ты ещё и шлюха! Спасибо Вам, Геннадий, теперь на счёт моего бывшего супруга у меня не осталось никаких сомнений.

– Давайте, объясним ему, он ведь как истукан стоит.

– Пусть стоит. Хорошо, я взбудоражена, объясняйте сами.

– Александр, вот это, – широким жестом указывая в сторону Ани, – Ваша настоящая бывшая жена. Каламбур получился. Бывшая жена, реальная, так сказать. А вот это, – жест в другую сторону, – её двойник, или – просто клон. К сожалению, мы не сообщили Вам об этом раньше, но тогда бы не было чистоты эксперимента. Приношу свои извинения.

– И-з-ви-не-ни-я?! – разделяя звуки, почти прокричал Саня. – Да Вы... Подонок! Вон из моего дома! Нет, я Вам сначала морду набью, иначе не успокоюсь, – с этими словами он кинулся на Реутова, но тут его удержали крепкие руки двоих сопровождающих.

Саня вырывался, но тщетно. Ненастоящая Аня не произнесла ещё ни слова. Она смотрела на завязавшуюся борьбу, и её зрачки расширились. Среди всей этой возни громко взвизгнул её срывающийся голос:

– Кто мне объяснит, что такое клон?!!!!!!!

– Это человек, полученный из клетки другого человека, – поправляя съехавший галстук, ответил Реутов.

– Но человек?

– Видишь ли, эти вопросы до конца пока не исследованы. Теоретически – да, но практически... Это все находится в глубокой тайне от общественности. Но наш эксперимент доказал, что клоны – существа, способные чувствовать, а это, может, самое главное...

– Существа?!!!!! Саша, я СУЩЕСТВО?

– Нет, конечно. Нет.

– Но ведь он мне был как отец. Он ведь со мной много занимался, много рассказывал, я его уважала, а сейчас он говорит, что я существо. Она – человек, а я просто её двойник, у меня нет ничего своего, её волосы, её глаза...

– Мало того, сейчас я могу сказать и об этом. То создание, с которым Вы ехали в поезде, была тоже не Аня. А вот Аннушка, которую вы лицезреете сейчас, она и вовсе третье поколение Вашей реальной Ани.

– Подонок... Ради своих экспериментов ты позволил ей умереть!!! Мерзость какая!

– Пожалуйста, утихомирьтесь, все-таки зрителей не так много, ночь, сами просили, все делать как можно тише.

– Так я уже вторая копия? Поэтому ты так странно на меня смотрел. Саша, я все это слышу в первый раз. Я ничего не знала, поверь! – их глаза встретились.

И тут Саня с удивлением ощутил, как на его щеке образовалась предательская борозда от слезы. О Господи, давайте плакать будем. Навзрыд, чтобы все видели. Вот всё и выяснил, легче стало? Лучше бы этого ничего не было, лучше бы я никогда не садился в этот дурацкий поезд, не встречал Аню-два, Аню-три, сколько у них там ещё было домашних заготовок. Как там, «невозможно импровизировать, ничего сначала не продумав», а тут все просто, без вариантов, подбрасывают куски правды, как шакалу остатки добычи, жуёшь, не подавись правдой-то. Игрища, игрушки...

Аня-три стояла у балкона, взгляд её блуждал. Первая ис-

терика прошла сама собой. После первых бурных эмоций наступила тишина – минутная, длинная, сопровождаемая только вздохами. И вдруг она вырвалась из оцепенения как разогнувшаяся пружина. Ломая ногти, сорвала она шпингалет и открыла первую балконную дверь.

– Прощайте, я не хочу мешать вам всем жить, людям!

– Стой!!! Да отпустите меня! – заорал он. Была открыта вторая дверь, нога перешагнула порог.

– Аня, стой!

Балкон он застеклить не успел, восьмой этаж... Он представил распростертое тело и красную струйку крови, запекающуюся около уголка рта, закатившиеся глаза, полуоткрытые губы... Нет, нет, он посмотрел на свои руки, и ему помержились пятна крови. Сквозь открытую дверь он увидел, что она замерла в нерешительности, не зная, на что бы залезть, чтобы шагнуть в последний полет. Кажется, сообразила, что это ни к чему. Можно просто сесть и спрыгнуть. В четыре прыжка он достиг балкона и схватил её одной рукой за запястье. Другой рукой обхватил шею и с силой потянул на себя. Они упали вместе, Саня едва успел вытянуть руку, чтобы не стукнуться головой.

– Я... хочу... чтобы ... ты ... жила...

Они одновременно оглянулись назад, но увидели только край бирюзового шарфа, а его хозяйка уже скрылась из вида.

Январь 2002 г.

Бремя танцора

Повесть.

Любые совпадения случайны.

Памяти рано ушедших ровесников

1.

Лето не кончалось. За окном был август, а солнце по-прежнему было обжигающим, и в душном кабинете, несмотря на все кондиционерные ухищрения, Александр Евсеевич не чувствовал себя защищенным от неприятных ощущений липкости и влажности. Он был уже немолодым человеком, и затяжное лето не вызывало у него радостных эмоций, как прежде. Он сидел, то и дело обтирая лоб влажной салфеткой, вяло пролистывая подшивку газет за то время, пока он был в отпуске.

В театре ещё не было обычной суеты, звонков, обсуждений, и можно было бы только мечтать о некоторой передышке перед началом сезона. Если бы только не эта выматывающая жара, раскалённый асфальт живущего по своим законам мегаполиса, боли в сердце по утрам и вечные семейные дела... Александр Евсеевич шумно вздохнул, открывая последний номер. В дверь деликатно постучали.

– А, приходите, приходите, как дела?

В старомодный, консервативного вида кабинет, украшенный какими-то безвкусными вазочками на высоких до потолка стеллажах, бодро зашел молодой человек лет тридцати пяти. Во всей его внешности нельзя было бы найти какого-то изъяна, и одежда была безупречно чистой и выглаженной, на белой, спортивного вида, рубашке ни намек на тридцать-

тиградусную жару. Но не было в очёртаниях чего-то такого, что цепляет глаз, и не было в манере того, что откладывается в памяти.

Есть люди, которых запоминаешь по родинке на щеке, или слегка искривленному носу, или особому умению улыбаться, приподнимая верхнюю губу, или по смешной привычке теревить ухо. Посетитель выглядел как сама безупречность – и одновременно безликость. Он ловко подвинул стул и приготовился слушать.

Разумеется, Александр Евсеевич был таким человеком, что ему нужны были слушатели. Работа администратора предполагала выдачу коротких и четких команд, а в дискуссии с творческой интеллигенцией он предпочитал не вступать. Не потому, что ему не нравились эти люди, с которыми он проработал всю жизнь. Иногда ему казалось, что он имеет право на авторитет, уважение, почести – ведь он долго, честно, добросовестно *служил* русскому искусству, как он любил повторять на банкетах. Тем более, городское начальство всегда ценило его заслуги. Впрочем, сейчас Александр Евсеевич был прост и демократичен. Посетитель взглянул мельком на стол.

– Видели уже это?

– Да, только что прочитал. Знаешь, даже немного жалко этого парня, как его там звали-то... Баскаев Лёня... да, помню я его. Всего ничего пожил.

– Зато как пожил. Он тут в городе нервов всем потрепал.

– И не говори. С другой стороны – есть у молодежи тяга к искусству! Вот только к какому искусству. Возьми вот этого Баскаева. Сколько он этим современным танцем занимался? Лет пятнадцать, не меньше. Все хотел что-то доказать... Кстати говоря, его я уважал немного больше, чем Сурковского – помнишь, в прошлом году убили?

– Как не помнить.

– Да... Тот вообще был... Стыдно сказать, что на сцене вытворял. У меня жена с дочками ходила на спектакль, так выскочила как ошпаренная. На меня кричала – куда, мол, детей заставил привести. Сплошная эротика. А по названию не скажешь – сказка и сказка. В общем, классика остается классикой. Конечно, босоножка Айседора не дает покоя этим юным и смелым дарованиям, да... Хотят все чего-то. На Запад смотрят. Разве есть что-то лучше русского балета?

– Конечно, нет.

– Хотя и здесь уже прорываются такие все раскрепощённые, brutальные, сразу им давай и коней, и доспехи, и они чудо вершить будут. Есть у нас такие. Вернее, были. Но долго не продержались. И потом, эта их всеядность... Я имею в виду ориентацию... Сурковский – он даже не скрывал. Впрочем, это сейчас модно... На всех каналах рекламируют. Но это столица – а мы что, по сравнению с *ихними* размахами... Скромнее нужно быть. Вот понимаешь, что обидно?

– Что?

– Гонору, эпатажности – сколько угодно. А мастерства –

вот на столько, – Александр Евсеевич показал свой толстый мизинец и широко улыбнулся.

Посетитель тут же ответил белозубой улыбкой. Он явно нравился Александру Евсеевичу. За свое умение поддержать любой разговор, за тонкое понимание роли искусства в современной жизни, за отличный вкус, касающийся всего – одежды, манеры поведения, умению одновременно светиться лоском и не выскакивать под свет прожекторов. У Александра Евсеевича была дочь – но не было сына, и иногда он ловил себя на мысли о том, что в своих мечтах видел своего гипотетического отпрыска именно таким.

– Ну что ж, молодой человек, у меня дела-с...

– Разрешите откланяться, как говорится.

И они обменялись дружеским рукопожатием .

2.

– Коля, ну что ты мямлишь!

Молодой мужчина как будто застыл в движении на сцене. Его длинные волнистые пшеничного оттенка волосы, стянутые в хвостик, влажно блестели, а в свете прожектора, казалось, слегка искрились. Лоб прорезала глубокая морщина, тонкие губы сжались в порыве упрямства или внутреннего напряжения. На чёрном трико расплзались пятна пота, и резкий женский окрик подействовал на него, как на лошадь, остановленную на всем скаку.

– Что опять не так?

– Все не так!

Внизу, совсем рядом к сцене, стояла маленькая женщина, с почти подростковой фигурой. словно для контраста, её волосы были коротко острижены и уложены отдельными волосками, из-за чего лоб казался скрытым за частоколом жестких волосяных прутьев. Женщине было лет двадцать, а Коля на роль мальчика уже явно не тянул. В его взгляде светло-карих, с желтыми сполохами глаз мелькнуло что-то жалкое, из-за чего он сразу стал похож на Пьеро.

– Лариса, почему ты считаешь, что только ты знаешь, как должен выглядеть спектакль?

– Послушай, я понимаю, что тебе тяжело. Ты с Лео работал много лет. Но я-то ведь тоже не девочка! Если мы хо-

тим его все-таки поставить, будь добр, слушайся меня. Я тебя просила – свою партию переделать. Ты встречаешься с любимой девушкой, Мариной, тут нет никакой трагичности. Трагичность будет потом. Сейчас ты счастлив, радостен, полет, а у тебя не полет – у тебя ползание какое-то.

Лариса как будто уговаривала Колю собраться.

– Ощути плотность воздуха, который вокруг тебя. Ты не в мёде двигаешься, вокруг тебя весна, любовь, цветы. Ты должен передать ощущение радости...

– Ну не могу я! Не могу! Не могу! Как без него?

В тёмном маленьком зале кто-то кашлянул.

– Все, репетиция окончена, – отрезала Лариса. – Поймите же наконец! Мы вообще не существуем! Нас нет! Я вчера разговаривала с Павлом Петровичем. В общем, перспектив никаких. Да он сам придёт и скажет. А ты, – сверкнула она глазами в сторону Коли, – ты вообще как баба! Разнюнился! Всем тяжело! Не только тебе! Что теперь, рядом с ним в могилу ложиться? Мы сейчас все расслабимся, а завтра нас выкинут на улицу. Кто мы такие? Театр «Мембрана»? Вот у Сурковского – театр, у них сейчас и помещение свое, и сцена. А у нас ничего нет! У нас только Лео был! У нас даже названия нет официального – кружок самодеятельного творчества, или современного танца. Вы вообще понимаете, чем это нам грозит?

Несколько человек, которые переодевались, скрываясь за спадающим занавесом, прекратили сборы.

– Ладно, Лариса, не распаляйся. Пошли домой, – к Ларисе подошла черноволосая девушка, ободряюще сжимая плечо.

– Пошли, Катюха.

3.

Рафик Гасанов учился с Баскаевым с десятого класса. Он и сам не мог понять, что их с Лёней объединяло. Лёня – всегда полный идей, замыслов, которые менялись у него с чудовищной быстротой, быстрый, взрывной – и тихий упитанный Рафик, всегда что-то обдумывающий, рисующий на бумажках квадратики и кружочки.

После школы Лёня, как все творческие люди, пытался поступить то туда, то сюда, думая, что впереди у него вагон времени, и образование к таланту должно прилипать по каким-то своим, отбрасывающим всякую логику, законам. Ему предлагали заняться балетом всерьёз – но он отвергал эту идею и повторял, что вырабатывает свою технику танца, совершенно отличную от консервативной. Он создавал студию, набирал людей, ставил какой-нибудь спектакль – потом резко всех разгонял и уходил в подполье.

Потом поступил все-таки в институт культуры, проучился два года, и снова ушёл в вольное плавание по морям своей неуемной фантазии, потом всплыл в стенах альма-матер, подобно забытому наутилусу, чтобы снова шокировать педагогов смелыми проектами. Смутное время перестройки не способствовало упорядочению процесса становления мастера.

С точки зрения окружающих, его движения были хаотичны, в них не было логики или элементарной заботы о выживании. Рафик предложил ему заняться совместным бизнесом, тем более что сам, накопив первоначальный капитал на полулегальной перепродаже цветных металлов, решил немного выйти из тени. Лёня в ответ только рассмеялся, потому что совершенно не представлял себя в «галстук и перчатках», как он выразился. Он не желает быть винтиком какой бы то ни было машины, он не знает, где будет завтра, интересно ли ему будет то, что кажется интересным сегодня.

Рафик в глубине души завидовал ему хорошей завистью – сам он был настолько правильным и упорядоченным, что не представлял ни на минуту, что значит забыть обо всем ради искусства. Но также хорошо Рафик понимал, что Лёня при всей своей целеустремленности нуждается в поддержке. Поэтому иногда старался свести его с нужными людьми и уговаривал Леню заняться пусть не совсем искусством, но, по крайней мере, приносящим живые деньги делом.

Вот и в тот наступающий вечер в начале августа они пили пиво и обсуждали какие-то новые замыслы. Рафик иногда давал средства под проекты, и с удовлетворением отмечал, что годы, проведенные в бизнесе, не смогли изменить его прежнего отношения к старому другу. Рафик уже перестал анализировать, почему ему с Лёней было хорошо и комфортно, скорее всего, от безудержной энергии, кипевшей и выплёскивающейся через край. А, может быть, из-за некото-

рой почти тоски по молодости, где можно было творить не ради денег – а лишь во имя того, что прекрасное имеет право на жизнь.

В тот день они сидели сначала у Рафика на даче, потом поехали в поселок на окраине города, чтобы навестить родителей Лёни, которые, конечно, усадили их за стол. Потом Рафик высадил его в центре поселка, около семи вечера, в тот день у Лёни была какая-то непреодолимая жажда общения. То ли к девчонкам хотел заглянуть, с которыми вместе учились, то ли ещё к кому. Он и Рафика звал, но тот отказался. Сослался на дела, да и не было в нем острого желания видеться с кем-то через почти двадцать лет после окончания школы. Так и расстались – солнечным вечером около автобусной остановки.

Сейчас Рафик, вспоминая последний взгляд Лёни, думал, что между ними осталось что-то не высказано, в памяти вспыхивали отдельные предложения и слова. А ведь Рафик почти ничего не пил, только бутылку пива в начале, зная, что придется садиться за руль. Ему было нестерпимо жалко того последнего момента, вроде бы, Лёня что-то ещё крикнул, но мимо как раз проезжал автобус, и последней фразы он уже не расслышал...

Рафик решил не разговаривать по телефону из дома. После того, как тело Лёни нашли в пруду, а в милиции объясняли что-то невнятное, ему вообще казалось наиболее рацио-

нальным как можно меньше посвящать в дела своих близких людей. Его так часто спрашивали о том, не был ли Лёня в депрессии, не мог ли причинить сам себе вреда и прочий бред, который последнее время начал его так раздражать, что ему хотелось крикнуть: «Да вы что здесь, все кретины?!». Но он вынужден был давать показания, подписывать какие-то бумаги, журналисты лезли с вопросами. А причина смерти оставалась все такой же неясной, как туман над просыпающимся озером, когда видны смутные очертания деревьев на берегу, и кажется, что картина давно изучена, но выступающие из белой молочной массы фигуры кажутся незнакомыми и чужими.

– Ашот?

– Здравствуй, дорогой, – на том конце провода ответил немного хриплый, с характерным акцентом голос. – Слышал про твои горестные хлопоты. Сочувствую.

– Да, вот так получилось... Ашот, ты ведь тоже его немного знал. Не можешь там по своим каналам простучать?

– Что простучать, Рафик?

– Да не нравится мне это все. Тёмное дело какое-то.

– Так все дела тёмные, – голос стал менее дружелюбным.

– Ты поговори там, пошупай... Несчастный случай, говорят. Не может этого быть! Он эту лужу переплывал в пять лет. Это же нелепо – пошел и упал в этот чёртов пруд, захлебнулся и утонул. Ты бы этому поверил?

– Может, самоубийство?

– Это вообще глупо. В общем, я очень тебя прошу – пошуй там где надо... Пусть следака нормального дадут, чтобы нюх был как у гончей...

– Ммм... Я постараюсь. Ты не переживай, я тебя понимаю... Разберемся...

4.

Лариса не хотела никуда идти. Она сидела перед зеркалом и вглядывалась в свое красивое лицо. На трюмо валялось приглашение на премьеру в театр Сурковского. Глеба она хорошо знала при жизни, но вот с Лео он не особо ладил. Да и внешне они были полные противоположности.

Лео – сухонький, невысокий, с хвостиком, в костюме чувствовал себя неуютно, предпочитая джинсовый комбинезон, трикотажные пуловеры и немного стоптанные кроссовки. Он двигался всегда бесшумно, разозлить его было непросто, но обычно он старался задавить противника словами, с неизменной дружеской улыбкой. Павел Петрович его боялся, поэтому из дома культуры «Мембрана» то уходила, то возвращалась, по мере того, как у Лео менялись какие-то планы.

Глеб был высокий, ширококостный, выбритый наголо, с нагловатыми манерами. Обычно он долго подбирал слова, чтобы выразить какую-то мысль, главное в его стиле общения был напор, осознание собственной неординарности, самолюбование, желание подчеркнуть свою индивидуальность. Лео не раз говорил, что Глеб все более и более скатывается к обыкновенной «попсе», подстраивается под желание публики получать шоу с минимумом мыслительных реакций. «Давит на эрогенную кнопку», – таков был его окон-

чательный приговор несколько лет назад.

Кончину Сурковского обыграли во всех средствах массовой информации, даже нашли двух двадцатилетних мальчиков, которые ворвались к нему в дом с целью ограбить. Взяли видеомagneтофон. А Глебу размозжили его красивый правильный череп.

Все-таки нужно пойти, несмотря ни на что. Коля на репетиции был просто ужасным. Мало того, что пил недели две, так ещё сейчас, кажется, попивает в одиночку. За что Лёня дал ему главную роль в своем последнем спектакле, непонятно. Все решится на днях. Если этот старый бюрократ Павел Петрович упрётся, то нас просто выгонят. Поэтому весьма неплохо появляться в свете.

Лариса занималась у Лёни столько, сколько себя помнит. В последние два года, когда у него начались проблемы с женой, они много общались. Кончилось это достаточно банально – романом.

Это был странный роман, почти как у учителя с ученицей. Она спрашивала себя, было ли в её отношении хоть капля любви – и не находила ответа. Было восхищение Лео как артистом, режиссером, учителем, но любовником он был переменчивым и непостоянным. Она то пыталась за ним следовать по пятам, то пропускала репетиции, потом снова всё как-то налаживалось, даже переходило в спокойную дружбу, охлаждалось, как коктейль под влиянием кусочков льда, снова вспыхивало. Что-то такое Лео всегда умел говорить,

во что верилось.

Кстати, почему к нему приклеилось прозвище «Лео»? Кажется, после сериала про «зачарованных». Совершенно случайно маленькая девочка, дочь кого-то из друзей, назвала его так, и всем понравилось. Он действительно был «хранителем» их маленького театра, все вопросы с администрацией решал сам, но на репетициях требовал такой самоотдачи, что иногда приходилось танцевать до мозолей. Они никогда не знали, что же получится в итоге, а он говорил, что это знать не обязательно, важно знать основную мысль и пытаться её додумать.

Думать, думать – это было его основное правило. Думать о том, в чём ты движешься, каково окружающее пространство по консистенции, иначе говоря, какова «плотность». Затем ощутить, как ты сливаешься с пространством, для этого найти «точку», а когда колебания «плотности» становятся твоими, когда ты нашел эту «точку», ты уже можешь выразить «линию».

Многие не могли понять его методики и уходили. А он не отчаивался. Искал новых людей и верил, что любого можно заставить чувствовать пространство и танцевать с ним в унисон.

Ларисе нравилось в этой методике то, что не было жёстких алгоритмов, куда нужно двигаться. Когда они придумывали партию в спектакле, они придумывали на ходу, в соответствии с собственными ощущениями. Лео только под-

правлял, клеивал, сшивал движения, и получался неповторимый узор спектакля. Как они это сделали, почему – трудно было объяснить словами. Но разве слова нужны, смеялся Лео, зачем искать логику в том, что не может поддаваться логике. Существуют какие-то законы, но мы не знаем о них. Или знаем, но не можем применить. В общем, с ним трудно было спорить, тем более что его доводы звучали убедительно, вопреки абсурдности.

Лариса в последний раз взмахнула щёткой по ресницам, придирчиво оценила обтягивающий свитер и вышла на улицу.

5.

– Это великолепно, шарман, bravo!

Возле юного мальчика из театра Сурковского шумно вздыхала дама лет сорока, млея от его наскоро накинутой, с проступающими пятнами пота футболке. Мальчик был и вправду хорош, но Ларису он не интересовал. Слишком юн, к тому же вопрос принятия или непринятия в коллектив театра решает не он, а его отец.

Отец стоит поодаль, разговаривает с солидным дяденькой, кажется, директором музыкального театра. Внезапно на Ларису нахлынули воспоминания, она вспомнила время, когда Лео было что-то около тридцати, она была школьницей и в первый раз его увидела. Тут же она стряхнула воспоминания движением плеча и направилась к столу. Что-то я часто и помногу стала пить, подумалось ей, но щебетание, окутывающее её со всех сторон, показалось настолько равнодушным к её личному горю, что она продолжила движение даже с какой-то отчаянностью.

– Лариска, привет! Сколько лет, сколько зим!

Путь ей преградил тот самый, очень правильный и очень не запоминающийся посетитель уважаемого Александра Евсеевича.

– Женя?

– А кто же ещё! Вот решил тоже... приобщиться.

Лариса залпом выпила стакан водки.

– Ты хоть закусывала бы, девочка, я тебя понимаю, конечно...

Лариса кивнула, взяла яблоко и пошла к стене, где были диваны. Ей показалось, что вокруг неё плотность воздуха увеличилась, и сквозь эту оболочку (мембрану, усмехнулась она) перестали проникать окружающие звуки. Люди вокруг перемещались в хаотичном порядке, она слышала голоса, различала фигуры, но, как будто просеивая ощущения сквозь плотное сито воздуха. Водка начала разливаться по телу, и оболочка начала становиться тоньше. Странно, должно быть наоборот.

К ней подсели и начали разговор, кажется, кто-то из артистов, девчонки. Они поглаживали её по руке, как бы успокаивая; потом она поняла, что плачет, и становится легче, почему же она раньше не могла плакать, ни на похоронах, ни потом, воздух снова стало обычным, и она уже отвечала на вопросы, и ей не было больно на них отвечать, наоборот, хотелось и хотелось говорить.

О том, что тело долго не выдавали в морге. Какой-то тупой анатом с жирными лоснящимися глазками все не мог поставить причину смерти, они сидели в коридоре морга с Колей и родителями, она даже плакать не могла, потому что плакали все остальные. Потом им выдали тело в полиэтиленовом пакете, она глянула мельком и увидела чёрное пятно на ле-

вом виске. Такое огромное чёрное пятно, что его невыносимо было разглядывать. Потом какая-то чуть ли не уборщица вынесла заключение о смерти, и они с изумлением прочитали, что причина смерти не выяснена, и внизу мелким шрифтом – «признаков насильственной смерти не обнаружено». Ларисе хотелось крикнуть: «А это что?», но кричать было некому.

Так она сидела и рассказывала кому-то, пару раз подходил Женя, приносил водки, участливо брал её за руку. А что в прокуратуре говорят, а какие версии, интересовался он, но Лариса почти ничего не знала. Какая-то пьяная компания, с которой он ездил покататься, какая-то свидетельница, но её сшибла машина, и теперь она в больнице. Вот видишь, говорил Женя, пытаюсь поймать её беспокойные руки, значит, здесь всё не так чисто, как может показаться на первый взгляд. Они якобы с Лео поехали покататься, потом остановились у пруда, шашлычок, пиво, все, как положено, а потом эту девчонку сшибли машиной. И вообще, как такое могло случиться – компания, ведь ты же помнишь... Понимаю, понимаю, все успокаивал её Женя, оглядываясь, не прислушивается ли кто к их разговору, и от этого становилось легче. Банкет двигался к завершению, и она была уже достаточно пьяна, чтобы встряхнуться и поехать домой самостоятельно. Женя галантно посадил её на проезжающую машину и обещал позвонить.

6.

Павел Петрович решил задержаться до вечера. Последнюю неделю он напряжённо решал для себя, стоит ли оставлять этих *трубадуров*, как он мысленно их называл, или все-таки указать им на дверь. В конце концов, он ничем не рискует, если заставит их поискать новое место для своих репетиций. Не велики таланты, к тому же у них не стало самого главного защитника – Баскаева. Он в свое время изрядно потрепал ему нервишки.

Павел Петрович был человеком от искусства весьма далеким. В подведомственном ему доме культуры он поддерживал культуру как мог. Дискотеки – это ему было понятно, нужно куда-то молодежи энергию девать. К тому же это выгодно, хоть какие-то деньги на ремонт и прочие расходы. А вот что делать с этими спектаклями, на которые ходят, как ему представлялось, только потому, что они были всегда бесплатными – этого он пока не понимал. Павла Петровича более всего заботило внутреннее спокойствие, и он взвешивал все «за» и «против». А вдруг они достанут все свои дипломы непонятных фестивалей, обвинят его во всех грехах. С другой стороны, Лариса эта, совсем ещё, по его понятиям, пионерка, а уже напирает, что ей нужно хоть как-то оформиться, а ставка руководителя коллектива у него на вес золота.

Поэтому он придумал компромиссный вариант.

На репетиции были только шесть человек. Павел Петрович, маленький лысоватый колобок, вкатился в зал и торопливо поднялся на сцену.

– Ну-с, дорогие мои, добрый вечер! У меня есть к вам сообщение, весьма приятное, я бы сказал. Ларисочка, подойди сюда. Завтра оформляем тебя на пол-ставочки, по контракту, на два месяца. Коленька, ты не дуйся, дружок. У Ларисочки диплом, культурная она у нас, а ты уж, извини. Я понимаю, что ты давно тут. Но меня тоже пойми. Вдруг кто в личных делах начнёт копать, сейчас с этим строго, культура – и образование должно быть культурное...

Лариса не ожидала, что так всё повернется. Она несколько недель пыталась выловить Павла Петровича в коридорах, просила, потом требовала разговора о судьбе коллектива, и вдруг так просто всё решается. Хотя что-то ей подсказывало, что все не так просто. Коля смотрел на неё с обидой. Ну, ничего, я с тобой ещё поговорю, в конце концов, ей не хотелось его терять.

Последний спектакль, до конца ей непонятный, назывался «Золото Колакская». Она немного отвлеклась на застрявшую как заноза мысль, почему Лео был так привязан к Коле. Ведь Коля был такой нервный, на её взгляд, человек, и она

прямо чувствовала, какая волна неприятия исходит от него. А Лео его любил и даже не обращал внимания на его выходки. Коля молчал, почему-то вцепившись в пыльный занавес, переваривая информацию.

– И ещё, – многозначительно добавил Павел Петрович. – И ещё я хотел вам сообщить не слишком приятную новость. Скоро начнётся учебный год, студенты вернутся с каникул, в общем, нам нужно подготовиться. Сами понимаете, должно быть всё чистенько...

– Говорите яснее! – выкрикнул Коля из угла сцены.

– А если яснее, – ещё более жёстким тоном ответил Павел Петрович, – то нужен ремонт. И на это время у меня нет помещения для ваших занятий.

– И что же нам делать? – спросила Лариса.

– Что-то... Есть вариант. Пристройчик помните? Вот там предлагаю

– Но там невозможно, там пол – необструганные доски! Там вообще сарай! Там места нет, – заговорили все разом.

– Ну, хозяин барин. Сейчас вы тоже тут почти в темноте занимаетесь, и ничего, что делать, войдите и в мое положение, или вам сразу балетный класс нужен? Ищите тогда другое помещение, я ведь не настаиваю...

– Сколько времени необходимо на ремонт? – пыталась перекричать всех Лариса.

– Месячишко, думаю... Да не кричите вы так! В конце концов, никто не обязан создавать вам тут условия. Вот оце-

нили бы мою доброту – нет, сразу в крик. Давайте подумайте. Что вам дороже, искусство или амбиции, оформляйтесь, ключи на вахте берите, субботничек устройте, приберитесь там...

Павел Петрович спустился по сцене и покатился в сторону выхода. Потом обернулся и со словами «эта культура давно уже висит у меня на шее» и вышел в холл.

7.

Следователь Корсуков был назначен на дело убийства Баскаева неделю назад. Перед ним дело вела молоденькая практикантка, и вообще по коридорам курсировали слухи, что дело не стоит и выеденного яйца, вроде как все понятно. Единственно непонятное заключалась в том, почему компания, с которой катался Баскаев, не заявила о его пропаже сразу. Только через неделю, когда выловили труп в грязноватой воде начинающего зеленеть пруда, задним числом приложили свидетельские показания.

Из показаний следовало, что Баскаев был лучшим другом свидетеля Жоры, Жора был за рулем, увидел стоящего на остановке Баскаева, предложил выпить в приличной компании, они мило посидели на берегу пруда, затем Жора подбросил Баскаева до «красного барака», как они называли здание местной администрации.

Интересно, почему эти милые и чистые парни не написали свои признания сразу? Один из них до сих пор не найден. Это Корсукову не нравилось. Но делать было нечего, его буквально в экстренном порядке перебросили с другого расследования, под видом того, что многие в отпуске, а практикантка что-то «не тянет». Надо бы это дельце ещё раз *про-вентилировать*, как выразился его начальник и многозначи-

тельно посмотрел в глаза. Корсукову было непонятно, в каком «разрезе» нужно решить дело, но он был не столь искусен в подобного рода «заданиях», что уточняющих вопросов задавать не стал.

Рафик зашел в кабинет и увидел сидящего за столом необычно серьезного лейтенанта. Что-то в нем располагало с первого взгляда. Короткие, зачесанные назад волосы, чистый лоб с едва заметной морщиной озабоченности, серые, думающие глаза. Может, с этим повезет, подумал Рафик, присаживаясь на предложенный стул.

– Мне очень неудобно просить Вас рассказывать всё снова, но я человек в этом деле новый, мне показалось, что четкой картины не складывается. Дело заведено уголовное, убийство, в то же время каких-либо улик нет, свидетельские показания путанные, в общем, я прошу Вас ещё раз все вспомнить и рассказать мне.

«Те же яйца, только вид сбоку», – разочарованно подумал Рафик, прикрывая глаза, чтобы уравновеситься, и начал по которому кругу рассказывать историю последней встречи с Лёней.

– А какие у него были планы, он с Вами делился?

– Конечно. Видите ли, Лёня был с точки зрения современного общества не коммерческий человек. Ему многое было интересно, иногда получалось и деньги зарабатывать. В последний день я уговорил готовить «батареек».

– Не понял?

– Ну, девочек таких, на дискотеках. Заводят толпу, чтобы другие развеселились. У нас есть такие школы, но Лёня, поймите, он был особо одарённый человек. Грубо говоря, бревно мог заставить двигаться. К тому же, это деньги. Есть спрос. Он уже готовил несколько групп раньше, но потом бросал. Знаете, как бывает у творческих людей – раз, и пришла в голову какая-то совершенно другая, замечательная мысль. Всё, что к ней не относится и мешает, отбрасывается. Но новизна здесь заключалась в том, что театр, не знаю, говорил ли Вам кто-нибудь о нём, «Мембрана» называется, это основное и любимое детище его... В общем, он что-то задумывал, ему нужно было много людей. Девочки эти дискотечные могли бы заодно послужить материалом. Хотя, конечно, это грубо, но тоже – своего рода кастинг, приятное с полезным. Видите ли, у него были какие-то замыслы по созданию детской школы-студии пластической поэзии. Я не совсем понял, что это такое, но «батарейки» – это был вполне конкретный проект. Собственно, я ему помогал восстановить связи, найти заказчиков.

– А Вы не допускаете мысли, что это было самоубийство?

– Знаете, весьма экстравагантный способ свести с жизнью счёты, вы не полагаете? – с легким сарказмом ответил Рафик.

– Почему он поехал с Вами до остановки?

– Хотел зайти к одноклассникам.

– А Вы, почему не присоединились? Вы ведь в одной шко-

ле учились? Кстати, к кому он мог пойти?

– Во-первых, мне с утра нужно было уезжать в другой город. Во-вторых, мы действительно учились в одной школе, но меня ни Маши Ивановы, ни Вани Сидоровы практически не интересуют. Я общался только с Лёней. Дело даже не в том, что я стал каким-то «крутым» и бывших одноклассников в упор не замечаю. Разные интересы.

– Но Баскаев был тоже не вашего круга, если уж на то пошло. Насколько я понимаю, он не ездил на модные курорты, не «тусовался» по казино и боулинг-клубам, и вообще не имел даже собственной квартиры.

– И что Вы хотите этим всем сказать? – неприязненно посмотрел на следователя Рафик.

– Вы не волнуйтесь, я просто пытаюсь понять, что вас связывало.

– Зачем?

– Никто не сомневается в Ваших показаниях. Но непонятно, почему Баскаев, желая пойти к одноклассникам, вдруг садится в машину к малознакомым людям.

– На самом деле этот поселок – маленький и отдалённый, практически деревня. И там почти все друг друга знают. Так что утверждать, что они мало знакомы, я бы не стал.

– Хорошо. Так каковы, на Ваш взгляд, мотивы этой последней поездки?

– А каковы версии самих участников?

– Подъехали, предложили прокатиться до пруда, поесть

шашлыков. Кстати, Баскаев не злоупотреблял алкоголем?

– Последнее время – нет. Бывали периоды. Что касается последней встречи, он был практически трезв, я был за рулем, выпил только бутылку пива, но сейчас это не запрещено, после пары часов вполне можно водить машину. Лёня выпил пару бутылок, он больше говорил, чем пил. У него был день, когда он очень много хотел сказать людям. А вскрытие что показало?

У меня такое впечатление, что это Вы ведёте допрос. Алкоголя в крови мало.

– Ну, вот видите. Несчастный случай – разве он мог быть?

– Вот показания свидетелей, – зашуршал бумажками Корсуков, – они говорят о том, что Баскаев пошёл попить воды, якобы ему стало дурно, печень среагировала на жирную пищу и спиртное.

– Ну, это полный бред. Лёня мог выпить очень много.

– Не перебивайте... Пошел выпить воды, веселье было в разгаре, долго не возвращался. Они про него забыли, а когда вспомнили, подумали, что ушел по-английски, не прощаясь.

– И?

– Потом, через неделю, мать Баскаева забила тревогу, и они вспомнили, что он был с ними.

– Угу. Пошел попить, упал. Очень логично.

– Именно. Вы говорили мне про планы. А чем последнее время Баскаев занимался?

– В смысле?

– В творческом отношении, разумеется.

– Ставил спектакль «Золото Колакская».

– Что за спектакль, о чём?

– Я точно не знаю, какой-то миф о царе-солнце. Из скифских мотивов. О сыне Таргитая, которому досталось всё золото. Но Лёня додумал этот миф, внес что-то свое, и теперь смысл, возможно, стал совсем другим.

– В каком ключе?

– Во-первых, замысел автора до конца остается непонятным, во-вторых, танец – это не слово. И каждый его трактует по-своему.

– А как он относился к политике?

– Я бы сказал – никак. Она его не интересовала. Его ум занимали более высокие материи. Это было для него мелко. Он считал, что художник в принципе не должен заниматься политикой. Он должен заниматься душами человеческими.

– Хорошо. Спасибо, господин Гасанов. Если появится что-то новое, я вас обязательно поставлю в известность.

8.

Надо собраться, твердила себе Лариса. Собраться с мыслями, с чувствами и начать снова жить. Состояние неопределённости хуже всего. Неужели я не смогу довести его дело до конца? Замысел автора остается за кадром, говорил Лео, как и замысел творца. Уж не сравнивал ли он себя с Богом? Нет, этого не может быть. Но он часто говорил, что ему это приходит свыше.

Бежар говорил, что танец – искусство двадцатого века. А Лео добавлял, что в двадцать первом веке произойдет не смешение языков, как в Вавилоне, а сознание перевернётся в головах людей. И танец – этот первобытный язык всех людей – поможет остаться людьми.

В минуты отчаянья он молчал и гнал её от себя. Отчаяние... Самый большой из грехов. А потом словно взмывал в небо и начинал творить что-то невообразимое. Ларисе казалось, что он воспринимает мир какими-то особыми рецепторами, соединяющимися не с головным мозгом, а сразу с сердцем. Когда увидел репортаж с мест ведения боевых действий, надолго заперся у родителей в посёлке, и недели две ни с кем не общался. Лариса проводила разминки, со страхом думая, что происходит в его душе. Из кризиса он вышел с новой идеей и буквально за неделю поставил спектакль

«Белая река». Чёрный, белый, красный – любимые цвета минимализма. Обыкновенная любовная история двух людей, живущих по разные стороны реки. Река – это и поле с белыми цветами, тогда торжествует любовь и мечты, но может стать красной от крови убитых, и может стать чёрной землей от горя остающихся. Только чистые цвета, только чистые цвета, повторял Лео, максималист от природы и по образу жизни.

Жизнь улыбалась ему, словно ненавистная мачеха, кидая чёрствую корочку хлеба, выжидая момент, когда перестанут повторяться потуги воплотить замыслы творца. А он все не сдавался... Лариса снова почувствовала себя осиротевшей.

9.

Лариса нервничала. Рафик пообещал дать рекламу для школы «батареек», в пять часов нужно было начинать. С Павлом Петровичем удалось договориться, чтобы для кастинга им предоставили балетный класс. Помещение, громко именуемое балетным классом, возможно, когда-то и было им. Но пол начал рассыхаться, и уродливые трещины изрезали паркет. Вместо зеркальной стены осталась ободранная штукатурка. Что ж, думала Лариса, это лучше, чем ничего.

На скамейке сидело несколько девочек лет пятнадцати, они тихо переговаривались, очевидно, успев перезнакомиться внизу, на вахте. Коля сидел на стуле, нахмутив лоб. Ему затея набирать девочек вообще не нравилась, хотя он и понимал, что это, возможно, деньги, которых катастрофически не хватало, чтобы заказать недостающие декорации.

– Пожалуй, начнём. Кто первый? – обратилась она к девочкам.

На середину класса вышла худенькая девочка с опущенными плечами. «Да уж, контингент», – думала Лариса, пытаясь подбодрить её улыбкой. Неожиданно Коля подскочил к девочке, держа в руках стул.

– Всё хорошо! – крикнул он, как будто вокруг были глухие, – А теперь представь себе, что этот стул и есть подиум.

Представила? Вот и замечательно. Попробуй рассказать, что ты ощущаешь.

– Стоп! Стоп! – Лариса вышвырнула стул в угол класса. Девочки, сидевшие на скамейке, вжали головы и стали похожи на замёрзших цыплят. – Что ты себе позволяешь? Мы сейчас ведем набор в школу танца, а не в театр!

– Это ты что себе позволяешь! Ты хочешь их просто научить прыгать под ритмичную музыку! Это не искусство! Это попса! Люди должны уметь думать! А не только трястись на дискотеках!

– Не диктуй мне! Я здесь руководитель! Если не нравится – можешь ухать! Мы обойдёмся как-нибудь без тебя! Нашёлся тут, звезда!

Девочки распрямили плечи и удивлённо наблюдали за перепалкой.

10.

Корсукову казалось, что он все время теряет нить. Папка с материалами пухла день ото дня, но ничего нового, как ему казалось, не прибавлялось. Сегодня он вызвал на беседу бывшую жену Баскаева, надеясь составить, наконец, в своей голове законченный образ этого человека. В его кабинет легкой походкой вошла молодая женщина лет тридцати. Длинные волосы, уложенные гладко, заколотые сзади элегантной заколкой. Осанка прямая, в каждом движении чувствуется уверенность и какая-то воинственность. Она демонстративно плюхнулась на предложенный стул, закинув ногу на ногу.

– Когда Вы видели Баскаева последний раз?

– Весной.

– Ничего непривычного в нем не заметили? Он не говорил, что кто-то ему угрожает, например?

– У нас уже не тот уровень отношений... был... В общем, у нас остались только сугубо деловые отношения. Он забирал свои вещи. Немного обсудили, как он будет видеться с сыном. Вот, собственно, и все.

– Хорошо. Он виделся с сыном?

– Иногда. При его образе жизни часто это делать невозможно, – при этих словах её губы сложились в презрительную гримасу.

– Из-за чего вы расстались?

– Это так важно? – гримаса стала ещё более презрительной и враждебной.

– Важно все, на самом деле. Ваш бывший муж погиб при странных обстоятельствах.

– Он вообще был довольно странный. С безумными идеями в голове.

– Я знаю, что на следующий день после его гибели он хотел поехать к Вам.

– Откуда?

– Такие показания дают родители, хотя я и не обязан Вам об этом сообщать. Насколько я понял, Вы препятствовали его общению с сыном?

– Я не поняла, мы в суде?

– Так препятствовали или нет?

– Не способствовала. Как раз мы уезжали на юг. Знаете, в отличие от Баскаева, у меня очень мало времени. В частности, на отпуск. В тот день... я плохо помню тот день, но мы уезжали утром. Скорее всего, в тот день укладывали вещи.

– А с бывшей свекровью какие у вас отношения?

– Обыкновенные... – как можно безразличнее ответила она, но от Корсукова не ускользнуло, что сделано это было с усилием.

– У неё другое мнение. Она говорит, что Вы регулярно закатывали скандалы, чтобы не давать ребенку общаться с ними и погибшим Баскаевым.

– Послушайте, Вы переходите всякие границы! Я вообще не понимаю, какое это все имеет отношение к делу! Я не обязана любить ни отца ребенка, ни его семью. Ребенок остался со мной, и мне решать, когда ему с кем видеться и зачем!

– Успокойтесь!

Лицо её наливалось тёплым румянцем, видимо, следовательно задел за живое. Впрочем, размышлял Корсуков, ничего удивительного в этом нет. Баскаев был слишком отстранённым от дел мирских. А этой женщине, в глазах которой видна железная хватка, вряд ли интересны чужие философские искания.

Как человек импульсивный, скорее всего, он вспоминал о сыне спонтанно, чем невыносимо выводил из себя эту дамочку.

...Постепенно она остывала и успокаивалась, и минут через пятнадцать уже говорила без ехидства, злорадства и излишнего негативизма. Из её скупых объяснений Корсуков узнал, договорившись предварительно, что это не для протокола, что Баскаев изрядно пил, что и послужило причиной развода. Отсутствие денег – это лишь одна из причин. Пьянство с периодической депрессией, нетерпение к окружающим, он даже избивал сына, если тот начинал громко плакать. Поймите, говорила она, смотря на него полными от вызванных воспоминаниями слез, это был невыносимый человек, и я не хотела, чтобы он и дальше отравлял наше существование. Я привозила к его родителям Ванечку (так зо-

вут их сына), но старалась это делать, когда он уезжал. Его я не видела совсем, я вообще отошла уже от этих кругов, богемы (повторение зигзага презрительной улыбки на лице), так только, редкие звонки. Поэтому я совсем не удивлюсь, что у него случился творческий кризис, и он... Ну, сами понимаете.

– Понимаю. Прекрасный способ самоубийства, не находите?

– Не понимаю, о чём это Вы?

– Спасибо, если что-то понадобится, я Вас вызову.

Беседа с бывшей баскаевской женой оставила у Корсукова неприятное впечатление.

Она что-то не договаривала. Интересно, много ли она выиграет от его смерти? Единственно – сына. Баскаев в последние годы, по словам его матери, активизировался в этом направлении. А дамочка хотела выйти замуж за границу. Кажется, и жениха нашла. Конечно, эти вопросы в лоб Корсуков не поставил, но отчасти в скоропостижной смерти Корсукова есть выгода и для неё. Не нужно спрашивать его разрешения на вывоз ребенка за границу, и вообще всё становится гораздо проще... И это странное настаивание на версии самоубийства и его депрессии... В её интерпретации это был какой-то монстр, избивающий ребёнка...

11.

– Колечка, милашечка... – теребила Лариса непослушные кудри. Они стояли в коридоре, из дальней комнаты маленькой двухкомнатной квартиры доносились не вполне трезвые голоса.

– Да пропусти ты, дай раздеться!

– Солнечный мальчик...

– Ты пьяна, как ты можешь... Труп Лео ещё не остыл, – нервно огрызнулся Коля, пока она стягивала с него промокшую от дождя куртку.

– Да, наверное, конечно... Девочки, пойдёмте на кухню! – крикнула она собравшимся. – А ты раздевайся, проходи.

В комнате обсуждали в который раз показания свидетелей. Ребята горячо жестикулировали, возмущаясь тупостью милиции. Коля сел на диван и начал молча пить водку.

– Кто рассказал? – спросил он у сидевшей рядом Кати.

– Да Рафик Ларисе звонил.

– А синяки на виске ничего не значат? Нужно куда-нибудь писать, звонить, иначе они так это дело и закроют. Потом скажут, что он сам влил себе два ведра некачественной водки, задохнулся и утонул.

– В лёгких не было воды, – сказала Катя.

В коридоре раздался звонок в дверь.

– А, Женя, проходи, проходи, – встретила гостя Лариса. – Слушай, извини, что в прошлый раз такая была. Со мной такое редко происходит, спасибо, что помог.

– Ну что ты, не стоит благодарностей. А это Верочка, – Женя любезно улыбнулся и прошёл в комнату с какой-то девицей.

– ... так это и доказывает, что он не мог утонуть. Они там все тупые, что ли? Нужно требовать повторной экспертизы, дополнительное расследование, а мы тут сидим, сложа руки, и ничего не делаем. Помещение у нас уже практически отобрали, Лариса устроена хореографом-руководителем временно, пара-тройка месяцев, дело закроют, а нас выгонят, – кипятился Коля, жестикулируя руками, как бы помогая ими подбирать слова.

– Да упокойся ты, в конце концов! – крикнула на него Лариса. – Что ты всех заводишь, нужно выработать тактику. А ты всегда лезешь, как мальчишка, на рожон.

Коля вспомнил, как Лео учил входить в воздух, уменьшаясь до точки, чтобы ощутить его колебания, чтобы потом снова расшириться до размеров вселенной. Последней фразой Лариса превратила его в точку. По глазам он понял, что оскорбил её женское самолюбие своей грубостью. Значит, она мне будет мстить, внезапно пришла в голову скверная мысль. Точка, которой он был, ощутила вибрации недоброжелательности. Рядом с Ларисой стоял какой-то хмырь, смутно припоминаемый им с многочисленных тусовок. Ка-

жется, мы знакомы. Но почему она его пригласила? Или он случайно мимо шёл и зашёл? Да ещё с какой-то подругой совершенно непотребного вида, с заслюнявленным именем «Верочка» .

– Я согласен с Колей, этого дела так оставлять нельзя. Вообще, нужно раздуть как можно больше шумихи вокруг этого дела, – очень спокойно начал Женя.

– Прессуху подключить? – спросил кто-то.

– А что, и прессуха в ход пойдет. Может, выпьем и немного расслабимся? О конкретных ходах поговорим чуть позже.

Женя явно был каким-то чужим, но страстно желал, чтобы его приняли за *своего*. Он начал травить анекдоты, внимательно наблюдая за всеми. Точка-душа Коли начала разворачиваться в линию и в пространство, и распирающая злость на собственное бессилие перед какой-то неведомой машиной возрастала с каждой секундой. Как она с ним любезничает, просто прелесть, думал он, глядя на Ларису, которая, кажется, действительно почувствовала игривость со стороны Жени и с благосклонностью её принимала.

– А может, потанцуем? – предложил кто-то.

– Давайте. Под старенькие, без лишних децибеллов.

Коля все подливал и подливал себе водки, даже танцевать не хотелось. Потом очень неуверенной походкой направился на кухню. У окна стоял Женя.

– Все успокоиться не можешь?

– Что-то вроде того.

– Слушай, а кому он мог мешать?

– Я не знаю.

– Политика, бизнес?

– Какой бизнес, он на новые джинсы не мог заработать!

– Ну, бывает, что и миллионеры с заплатами ходят. Чтобы не светиться. А этот друг его, как его...

– Рафик. Не, он с ним со школы знаком. Да он нам постоянно то аппаратурой поможет, то с кем-нибудь договорится...

– Всяко бывает, дружба дружбой, а табачок врозь. А жена у него где?

– Развёлся. Выставила с чемоданчиком. Ещё зимой. Вот о мальчишке, конечно, тосковал.

– Может, не там мы собаку ищем... Над чем он работал последнее время?

– А ты поймешь ли? – с сарказмом спросил Коля. Не нравился ему этот тип.

– Постараюсь, если смогу.

– Спектакль о бренности денег, о том, что деньги не могут являться смыслом жизни. А ты все спрашиваешь про бизнес. Он жил так, понимаешь – где придётся, с кем придётся, лишь бы кто-то, который выше нас всех, его не покидал.

– Туманно говоришь.

– Вот. Ты вот бегаешь всё время неизвестно где – а остановиться и задуматься не успеваешь. А роль искусства знаешь в чём? Чтобы вырвать тебя из этого круга – «деньги –

кормушка – покупки» – остановиться, подумать о вечном и главном. Поэтому приземлённым тварям вроде тебя не понять высокого полёта. Вам лишь бы политика и всякая грязь. Искусство и политика – две вещи несовместные. И потом, искусство – это не товар широкого потребления.

– Э, как тебя занесло, голубок, – зло сказал Женя.

Колю позабавила его реакция. Неужели я становлюсь злым, с неприязнью к самому себе подумал он. Не мы такие, жизнь такая. Удобная поговорка для тех, кто хочет расквитаться за все сполна и навсегда. С другой стороны, кто этот Женя? Какой-то весьма sereneкий, хоть и облизанный со всех сторон. Вот для чего сюда притащился, тут люди творческие, непричёсанные, и могут наговорить всего – всего, войдя в кураж. Ощетинился, тузик. Ну, прыгнешь на меня или только тявкать будешь?

Женя стоял, потирая руки, явно не зная, как развернуть сложившуюся ситуацию. Желтые сполохи пламени в Колиных глазах засверкали недобрым огнем. Так продолжалось с минуту, пока не открылась дверь, девчонки не сказали, что теперь их очередь отравляться. Ну, что уставились, мальчишки? Ах, извините, у вас тут дискуссия, а мы такие-сякие, ворвались. Сократы вы наши, Спинозы и занозы.

– Сократ – это тот, который сокращается? – спросил Коля.

– Глупый какой! Учить нужно было философию.

В комнате Верочка что-то щебетала про косметику некурящим девчонкам. Женя сел с ней рядом и начал недвусмыс-

ленно прижиматься сзади. Сначала Верочка остановилась, но потом продолжила, как ни в чём ни бывало. Да уж, подумал, глядя на эту сцену Коля; её сейчас раздень догола – она всё равно не остановится. Когда-то и мы с Лео групповухи даже устраивали, ночью на кухне, весело было. Девчонки у нас были красивые. Они так к нему и липли. Даже умные попадались. В двадцать пять море кажется по колёно, а все женщины – прекрасными. Перед его глазами они табунами проходили на всех этих кастингах, когда он готовил показы мод, была у него и такой способ заработать. В постель попадали только самые лучшие.

Они никогда не говорили о Ларисе. Лариса была запретной темой. Может, потому, что она когда-то нравилась Коле, даже какой-то романтизм начинался. Но потом выяснилось, что она все время ждала, когда её позовет Лео. И он позвал. То звал, то бросал, она возвращалась бумерангом. Ах, эти преданные глаза, которые смотрели на него, а сейчас на меня, поймал он на себе взгляд Ларисы. Смотри, милая, смотри. Устроила тут кружок Анны Шерер, противно даже.

Наскоро попрощавшись, Коля ушёл с вечеринки.

12.

Корсуков пытался собрать наиболее полный список лиц, знавших Леонида Баскаева. Он разговаривал с Ларисой, которая вела себя замкнуто. На вопросы отвечала односложно, будто боялась сказать что-нибудь лишнее. Из разговоров с другими Корсуков знал, что с погибшим Баскаевым они были очень близки, но сама Лариса об этом умалчивала. Лишь раз она вздрогнула, когда речь зашла о последнем дне. Потом сбивчиво начала что-то говорить, что была в этот день в городе, но, кажется, Лёня ей звонил от родителей. Корсуков сопоставил это с показаниями родителей. Баскаев действительно был очень возбуждён в тот день и во время встречи с Рафиком постоянно бегал к телефону, кому-то названивая. О чём говорили, спросил Корсуков Ларису. Не помню, отвечала она, кажется, он скучал и хотел меня видеть, но я была занята.

Коля не произвел на него вообще никакого впечатления. Во-первых, он был весь какой-то помятый от постоянных возлияний, во-вторых, постоянно жестикулировал и вставлял в речь слова-паразиты, что неизменно раздражало Корсукова.

Все его показания сводились к тому, что он страшно страдает без своего друга и учителя, а в театре его буквально «ду-

шат и зажимают». Как с ним вообще можно общаться, думал Корсуков, глядя на женственные чѐрты лица Коли и выющиеся волосы, постоянно залезающие на лицо, из-за чего тот постоянно откидывал назад голову.

В институте, где Лѐня учился с перерывами без малого десять лет, его ещё помнили. Корсукову дали для просмотра личное дело, копию вкладыша к диплому, где красовались тройки и лишь кое-где неуверенные четверки. Преподаватель по пластике, худенькая женщина со сморщенным лицом, ждала его в кабинете. Она, как видно, немного волновалась, и постоянно поправляла очки.

– Я помню его, конечно. Мы с ним часто спорили... Поймите меня правильно. Как Вам объяснить... У него не хватало профессионализма. Вы можете мне возразить, что он был лауреатом театрального конкурса «Серебряный дождь». Скажу Вам больше, – Корсуков вовсе не хотел ей возражать, он пытался задать вопросы, ответы на которые его интересовали, но сухонькая женщина обладала, очевидно, умением не отвечать на вопросы, а упрямо идти своей дорогой.

– Скажу Вам больше, – продолжила она, повышая голос, – Я даже сидела в жюри этого фестиваля. Конечно, это наш ученик, и мы хотели поощрить его...

– Вы хотите сказать, что он был недостоин награды, – быстро вставил Корсуков.

– Нет, Вы опять не поняли... Баскаев был достаточно талантлив, но чрезмерно убеждѐн в своем таланте. А нужна

упорная учёба, понимаете? Чтобы ставить спектакли, нужно знать элементарные правила драматургии! А у него что было? Спектакли абсолютно – подчёркиваю – абсолютно не выстроены. Завязка– кульминация – развязка. Это же так просто! Но это правило, это классическое правило, и его никто не отменял. Вы думаете, Айседора Дункан была просто танцовщица, и просто импровизировала? Она импровизировала, но у неё были кульминационные точки, и она двигалась от одной к другой, не теряя ни на секунду основной темы! Рассматривать танец в стиле модерн как что-то совершенно новое – это совершенно недопустимо! И Баскаеву не хватало, с одной стороны, классики – то, чего он не взял у нас в институте в силу своей лени или простого нежелания, с другой стороны – школы «из первых рук» этого самого «модерна».

– Но ведь он учился во Франции, я слышал...

– Учился. Месяц или два. Это, конечно, опыт, но он должен подкрепляться и обновляться постоянно.

– Я знаю, что после репетиций они просто падали от усталости, по словам его учеников...

– Ну, про учеников вообще не стоит говорить... Там только Лариса имеет образование. Дай Бог, она его применит. Остальные... Очень слабые. Техники нет.

Корсукову было очень тяжело говорить на темы, в которых он абсолютно ничего не смыслил. Похоже, она так и не выпустит нить разговора, придётся вставлять отдельные фразы, в итоге не узнав ничего нового. Он принял позу

внимательно слушающего студента, что ещё более вдохновило собеседницу. Она, кажется, уже перебрала все основные классические балеты, помянула добрым словом корифеев русского балета, начиная от Дягилева и заканчивая Григоровичем. Корсуков боролся с усилием, чтобы не зевнуть.

– А знаете, молодой человек, всё-таки обидно, что у нас в провинции так мало талантов, и они так рано погибают.

– Почему Вы говорите во множественном числе?

– Ну, как же... Ещё один наш ученик погиб... Глеб Сурковский. В отличие от Баскаева, он постоянно к нам обращался за советом. Мы ходили на его постановки. Да что там говорить – принимали участие в разработке многих спектаклей. Сурковский, он был совсем другой, он стремился повышать свой уровень. А ведь тоже, парень из деревни, танцевать начал поздно, но у него такой напор был, понимаете? Впрочем, о мёртвых нужно говорить либо хорошо, либо никак, – под стеклами очков заблестели слёзы.

Или это Корсукову показалось?

– А вообще... Милиция, конечно, работает недостаточно эффективно. У нас случай был. Банда приходила в общежитие и насиловала девушек. Год не могли поймать. И фотороботы составляли, и свидетельницы были готовы дать показания, и даже задерживали. А судебный процесс не начинали. Потом то ли начальство сменилось, то ли ещё что произошло, наконец-то состоялся суд, и посадили. Вот так-то, – закончила она усталым голосом.

– Баскаев, насколько я понял, не отличался особым усердием в учёбе? – вздохнул с облегчением Корсуков, понимая, что пару вопросов ему задать удастся.

– Нет, не отличался. Да... Знаете, мы все-таки его любим, хотя он, в общем-то, мало нас слушал. Считал, что сам уже всё знает. Бывает такой род людей – им учёба кажется чем-то малопривлекательным и бесполезным. Вам может показаться, что он был очень неудобный человек. Да, это так. Знаете, мы даже брали его на работу, чтобы он свою... технику, ну, которую разработал, преподавал. И что Вы думаете? Начал он работать, все вроде хорошо... Студенты приходят – говорят, непонятно. Конечно, не каждый может объяснить... Но дело не в этом. Тут он начал репетировать что-то там свое... не помню, какой спектакль. И все. Нет его. Студенты приходят, преподавателя нет. Месяц-другой. Не появляется. Делать нечего. Наняли мы другого, тоже нашего выпускника. Лёня приходит ещё через месяц и устраивает скандал! Мы тут просто в шоке были. Но сейчас что об этом говорить... Знаете, как в сталинские времена говорили? Нет человека – нет проблемы. Глеб Сурковский, – теперь уже Корсуков точно заметил слёзы, которые она смахнула платочком, быстро снимая и снова надевая очки, – Глеб тоже был не сахар. Но сейчас... Не на кого показать пальцем и сказать – вот, этот человек в нашем городе что-то делает. Ошибается, но делает. Я не говорю про классический балет, это отдельная история...

13.

Лариса дожидалась Павла Петровича в его кабинете. Совершенно безликий кабинет, думала она. Послышались тяжелые шаги, и в комнату почти впрыгнул Павел Петрович.

– А, Ларисочка, что надумала, деточка?

– Павел Петрович, нам очень нужно помещение, чтобы завершить спектакль.

– Да, я понимаю, но мы живем в такое ужасное время, на все нужны деньги, деньги, деньги. Нужно уметь их зарабатывать. Вот поглядите на театр Сурковского – милые ребята, аншлаги срывают. Сурковский был, царствие ему небесное, экспериментатор. Не всем нравилось. Сейчас, слава Богу, репертуарчик стал более понятным для широкой публики. Искусство должно быть понятным народу, а вот вы развели тут какую-то метафизику, какие-то мифы Скифии, ну кому это может быть интересным?

Лариса стояла, закусив губу.

– И потом, – назидательным тоном завершил Павел Петрович, – вы слишком увлеклись расследованием дела об убийстве, для этого есть соответствующие органы. Я прекрасно помню версию, что девушка из компании хотела дать показания, но потом передумала. Наверное, она находилась под впечатлением, в шоке, потом вспомнила, что он сам по-

шел к пруду. Это же сколько нужно выпить, чтобы в луже утонуть! Так что, милая Лариса Евгеньевна, сейчас рынок, искусство должно быть либо коммерческим, либо находите меценатов.

Лариса вышла из кабинета, решив для себя, что разговаривать бесполезно.

...Корсукову она не сказала всей правды про тот последний вечер. Лео звонил ей несколько раз, сначала её не было дома, и трубку брала мама. Ты пьян, спросила его Лариса, слыша прерывистое дыхание в трубке. Да, я пьяный и влюблённый. Лариса на минуту смутилась, потому что раньше они старались не обозначать свои отношения словами. К чему слова, все время убеждал её Лео, сказать «люблю», не имея чувств, очень просто, но, чувствуя, что без человека плохо, когда его нет рядом – сказать о таком очень трудно. Приезжай, сказал он в том последнем разговоре. Лариса удивилась – куда, зачем? Пожалуйста, почти молил он, приезжай, я сейчас провожу Рафика и буду ждать тебя на автобусной остановке, там есть ещё несколько рейсов, ещё не очень поздно, приезжай. Почему он так меня умоляет, подумала тогда Лариса.

Сейчас ей это виделось как мистический знак, который давала ей судьба. Она пообещала, что приедет, хотя совершенно не представляла, где она будет ночевать. Или он решил представить её своим родителям не как ученицу, а как подругу жизни? Что-то с ним произошло за последнее вре-

мя, он стал к ней относиться как-то бережнее, будто предполагал скорую разлуку. В тот летний вечер она вышла из дому и столкнулась с давним приятелем Женей. Как всегда, он был разговорчив и прилипчив. Да опаздываю я, нужно к Лео ехать, пыталась отвязаться она. Так я тебя подброшу, это ведь не очень далеко, примерно час езды, я с радостью тебе помогу. Это вариант, подумала тогда Лариса. Только что-то она не помнила, что у него есть машина. Что ты переживаешь, уверил её Женя, машина, конечно, не моя, но у меня друг как раз в отпуск уехал, оставил. Так ты дольше будешь ехать, уверяю тебя, тут недалеко, на стоянке она стоит. Пройдя квартал, они зашли на стоянку и выехали на скромной «восьмёрке». Всю дорогу Женя что-то говорил, совершенно не глядя на дорогу. А Лариса думала про странные перемены, происходящие в Лео. Для неё он оставался таким же загадочным, как и много лет назад. Как раскачивающийся маятник – то к ней, людям, то от неё, от людей, в непонятные океаны собственных мыслей.

...Все это она вспоминала, идя из кабинета Павла Петровича.

...По дороге Женя периодически останавливался и звонил из телефонов-автоматов, а Лариса злилась и постоянно пыталась его «ущипнуть», почему у такого крутого мужчины нет мобильного телефона.

Стоп. Всё дело в том, что по дороге сломалась машина, Женя бегал вокруг неё, задирает капот, ковырялся, материл-

ся, просил прощения. Она занервничала, зная, что Лео наверняка уже ждет её на остановке. Так бывало всегда – пятиминутное опоздание и то не прощалось, а они стояли на обочине уже целую вечность, как ей казалось.

В общем, пришлось ей «голосовать», оставив на дороге незадачливого Женю. Она приехала в поселок почти около восьми. Конечно, на остановке её никто не ждал. Через полчаса прибыл автобус из города. Она с минуту соображала, что, кроме как на этом автобусе, ей в город обратно не уехать, и прыгнула в полупустой салон.

...Как летучая мышь, внезапно бросившаяся из темноты, её сознание кольнуло странное чувство вины, что она не смогла вовремя приехать к нему в тот вечер. Это летучее создание впилось в неё своими когтями, и она присела в коридоре от слабости в ногах. словно тень, за мышью маячил силуэт Жени, который *косвенно* способствовал тому, что она не встретилась с Лео. Кому он звонил? С того вечера, когда она оставила его со сломавшейся машиной на дороге, они долго не виделись. Да, его не было ни на похоронах, ни на поминках... Какой-то ещё незрелый вопрос стучал в голове, но, подобно Скарлетт, она отмахивалась от него слабой рукой.

14.

В подвале ждали ребята. Какая уж тут репетиция, прыгнешь и упрёшься в стену! Со стен обсыпалась штукатурка, и вообще вся обстановка оставляла ощущение заброшенности и надвигающегося полного развала.

– Надо писать письмо, – вдруг сказала Катя.

– Давайте сразу в организацию объединённых наций, – съязвил Коля.

– Да помолчи, Коля, ты права, Катя, – обрезала Лариса, – я этим займусь на днях. Вот что. Тут есть возможность подзаработать. В область поедете?

– Поедем, что ещё остается, – слышались голоса.

– Ты? – посмотрела она на Колю.

– Поеду, – буркнул Коля, – только не командуй.

– Хорошо, давайте посмотрим, что мы сможем показать...

...Коля смывал остатки грима с лица. Перед выходом на сцену он опять столкнулся с Ларисой, которая чуть не загрызла его, увидев грим. Произошла стычка, но времени уже не было. Вещи были разбросаны по комнате. Сосед, с которым его поселили, был человек в театре новый. Коля с ним практически не общался. За стеной уже шло бурное отмеча-ние гастролей. Коля смотрелся в маленькое круглое зеркало на столе, и в голову медленно вползало воспоминание об од-

ной весенней премьере...

Они с Лео шли по радостному, по-весеннему отмытому асфальту главной улицы города. Пьеса называлась «Амадей». Молодёжный театр, так долго считавшийся опальным в городе, наконец, признали. Он располагался в старом особняке какого-то местного помещика с вычурными колоннами. Потом они вышли, закурили сигареты, и неожиданно Лео спросил, как бы взглядываясь в линию горизонта, может ли Коля представить такую ситуацию, что его не станет.

Что ты будешь делать, спросил он, уже смотря своим прямым, безотрывным взглядом. Если наступит период безвременья и пустоты? Я не знаю, отвечал Коля, я не знаю, не могу себе этого представить. Моцарт писал «Реквием», зная, что это реквием себе, усмехнулся Лео. Он освободился от всего того, что мешало ему творить – жены, долгов, Сальери. Но это не мешало ему творить, возражал Коля, иначе бы он ничего не написал. «А ты все-таки подумай. Иногда свобода – это смерть, иногда за маской любви – прячется смерть. Мысль, к сожалению, не моя. Говорят, Моцарт чувствовал приближение смерти. Это чувствует каждый человек. На самом деле он чувствовал зло, приближающееся со всех сторон. Но миссия человека, творящего искусство, в том, чтобы творить вопреки злу. Зло правит миром, а Моцарт смеется. Он знает, что этого у него не сможет отнять никто – ни зависть человеческая, ни смерть. Картины художника возрастают в цене после смерти. Значит, художник жил не зря, если

успел хоть что-то сказать людям. На самом деле, творчество – это способ смотреть не по горизонтали, а по вертикали», – бросил он на прощание...

В комнату постучали. В проёме показалась хорошенькая головка Кати.

– Пойдем, что сидишь, как бука. Не дуйся на неё.

– Сейчас приду.

... Ночью страшно захотелось пить. Водка, что ли, бракованная попалась. И вообще, сколько я выпил. Впрочем, не всё ли равно. Коля почувствовал, что чья-то рука легла ему на плечо. Вспомнил. Всё-таки она затащила меня к себе в постель. Как обрывки газеты, которые они рвали и разбрасывали в одном спектакле, стали доходить до его сознания обрывки событий. Он напился, и они пошли сюда. Сопротивлялся он не сильно, только все время глупо улыбался, когда она стаскивала с него вещи, и вскрикивал от щекотки. «Ну, вот и паинька, ну, вот и лапочка», – повторяла она, «хороший мальчик, я тебя не обижу, мы же одна семья, сам понимаешь...» Коля внутренне сплюнул.

15.

В доме культуры гремела музыка. Девочки-подростки восхищённо поглядывали на своих ещё безусых спутников, которые платили за дам. На небольшом возвышении, построенном посредине зала, мальчишки в сдвинутых набекрень кепках показывали брейк. Девочки– «батарейки» в чёрных кожаных шортах и бюстье разгуливали по залу, застывая в манящих позах. Влажные оголенные пупки переливались разноцветными камнями.

У стойки бара сидел русоволосый мужчина совсем не юного возраста, разговаривая с рыжеволосой девицей «та-тушного» вида, с улыбкой кидая в её открытый вырез кусочки льда. Девица хохотала, словно полоумная, и пила беспрерывно заказываемое мужчиной пиво. В углу произошло какое-то движение, как будто кто-то внезапно возник из-за кулис. Парень лет пятнадцати в джинсовой куртке стал нервно крутить ключами. К нему быстро подошел длиноволосый парень, что-то шепнул на ухо. Потом показал знак «о'кей» и также быстро удалился.

– На меня смотри, папик, – не унималась рыжеволосая.

– Да-да, куколка, – провел рукой по её груди мужчина, улыбаясь криво и недобро, быстро оглядываясь в сторону нервного паренька, – мы с тобой как, все пуси-пуси?

– Смотри-ка, *догоняешь*. Ничё у меня попка, правда?

– Ага, точно, – ущипнул её мужчина, – Куколка, тут шумно, а мне нужно срочно позвонить, дела у папочки, дела...

– Ну, иди, возвращайся скорее, я тебя ждать буду...

Он устремился к выходу, на ходу поправляя взъерошенную рыжеволосой дурочкой причёску, расталкивая танцующих.

Минуты через три включили большой свет, и под громкое возмущение расслабленной молодежи начался большой *шмон*. Паренек в джинсовой куртке, как только включили большой свет, пытался дернуться к выходу. Но путь ему преградили два незаметных ранее человека с угадывающимися мышцами под стандартными джинсовыми курточками, сразу застегнув наручники.

Паренек ещё трепыхался в их мощных руках, как рыба, выброшенная на берег, но сопротивляться было бесполезно. Тут и там, словно по команде, среди танцующих стали объявляться и помощники, переодетые в штатское. Они практически одновременно скрутили руки и недавним покупателям, которые пытались сказать что-то в свое оправдание.

После увода человек двадцати дискотека продолжилась, но большая часть присутствующих, обсуждая происшедшее, потянулась к выходу, от греха подальше. Рыжеволосая полезила своими аппетитными выпуклостями на сиденье у бара, стараясь как можно изящнее выгнуть шею, выглядывая

знойного папка, но её ожидания были тщетны.

Поняв, что рыбка сорвалась с крючка, она встала и вихляющей походкой пошла тоже на выход. Как раз включили *медляк*, и какой-то прыщавый юнец, с рыжими лохмами, как и у неё, что показалось ей забавным, пригласил её на танец, ловко притянув талию хозяйской рукой.

16.

Рафик пришел на беседу с Корсуковым, уже наверняка зная, что никакие звонки Ашоту не помогли.

– Что нового?

– Вот что. Дело закрываем.

– Забавно.

– Самоубийство.

– Нарисуйте картину. Похоже, у вас тут все просто шерлоки холмсы.

– Ой, только не надо этого. Сделали все, что смогли.

– А как же свидетельница?

– Она не даёт показаний.

– Правильно. Её запугал кто-то. Вот вы мне говорите – самоубийство. Это если бы он сидел дома, открыл все окна, наставил на себя ружье и выстрелил. Смотрите, мол – я сам себя убиваю. Да, падая, получил множество ушибов лица. Кого вы хотите обмануть?

– Кстати, один из людей, которые последние видели Баскаева, исчез.

– Вот видите!

– Это ничего не доказывает.

– А что доказывает? Помню-помню, показательное преступление. Я имею в виду Сурковского. Семь ножевых ра-

нений, бросили лицом вниз, как собаку. Видеомагнитофон взяли. А у него там золото было, валюта. Честные разбойнички. А знаете, что говорят, – приблизил он свое лицо к Корсукову.

– Что?

– Что его сатанисты убили.

– Послушайте, Гасанов, к нашему делу это не имеет никакого отношения.

– Неужели нельзя посмотреть правде в глаза?

Рафик посмотрел на Корсукова долгим испытующим взглядом. Корсуков выдержал его взгляд и ответил спокойно.

– Это официальная версия, я вынужден подчиниться. Кстати, вот ответ из Москвы, заключение экспертизы полностью совпадает с мнением наших специалистов.

Корсуков протягивал Рафику какие-то бумаги, тот окидывал их ничего не видящим взглядом почти закрытых глаз и машинально откладывал на стол. Все напрасно, все напрасно, прости, Лёня, я ничего не могу сделать, думал он обречённо. Или могу? А этот Корсуков, что за фрукт, так я и не понял. Официальная версия, говорит он. Не хочет ли он этим самым сказать, что он с ней, этой версией, не согласен? Корсуков складывал бумажки обратно, не обращая внимания на Рафика. Стоп, мужик ты или нет, в конце концов, вздрючил себя Рафик. Посмотрим, кто кого.

– Хорошо, закрывайте. Только матери сами будете гово-

ритель, уж избавьте меня. Могу я увидеть эту свидетельницу?

– Не имею права дать вам её координаты.

– Что ж, – сжав зубы, произнес Рафик, – слава КПСС. До свидания.

17.

...Надрывно звонил телефон. В комнате, всегда полутёмной от тёмно-синих штор, пахло мандаринами и ещё какими-то восточными пряностями. Диван был расправлен и занимал почти половину небольшой квадратной комнаты.

– Ну, кто ещё в такую рань, – ища телефон рукой, не открывая глаз, Коля с гримасой отвращения лежал на своем диване. Слава Богу, хоть мама этого безобразия не увидит, мелькнуло у него при виде обнажённой Катинной ноги, закинутой на него поверх одеяла.

– Да, – пробурчал он в наконец-то найденную трубку.

Катя открыла свои чудесные чёрные глазки и уставилась на него. Коля молча слушал, потом бросил трубку.

– Кто это?

– Откуда я знаю?! Что ты глупые вопросы задаешь! – он соскочил с дивана и стал ходить по комнате, всё время спотыкаясь об мягкий угол дивана.

– Что сказали?

– Да ты отстанешь или нет? Угрожают мне, угрожают. Чтобы не лез не в свое дело.

– В какое?

– Вот дура! – заорал он на неё во весь голос, разрубая воздух правой рукой. – Не знаю я, не знаю!!! Наверное, из-за

Лео.

– Да успокойся! Успокойся, псих!

Коля схватил сигарету, зажигалка надрывно скрипела, не желая выдавать заветную искру. Катя села на диване и протянула к нему руку, погладив вздрагивающую кисть. Коля всегда остро реагировал на неприятности, но поглаживание действовало на него успокаивающе, она это знала. Но сейчас он отшатнулся от неё и снова продолжил отмерять шаги на маленьком островке свободного пространства.

– Я же у Сурковского в прошлом году работала, если ты помнишь. Там вот такая же фигня была, когда его убили. Театр в шоке, обезглавлен. Главное, нам только что дали новое помещение, и вообще, нашли, в общем, покровительницу одну, губернаторшей мы её звали. Да нет, не жена губернатора. Блин, не маячь ты, я с мысли сбиваюсь.

– Дальше, – отрезал Коля, выдыхая дым и на секунду останавливаясь.

– С Глебом, честно говоря, мне он не нравился, ещё, как подумаю, что он *голубой*, да нас он тоже гонял, конечно...

– Дальше!

– С ним сокурсница или соратница, чёрт её знает, тетка под полтинник работала. Вернее, как она не светилась особо, но мы знали. Оксана Стаценко. Она вечно припрётся, они сядут, и давай куролесить. Крики, шум. Думаешь, чем занимались – сюжеты обсуждали. Ненормальные люди.

– Ты смысл, смысл не теряй!

– Так вот, эта Оксана говорила, что ей звонят и угрожают. Это уже после его смерти. Мы ей не верили, знали, что она периодически лечится в *психушке*. А потом её придушили прямо в центре города, в переулке, выбросили в мусорный бак. Говорят, она любила ходить по ночам одна, только это днём было, в субботу. Если бы Глеб не был голубым, можно было бы предположить, что они были любовниками. Но это совсем не так.

– Да уж, – успокаиваясь, прошептал Коля, снова залезая под одеяло, словно пытаюсь спрятаться от надвигающейся угрозы.

18.

– Ашот, это Гасанов.

Рафик сидел в скверике напротив театра. Сентябрьское солнце просвечивало сквозь густую сетку американских кленов. Погода была тёплая, лёгкий ветерок приятно охлаждал разгорячённое лицо. Сейчас бы бросить всё и просто лежать на диване под тихую музыку... И не заниматься всеми этими грязными делами...

– Здравствуй, дорогой, – ответил знакомый сладковатый голос.

– Как наши дела?

– Дорогой мой, у меня столько дел, столько дел... Я тебе обещал помочь, я это помню. Но жизнь такая тяжелая наступила, кругом сплошные убытки. У меня на дискотеках *дурь* продают, понимаешь. Молодежь такая вся приличная, и такие неприятности, вай, – в голосе послышались причитания и какие-то намёки на суровую жизнь.

– Слушай, Ашот, я все понял. Я сам найду. И разберусь по своим законам. Мне Лёня другом был, и я поклялся, что раскручу это дело.

– Бог в помощь, конечно, будь осторожен, Рафик, будь осторожен...

На другом конце провода ещё повздыхали и побряхтели,

а затем отключились.

19.

Без Ларисы не начинали. Странно, она никогда не опаздывает. Все тихо перешептывались, ожидая непонятных вестей. Старая скрипучая дверь подвала отворилась с жалобным стоном, и зашёл Павел Петрович.

– А где же милая Лариса Евгеньевна?

– Нет её, – ответили все хором.

– Жаль. А я зашёл поговорить с вами о вашем письме. Очень занимательное чтение, надо вам сказать. Да-да, что же вы думаете, сначала нас знакомят, потом уже разбираться будут. Рентабельность – вот главное в нашем деле, мы ведь у государства в роли пасынков и падчериц, культура, она сейчас никому не нужна, на кусок хлеба бы заработать. А кто и на масло зарабатывает, тот не спешит куском делиться. Разберутся, разберутся. И с правами человека, и правом на свободу мысли, все как по конституции. А потом можете хоть в организацию объединённых наций писать, демократы. И ваши международные дипломы пригодятся...

– Если бы был жив Лёня, то Вы бы не посмели разговаривать с нами в таком тоне, – прервал его Коля. – Вы просто Джек-потрошитель какой-то – по отношению к культуре.

– Так-так, молодой человек, с вами разговор особый будет. Мне уже написали накладную на ваше недостойное по-

ведение.

– А что такое?

– Не догадываетесь?

– Нет, чист и невинен, – начал дерзить Коля.

– Устроили скандал, понимаешь, и с кем – с вахтером.

– Когда?

– А вы не помните? На прошлой неделе. Жаль, не захватил бумагу.

– Не было этого.

– Что же ты хочешь сказать, что уважаемый пенсионер всё наврал? Да я с ним в партии ещё был.

– На самом деле никакого инцидента не было. Просто он ключ нам не давал от подвала, который вы нам выделили. Пришлось стукнуть кулаком по его столу. Очки свалились с носа, правда.

– Молодой человек, вы не имеете никакого представления о том, как ведут себя люди в приличном обществе! В общем, будем разбираться. Подойдёте ко мне в кабинет, и будем разбираться!

Павел Петрович повернулся на каблуках, которые были необходимым атрибутом у любых из его ботинок, и с возмущением вышел.

20.

– Саша, привет, как жизнь, как здоровье?

Павел Петрович готовил с Александром Евсеевичем совместно фестиваль «Золотые голоса осени». С Александром Евсеевичем он дружил уже давно, со времен студенческой молодости. Вместе начинали и на руководящей работе. Только Павлу Петровичу повезло меньше, это он относил на то, что поехал в далёкий поселок по распределению директором клуба, в то время как Александр Евсеевич сразу остался в городе и планомерно начал работать в администрации. Разными окольными путями он и дослужился до директора театра.

Часто встречаясь на различного рода совещаниях, они обменивались студенческими шуточками, вспоминая то стройотряд, то картошку, в компании любили попеть туристические песни. В общем, это были приятельские и прочные отношения.

– Представляешь, Саша, самодеятельность-то совсем обнаглела. «Джеком-потрошителем» меня называют, говорит, что я не даю развиваться молодёжной культуре. Обвиняют во всех смертных грехах, меня, прогрессивного во всех отношениях. Сколько я Сурковского у себя под крылом терпел, когда он ставил свои дикие спектакли, чуть ли не с ор-

газмами на сцене. А Баскаев – ничем не лучше. Сколько я седых волос получил от его спектакля «Шехерезада»? Думал, что там тысяча и одна ночь – а там была такая ночь, что у начальства волосы дыбом встали.

– Да, – согласился Александр Евсеевич, – сейчас всем нелегко, особенно с этими молодёжными театрами, которые на что-то претендуют, свою ноту хотят внести, а их всего семь, как ни странно. Такое воротят – сам чёрт ногу сломит. Театр Сурковского стал менее скандальным, и то спасибо. А то ведь помнишь, перед городским собранием на клумбу мочился среди бела дня. Все эта эпатажность, желание обратить на себя внимание, брутальность, тьфу ты, модные словечки одни, а надо искусство делать, высокое и незыблемое.

– Не говори. Самое главное – кому всё это нужно, не понимаю.

– Вот именно – и я не понимаю, что они там с этими современными танцами носятся. Они ведь даже не советуются ни с кем. Сколько у нас прекрасных педагогов, ведь все эти и Сурковкий, и Баскаев – все у них учились. Да не поставь они им все по классике, никакие бы их новые техники не помогли. А они даже не вспомнят никогда, кто их на ноги поставил! Практически скаламбурил. Кто танцоров на ноги поставил... Кхе-кхе... Одно меня радует, в пении ничего почти не меняется. Голос, это, друг мой, без настоящего педагога не сделаешь. Кстати, приходи на сольный концерт моей любимой и несравненной Олечки. Такая прелесть эта

девочка, не представляешь.

– Обязательно приду, обязательно.

21.

Павла Петровича определённо начинало лихорадить. Баскаев был не подарок, а его ученики и вовсе *без тормозов*. Что ни день, то новые приключения. Того и гляди, что скоро посыплются неприятности сверху. С письмом в управление культуры удалось как-то уладить, правда, пришлось оправдываться и мямлить. Потому и состряпал Павел Петрович в срочном порядке докладную, а для этого пришлось уговорить вахтера, чтобы ключ сразу не давал. Когда начальство вызвало на ковер, у него была запасная бумажка, посмотрите, мол, какие молодые нахальные, я их попросил немного, всего на месяц, освободить помещение, они шум подняли. А сами себя как ведут, вот посмотрите...

За этими мыслями Павел Петрович не обратил внимания на посетителя. Карие глаза Рафика смотрели жестко, будто просверливая его насквозь.

– Чем обязан? – быстро придя в себя, спросил его Павел Петрович.

– Я друг Баскаева.

– А мне-то что до этого? Вы скоро тут следственное управление откроете, кричать будете на всех поворотах, что душат культуру – а я всех выслушивать должен? Мне некогда, товарищ.

– Вы знаете, уважаемый Павел Петрович, наш город ни большой, ни маленький, но есть определённые люди, которые, занимаясь бизнесом, не хотят отставать от достижений, которых достигла цивилизация за предыдущие тысячелетия, и, как бы это ни показалось банальным и наивным...

– Молодой человек, нельзя ли короче. Краткость, как известно, сестра.

– В общем, Ваше поведение не нравится этим самым людям. Оставьте в покое «Мембрану».

– Я бы сам хотел, чтобы они меня оставили в покое! Но у меня сложилось совершенно противоположное мнение, если мы говорим о людях, которые заинтересованы в тех самых достижениях... Очень жаль, но я, наоборот, стараюсь изо всех сил помочь ребятам...

22.

На просёлочных дорогах стали появляться машины, гружённые морковкой и капустой, верными признаками приближающегося октября. На обочине дороги сидела молодая женщина в поношенной куртке желтого цвета. Короткие волосы торчали из-под вязаной шапочки. Проезжающая мимо милицейская машина подобрала её и отвезла в ближайшее отделение милиции. Молодой безусый сержант пытался её допросить, но странная гражданка совершенно не помнила своего имени. Может, прикидывается, подумал сержант, но на всякий случай сделал запрос в город, проверить по карте. *Бомжиха*, наверное. Одежда и вправду поношенная, но руки нормальные, он обратил внимание на ухоженные ногти, когда неизвестная ставила крестик вместо подписи. Это чёрт знает что такое, вздохнул сержант, но ругаться не стал, а позвонил своей сестре, работающей в районной больнице.

– Амнезия, наверное, потеря памяти, – объяснила сестра. – Попробуй по телевизору фотографию показать, вдруг кто опознает.

– Кто сейчас милицейские новости смотрит.

– Смотрят, смотрят. Положи её пока к нам, вдруг она вспоминать начнет.

23.

В подвале давно уже не шли репетиции. Сегодня Колю вывело из себя появление Жени.

– А тебе что здесь нужно?

– Не кипятись. Я пришёл узнать, что у вас тут.

– Сам видишь. Выкидывают. Лариса потерялась.

– Плохи дела. А письмо написали?

– Написали. Только ответов пока ноль.

– Что вы ждете-то, вот идиоты. С нашей-то бюрократией! – Женья всё распался, но Коля всё менее и менее ему верил. Странно, он говорил точно так же, как он сам какое-то время назад, но все эти правильные фразы казались Коле какими-то неискренними – Судиться нужно с этим Павлом Петровичем! Всех привлечь! Написать письмо губернатору! Написать письмо президенту!

– Точно, точно, – слышались одобрительные голоса.

«Какие мы все наивные, просто жуть», – подумал Коля, – «Приходит вот такой Женья, кстати, я так до сих пор не понял за столько лет, чем он занимается. Лозунгами говорит, а мы ушки-то и развесили. Вот недавно Павел Петрович нам лапшу на уши вешал, что, мол, ремонт, ремонт. С тех пор я не видел ни одного строителя. Что-то там быстро покрасили и сейчас якобы ждут денег. А нас не пускают. Заработайте

сами, говорят. А счёт отдельный не открывают. Вы наш коллектив, говорят – а в программу финансирования не включили. Всё замечательно».

Женя уже иссяк с лозунгами и живо интересовался пропажей Ларисы. Голову он склонил набок, как бы внимательно слушая. Неделя прошла, говорите. А что сидите, уже пора все морги обзвонить. Обзванивали – нет нигде. В милицию? В милицию заявляли. Полная тишина.

– Да, полный вакуум. Так как Ларисы нет, я временно исполняю обязанности руководителя, – остановил все возражения Коля, – в общем, все свободны.

Ребята начали расходиться, на лице Жени чувствовалась некоторая неудовлетворенность. Что ты все тут вынюхиваешь, шакал, злобно думал Коля. Брысь. Катя уходить не торопилась. Она закрыла дверь за Женей.

– Я ещё задержусь немного. Мне что-то важное нужно сказать.

– Говори.

– В общем, видела я Ларису на прошлой неделе с этим Женей. Я его не сразу узнала, он такой *попсовый* был. Они ещё подёргались с молодежью под музыку, я к ним подходить не стала, думаю, что Лариску смущать.

– Когда, говоришь, видела?

– Да не помню точно. Ой, больше ведь мы её не видели!

– Вот именно.

Коля подумал про себя, как странно всё устроено, и продолжил мысли вслух:

– А вообще, кто он такой этот Женя? Никто не знает. То ли фотограф, то ли журналист. Он все время тусуется с богемой, какой-то незаметный и серый.

– Где больше наливают, там и он, – захихикала Катя. – Случай вспомнила. В общежитие к девчонкам пришел этот Женя, а они, хохмы ради, раскрасили его по полной программе, да ещё и ногти приклеили, накрасив чёрным лаком. Как раз приходит Сурковский, а Женя был сильно пьян к его приходу. Он кричит Сурковскому: «Эй, лысый!». Тот не реагирует. Глеб вообще не любил панибратства. Потом всё-таки обернулся, а этот придурок показывает ему свои пальцы, шевелит ими так, как девушка с Тверской: «Тебе нравятся мои пальчики?». Как будто уже опустил его. В общем, Сурковский его не любил. Хотел ему по физиономии съездить, но удержали. Это было незадолго до смерти. А Баскаев нормальной ориентации был? Просто они все такие, от них чего угодно ожидать можно.

– Абсолютно нормальной, а мне вот и мальчики, и девочки, и кошечки, и собачки, – прошептал он, залезая под блузку.

– Сюда войти могут, погоди ты, – игриво стала отшучиваться она.

– Кстати, вспомнил один прикол... В общем, ещё когда учились, в общагу к девчонкам ходили. Вернее, Лео учился,

а я так... Решил он над народом подшутить, меня в той компании никто не знал... Взяли меня девочкой нарядили, сапоги тогда ещё модные были – как чулки... Приходим в общежитие, я сижу, весь из себя с покрашенными ресницами... Девчонки спрашивают – это кто, Лёня? А он им отвечает – это моя *герла*. А они – а водку твоя девушка пьёт? Лео говорит – пьёт. А я сижу такой, глазками моргаю и молчу. Что-то сказал, а получилось почти басом. Но водку наливают, я пью, мне весело. А там была девчонка с плохим зрением, у неё оправа у очков в тот вечер сломалась, она все за чистую монету и воспринимала. Сидит, щурится, вокруг все чуть не давятся от смеха, а она ничего понять не может. В общем, потом поползли по институту слухи, что Баскаев снял какую-то вокзальную потаскушку с пропитым голосом, которая водку хлещет почище всякого мужика. Лео снова в общагу пришёл, чтобы реабилитироваться. Наконец до той слепухи дошло, какое шоу она пропустила. Там вообще непонятно было, кто над кем больше смеётся. Девчонка эта и говорит – я сейчас очки новые купила, повторите, пожалуйста, выход на «бис».

Катя во время всего рассказа тонко хихикала, шутливо отбрыкиваясь от Колиных приставаний. В дверь деликатно постучали.

- Сегодня просто приём у французского короля. Войдите!
- Добрый вечер, Коля.
- Привет, Рафик.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Я и вправду чувствую себя сегодня как премьер-министром или, – в воздухе замелькали руки, – а, ладно. Катюшка, не судьба. Беги, моя радость.

– Милая девочка. Так вот, – Рафик проводил взглядом быстро собравшуюся Катю, – У меня есть друг, такой специфический, если ты понимаешь. Я его просил помочь с расследованием. Сначала все шло вроде как хорошо. Заменяли эту несмышлёную девицу, Корсуков мне даже понравился. Умный такой парень. Но вот незадача. Он мне намекнул, что официальная версия – самоубийство. Я своему другу – а он мне – проблемы, милый, у самого.

– А мне всё время звонят и молчат, но иногда раздаётся какой-то дикий женский смех, причем даже немного знакомый, но какой-то неестественный. Пропала Лариса. Видимо, она что-то знала, ведь она была последнее время любовницей Лео.

– Что за народ в вашей компании? У Лёни была задумка о школе «батареек» ... Вдруг это не понравилось Ашоту, поэтому он ничего и не делает... – Рафик как будто размышлял вслух, чуть прикрывая глаза, – Ведь дискотеки и поставка девочек – это его прерогатива. А Лео мог из ничего слепить классную танцовщицу. Наверное, Ашот решил, что Лёня перебивает у него хлеб. Чем ещё мог помешать бедный танцор? Почему какие-то силы так не хотят, чтобы нашли убийцу?

– Да вообще загадки, Рафик. Катюшка видела Ларису в

последний день, перед тем, как она исчезла. В моргах её нет, в больницах нет. Сплошные загадки.

– Да, у нас тобой как совещание перед решающей битвой, – Рафик коротко засмеялся. – Такое впечатление, что должно быть связующее звено, оно под ногами все время где-то. Мы его вдали высматриваем, думаем, что оно, это звено, такое значимое. А оно маленькое, незаметное.

– Значит, нужно найти звено и вырвать его цепочки.

24.

Александр Евсеевич сидел в своем кабинете за утренним чаем. Ничто так не располагало его к приятному расположению духа, как чашка замечательного элитного чая. Удивительная вещь, размышлял он неторопливо, такая малость, а может доставить столько радости. Захотелось ощутить себя английским лордом или, на худой конец, русским старорежимным помещиком. Дверь в кабинет резко открылась, и влетел Женя. Он швырнул на стол газету.

– Простите, что так резко вошел. Полюбуйтесь, что пишут в центральной прессе. Провинция, которая так богата талантами, либо выбрасывает их, либо убивает. Да-да, тут просто обвинительное заключение. На фамилию автора посмотрите – Варнавин. Ничего не напоминает? Начитавшись Кафки, очевидно, писал. Бред просто какой-то. Кстати, и по государственному музыкальному театру прошлись. Замшелое искусство, мёртвый сезон провинциальности. Это про вас. Яркий эксцентричный герой – это про него. Нашли героя. Кстати, Александр Евсеевич, я хотел бы ознакомиться с документиками некоторыми. Ведь у вас работала Оксана Стаценко?

– Конечно, конечно, – засуетился Александр Евсеевич, – я провожу, ой, извиняйте, не успеваю на приём к губернатору,

сейчас позвоню....

25.

Загородный дом Рафика находился в ста километрах от города. Кругом был лес, и это вполне устраивало хозяина. С годами он привык ценить одиночество и вставать под пение птиц. К тому же сюда не так часто наведывалась налоговая инспекция, потому что он предусмотрительно оформил дом на родственника, живущего в Ашхабаде.

Рафик находил свое существование в рыночной экономике вполне сносным, к тому же он мог позволить себе помогать другу, которого всегда ценил. Он даже не мог понять до конца, что более всего ценит в дружбе с Баскаевым – его талант или своё участие в нем. После диалектических размышлений на подобные темы он всегда приходил к выводу, что, скорее всего, и то, и другое. Сегодня он захотел сделать что-то приятное и для любимого детища Баскаева, его театра и артистов. Он решил, что должен дать ребятам возможность выступить у себя в доме.

В большой зале шли приготовления. Даже сделали декорации, хотя все понимали, что «Золото Колакская» – это не завершённый спектакль.

– Спасибо, Рафик, что ты нас понимаешь, – прочувствованно говорил Коля.

– Не стоит благодарностей. Вы так давно не выступали,

мне будет приятно оказать вам такую маленькую услугу, – почти торжественно отвечал Рафик, про себя думая: «чёрт, как же все-таки приторно это звучит».

– Катя будет играть Марину. Вместо Ларисы. Знаешь, ведь она нашлась. Её нашли через два дня на дороге, она ничего не помнила, и вот только последние несколько дней стала вспоминать свое имя, но о том, что с ней произошло, все равно не помнит, и сейчас лежит в больнице.

– Много совпадений. Не буду тебе сейчас ничего говорить, чтобы ты не расстраивался. Думай о спектакле.

Коля надел жёлтые просторные шаровары и прозрачную белую тунику. Веки оттеняли золотые тени с чёрными стрелками. Импровизированный занавес открылся, действие началось. Золотой дождь лился с потолка, переливаясь в свете фонарей. Вместо прожекторов были старомодные фонари, которые освещали сцену тусклым желтоватым цветом. «Танцующие в темноте», подумалось Рафику.

«Что мы, собственно, понимаем в искусстве, если не умеем его творить так, как эти бедные актёры? Мы можем только потреблять. Но можем ли до конца почувствовать дрожание руки или неверный шаг? Вот сейчас Коля перестал нервничать и полностью отдался движению. Для него перестал существовать этот злобный мир, где убивают самых талантливых, где за мечту необходимо бороться ежесекундно. А ведь он счастлив на сцене. И Катя, такая чистая, тонкая, в чёрно-красной тунике. Я должен помочь этим ребятам. Ради те-

бя, Лёня». Он сам не знал, почему обратился с последней фразой к своему другу.

...Катя стирала грим с обессилевшего Коли. Он полулежал на кресле, укрытый полотенцем. Рядом на небольшом диванчике сидел Рафик. Когда они остались одни, Рафик начал быстро говорить:

– Кстати, я тут порылся в прессе, нашел любопытную статью почти годовой давности. А заметка об Оксане Стаценко. Она писала с Глебом совместно либретто ко многим спектаклям. У меня такое ощущение, что она и Лёне подбрасывала идеи. Во всяком случае, Лёня и Глеб иногда мыслили одинаково. Вот сравни спектакли «Упырь» и «Женях». Впрочем, это народный сюжет. Отвлечся, – Рафик говорил короткими, чёткими фразами, словно рубил поленья для печки, – Стаценко убили несколько месяцев спустя, после смерти Глеба Сурковского. Сплошные смерти. Сериал. Корсуков закрыл дело об убийстве. Но он так не думает. Отважный малый. Он помог мне раздобыть сведения об этой Стаценко. Сделали запрос в психиатрическую клинику. И ты знаешь, буквально следом за мной пришел какой-то товарищ и он тоже интересовался этой Стаценко. Девочки сообщили потом. Знаешь, конфетки-цветочки. Так что непонятно, с кем мы тут играем. Товарищ не просто посмотрел истории болезни. Девочек я не стал мучить на тему, на каком основании приходят дяди и читают то, что является врачебной тайной. После прихода этого кадра исчезли её дневники. Был

у них там метод такой – вести дневники. Кстати, диагноз – «вялотекущая шизофрения». Но тут я *камрада* опередил и все откопировал. Вот так-то, Коля, Коля... Колаксай... Не один ли корень?

– Да, один. Означает солнце, – Коля повернулся в кресле на бок и внимательно посмотрел на Рафика.

– Да, Лёня был очень солнечным человеком. Копии этих дневников у меня с собой. Довольно занимательно. Лёня ведь никуда не лез...

– Очевидно, ты его плохо знал, Рафик. Он с нами постоянно говорил о политике.

– О политике? На репетициях – о политике...

– Посмотри на Колаксай. Казалось бы, безобидный малый. Царь-солнце. У славян это Дажьбог, Хорс, в общем, у него много имён. У Таргитая было три сына (тебе это ничего не напоминает?), но только младшему достались золотые дары с неба. Потому что золото каждый раз разгоралось, и братья не могли его взять, как ни старались. Таргитай решил, что так тому и быть, и завещал ему власть, богатство, а также быть воином, охранителем скифской земли, вообще, всего народа, то есть скототов. Это ещё у Геродота описано. Тут нашего Лео понесло неизвестно куда. Его Колаксай дороже золота ценит свободу, любовь, и он готов отдать все богатства мира за то, чтобы у него были крылья этой самой свободы. Он влюбляется в Марину, степную девушку, неизвестно, могли ли раньше девушки свободно передвигаться наравне

с мужчинами. Колаксай хочет любить и буквально светится от собственного счастья. В спектакле часто с неба проливается золотой дождь, если ты заметил. Вокруг него все радостное, сверкающее, и любовь только усиливает это ощущение счастья. Но на самом деле Марина – это Морена. Лео взял и своевольно смешал русские веды с геродотовским мифом. Опять же, потому что Колаксай – это и Хорс, и Дажьбог. Так вот, Морена – богиня смерти. Только она так красива, что в неё влюбляются сразу и навсегда. Колаксай не знает, что это смерть. Он любит, смеется, наслаждается счастьем. А Марина убегает с каким-то то ли кашеем, то ли инородцем. Колаксай бросается в погоню, отец Таргитай уговаривает его остаться, ведь нужно кому-то управлять государством, но Колаксайю жизнь без Марины-Морены не мила. Его не волнуют золотые реки, которые он оставляет, ему нужна любовь. Когда он настигает Марину на берегу какой-то реки, она обращает его в камень. Так что, довольно трагический спектакль. Правда, Таргитай его расколдовывает. И он благополучно влюбляется в какую-то прекрасную девушку-птицу, или Зарю-Зареницу, и улетает на небо. Но смерть – понимаешь, свобода – это смерть.

– Ты сейчас мне это все рассказываешь... И мне становится страшно – вероятнее всего он предвидел, что свобода – это смерть, но его солнечная душа этому сопротивлялась, потому он и выбрал женщину-птицу. Глеб, Оксана, Лёня... Почитай дневники, если что-то в них поймёшь, позво-

ни. И береги себя. Кто много знает, часто плачет. И обязательно доделайте спектакль, возможно, это все то, что хотел нам сказать Лёня, и только вы сможете об этом сказать людям.

26.

Дневник Оксаны Стаценко.

«Я не помню, когда это началось. Кажется, после того, как Глеб перестал скрывать свою сексуальную ориентацию. Тогда было модным обсуждать это во всех журналах. Глеб всегда говорил, что это способствует рекламе.

А началось вот что. Мне начали звонить люди с нечеловеческими голосами. У меня было такое впечатление, что их прогнали через компьютер, правда, я мало знакома с компьютерами, в основном, по кино. Голоса участливо интересовались, какие у меня творческие замыслы с Глебом, о планах на будущее. Они интересовались очень настойчиво. Сначала я просто бросала трубку, но после некоторых разъяснительных бесед со стороны моего тогдашнего работодателя, я поняла, что руководство, мягко говоря, не слишком устраивают мои приработки на стороне. Мне так и сказали, что постмодернизм не есть актуальный вид искусства.

На самом деле, в то время с Глебом я практически не сотрудничала, просто встречались и обсуждали кое-что. В театре, где я в то время служила, мне дали странную должность второго помощника режиссера. Когда начались эти звонки, меня спешно начали готовить к увольнению.

Как раз Глеб завершил чудесный спектакль «Акварели

Парижа», в прессе уже начали пробиваться первые ростки похвальбы и критики, пресса была явно не проинструктирована, что нужно делать – хвалить или критиковать. Как обычно, был приём по случаю премьеры. Когда остались только свои, мы не стеснялись в своих чувствах. Потом я поехала домой, причем абсолютно не помню, как вышла из ресторана и садилась в машину. А проснулась уже в больнице.

Как потом выяснилось, я вернулась с вечеринки среди ночи, громко хлопая всеми железными дверьми, которые у нас были в подъезде, что-то громко кричала, поэтому кто-то вызвал «скорую помощь», потому что я никак не успокаивалась. Я ничего не помню из этого эпизода. С соответствующим диагнозом меня быстро уволили. Перспектива жизни с «жёлтым билетом». Вообще, я поняла, что нужно привлекать к себе как можно меньше внимания.

Не все могут быть лидерами вида альфа.

Возможно, нужно быть аутсайдером, и тогда никто не будет думать, что ты надеешься на смену климатических условий.

Глеб не мог взять меня к себе на работу, он сам ещё был практически в подвешенном состоянии. Я сидела дома, рылась в книгах, журналах, смотрела всю эту политику и мучилась в поисках настоящей идеи. Все казалось мне либо архаичным, либо чересчур обыденным и тривиальным. Иногда заходили друзья, Глеб, Лёня, Макс, последний из моего по-

следнего театра, который был у меня пять лет назад. А звонки не прекращались. Я уже писала, что не отвечала на вопросы, просто кидала трубку. Но после некоторых раздумий всё-таки решила отвечать. Может быть, у них тоже был волшебный манок, который заставил меня задуматься о гармонии мира? Тем более, что мне пообещали, что могут упрятать меня надолго.

Крыса нападает на человека, если голодна, а человек находится на её законной территории. Совсем иначе у людей. Люди могут убивать друг друга просто из спортивного интереса. Но я отвлеклась. Так прошли два года, а потом Глеба убили. Два сосунка признались, что вломились к нему через дверь, подобрав ключ, а он неожиданно вернулся. На суде судья задавал вопрос, почему они перевернули его лицом вниз, они не могли ответить ничего вразумительного.

Меня вызвал участковый психиатр и посоветовал пройти реабилитационный курс. Соседи написали жалобу, что я кричу по ночам и все время говорю про каких-то крыс. Действительно, в нашем подвале развелось много крыс, в конце концов, мы живем не в Индии, где этих тварей почитают за священных животных, за то, что они умеют выживать в любых условиях. Скоро они выживут людей, впрочем, люди для них являются одновременно и врагами, и дающими кров и пищу. Просто я громко возмущалась, почему в нашем доме не проводят дезинфекцию, вот это и не понравилось соседке.

Я её спросила, почему я не имею права голоса, ведь мы

живем на первом этаже, и по ночам я слышу их писк. Она мне ответила, чтобы я не разводила демократию, с демократами мы только обнищали ещё больше, а олигархи по-прежнему живут припеваючи. В общем, я ей про Фому, а она мне про Ерёму.

Замечено, что крысы очень живучи и выживают в любых условиях. Возможно, когда-нибудь люди найдут средство, чтобы контролировать их популяцию, а не констатировать факты того, что они в очередной раз мутировали и стали неуязвимы для яда. Этот дневник служит психотерапевтической цели освобождения моего сознания от негативных воспоминаний».

Выписка из истории болезни.

«Больная поступила со следующими жалобами: постоянные звонки от незнакомых людей с угрозами, голоса имеют металлический оттенок, по высказыванию самой больной. Больная утверждает, что голоса интересовались её литературными занятиями. Сон беспокойный, жалобы соседей, что кричит по ночам, как будто от кого-то отбивается. Первый раз ухудшение наблюдалось два года назад, когда больная была в состоянии алкогольного опьянения, что усиливает галлюцинации. Бригада психиатрической помощи зафиксировала угрозы в адрес воображаемых оппонентов, которая больная называла крысами. При попытке взять её за руки, она вырывалась и кричала, что живой в руки не дастся и её не заставят замолчать таким простым и де-

шёвым способом. После двухмесячного пребывания в стационаре наступила ремиссия, и больная была выписана с диагнозом «вялотекущая шизофрения». Через два года по направлению участкового психиатра была направлена в стационар».

27.

Коля лежал у себя дома, разбирая неровные, написанные крупным почерком, слова из дневника Оксаны. Чего-то не хватало, каких-то, возможно, мелких фактов, за которые можно было бы зацепиться, он чувствовал, что истина где-то рядом. Но её нельзя было пощупать рукой, уловить вибрацию. Нужно было надеяться либо на логику, либо на интуицию.

Но Лео отрицал логику. Чтобы что-то сделать, логика не нужна. Самое интересное, что разным людям он объяснял свою методику по-разному. И каждый мог понять в той форме, которая наиболее приемлема именно для него. Поэтому это всё и осталось только в виде ощущений, которые у каждого были свои.

Чтобы что-то сделать, не нужно придумывать действие или движение. Нужно послушать пространство, если ты умеешь его слушать. Или ощутить, если тебе так легче. Или, закрыв глаза, представить его. «Придумывать движения – это смешно, пусть Сурковский придумывает», – любил он повторять, – «музыку можно превратить в движение», – и тут же показывал, как это нужно делать.

Возможно, и здесь, в обычной жизни, можно превратить мысль в действие, не сильно придумывая это действие. То-

гда действие будет также естественно, как движение в танце, оно сольётся в унисон с окружающим пространством, и превратится в парение птицы. Как легко и просто было бы жить, усмехнулся он сам себе.

28.

Коля вышел на автобусной остановке поселка и направился к родителям Лёни. Его встретила мать, женщина с заплаканным лицом и опущенными плечами.

– Антонина Степановна, мне очень важно, чтобы Вы дали мне какие-нибудь бумаги, ну, понимаете, дневники, стихи...

– Знаешь, каким Лёничка был в детстве? – немолодая женщина, казалось, совсем его не слышит, – Он читал стихи перед гостями, уже в три годика. Я ругалась, а он всё равно читал, и добивался аплодисментов...

– А что он писал в последнее время? Он нам ничего не говорил, – Коля почувствовал, что вел себя бестактно, сразу приступая к делу, и опустил глаза.

– Знаешь, Коленька, вот совсем недавно приходили из прокуратуры и тоже хотели посмотреть бумаги. Пришёл такой приличный молодой человек, помахал каким-то удостоверением, я не разобрала. Душевный такой молодой человек, простое такое лицо русское, сидел вот тут, чай пил, как мы с тобой. А я-то, дура старая, запомняла, куда бумаги дела. Тут похороны были, суета, сунула куда-то и забыла. Он ведь как приедет, так лучшего места, чем чердак и нет для него. Закроется и до ночи свет у него. А с утра уже какие-то прыжки-разминки, ну, мы понимали, он что-то там свое придумал.

мывал, музыку почти не выключал. Так вот, бумаги эти... Я этому пареньку показывала рисунки детские, знаешь, тут и журналисты приезжали, всем интересно, какой он был, и он смотрел, все спрашивал, как ты, что он писал да что он писал. А я что, знаю, вот, бери, все листочки, едва собрала, все по чердаку было разбросано. – женщина протянула папку, перевязанную тесёмкой.

– Если ещё раз этот товарищ придёт, ничего ему не говорите.

– Да как же, он ведь власть. Как же ему-то не сказать, он как раз давеча звонил.

– Вы что, ничего не понимаете? Зачем они за этими папками приходили? Что они тут рыщут, может, его убили за то, что в этих папках?! Я к себе возьму, так безопаснее.

Женщина испуганно вскрикнула и начала креститься.

29.

Коля шёл по Комсомольскому, в обиходе называемом *компросом*, не замечая, что за шиворот ему лился холодный дождь. Как там в песне? «Для них, членистоногих, мы старые хрычи», это про девочек, обычно плавно плывущих по проспекту, как по подиуму. Сейчас девочки-малолетки скрылись, не сезон. У Гостиного двора девчужка в костюме тигра зазывала покупателей в ярко освещённый магазин. Ей хорошо, подумал Коля, у неё есть крыша над головой и кусок хлеба. Она пританцовывала, стоя на возвышающейся тумбе, изображая безудержный оптимизм.

Факты, факты... Нужно сопоставить все факты. Лариса гуляла с Женей по кабакам и после этого исчезла. Глеб столкнулся с Женей, и его убили. Некий товарищ выгреб все документы о Стаценко. Некий паренек ворошит бумаги Лёни Баскаева. Такое впечатление, что *они*, какие-то странные люди с неузнаваемыми лицами, все время соревнуются с Колей – эти неопределённые герои – в том, кто быстрее схватит информацию. В том, что эта информация интересует не только его одного, не оставалась никаких сомнений.

А может, это уже паранойя, как у Оксаны. Но её смерть – вовсе не паранойя. Он вспомнил фильм про нобелевского лауреата, у которого были галлюцинации. Через много лет

он понял, что друг юности существовал только в его воображении.

Оксану убили не в фильме. Задушили и бросили в мусорные баки, стоящие за театром в центре города. А дело до сих пор не раскрыто.

Как-то он встретил её сестру, известную в городе аферистку и обладательницу то ли пяти, то ли шести штампов о замужестве. Она умудрилась в смутные годы перестройки «нагреть» жуликов, заняв у них большие деньги, и по всем законам, должна была давно сидеть, но как-то выкрутилась. Только отдельные кредиторы смогли вернуть свои деньги, которые не остановились бы ни перед чем. Поговаривали, что у неё были влиятельные друзья, которые дали какие-то гарантии. К тому же, её уже почти посадили в камеру предварительного заключения, но она немедленно предоставила справку о беременности.

Сразу после похорон сестры, с кучей носовых платков, в которые постоянно сморкалась, вытаскивая фотографию Оксаны, она действительно производила впечатление убитой горем близкой родственницы.

Коля с ней был мало знаком, как и с Оксаной. Перед его глазами проявилась фотография с похорон, и знакомый силуэт Жени на ней. Олеся так яростно предлагала разделить с ней горе, что ничего не оставалось делать, как смотреть на эти фотографии. Между тем, при жизни сёстры были заклятыми врагами. Кажется, начинал припоминать Ко-

ля, речь шла о какой-то квартире, принадлежавшей Оксане, но явившейся яблоком раздора между двумя женщинами. После смерти Олеся стала жить в этой квартире, что как-то очень смутно навеивало мысль о том, что смерть сестры тоже была ей очень кстати, тем более в тот момент она рассталась с очередным мужем.

Олеся вряд ли что прояснит, потому что насквозь лжива и театрально-бездарна. А Женю – его знают все и не знает никто. Он просто всегда везде присутствует, как декорация, которая почему-то хочет ещё есть.

Надо остановиться, это невозможно. Надо прочесть, что в этой папке. Прямо сейчас. Коля свернул в какой-то бар в подвале и увидел свободный столик. Дрожащими руками стал развязывать тесёмку.

С мокрых волос капало, он откинул их резким движением, достал простую резинку из кармана и с каким-то остервенением сделал хвостик.

Афиши спектаклей, это всё понятно. Приглашения на стажировку... Да, я помню, они пришли в дикий восторг, эти французы... Его сразу пригласили на закрытый фестиваль памяти Айседоры Дункан.

Он тут же придумал зарисовку – шарф Айседоры. Он хотел развеять то ли миф, то ли факт, то ли устоявшуюся версию, что она была задушена собственным шарфом, вернее, сыграть два разных финала. В общем, его радость была такая взрывная, что он нас просто всех перецеловал – пере-

кружил...

Вот фотографии со спектаклей, на которых мы завоевывали первые места...

– Молодой человек, вы что-нибудь заказывать собираетесь?

– Да-да, принесите пока пива, спасибо, – от неожиданности Коля уронил какой-то листок бумаги на пол.

Девушка-официантка постаралась изобразить любезную улыбку, хотя было понятно, что ей неприятен жалкий вид стареющего юноши с мокрыми волосами. Коля поднял листок с пола.

*«Как страшно быть камнем, поросшим забытой травой.
Как страшно стремиться к свободе, зовущейся Смерть.
Но солнце восходит в рассветной тиши заревой,
И птица стремится крылом неизбежно задеть».*

*От взмаха крыла расступается чёрная твердь.
Я больше не камень в блестящей оправе оков.
Легко и воздушно, не страшно теперь умереть,
Отбросив всю брэнность ненужных движений и слов».*

Девушка что-то говорила, но Коля её не слушал. Все сильнее на него накатывало ощущение того, что Лёня *знал* о своей скорой кончине, поэтому стал отдаляться от людей в последнее время. Словно пытался обвить себя вакуумом и подумать обо всем, что с ним было и чем всё закончится.

«Сотни бездарностей пытаются разложить все по полочкам и упорядочить мысли людей, которые занимаются искусством. Но именно хаос может родить гениальность, вспыхнуть яркой звездой. Тогда законы рождаются сами собой. Тот, кто стремится управлять этим процессом, заранее обречен. Кто не стремится, а лишь пытается высечь искру – может вести за собой. Так Данко не нужна была слава – и он её обрел. У Сальери была слава при жизни – но после смерти его имя стало лишь чёрной меткой в веках».

Последние годы были особенно тяжелыми. Из жизни уходили те, с кем когда-то Лёня работал и дружил. Кто-то погиб от наркотиков, кто-то попал в аварию, кто-то умер от тяжелой болезни. Но всегда это было неожиданно, нелепо, что хотелось кричать и плакать от безысходности.

*«На сердце чёрнеют зарубки-даты.
Ещё один, ещё одна...
К могилам слетаются воронята-
И выклёвывают имена.
Не успеть в суете неотложной
Увидеть друга – и он уйдет.
Ты сам у памяти своей заложник...
И ковыль-трава в душе цветет».*

Лёня тяжело это переживал, и нередко они ночь напролёт вспоминали, как ставили первые спектакли, как хорошо было тогда, и как трудно сейчас.

В прошлом году Лёня после многих лет взаимного непонимания пошел на последний спектакль Глеба, очень фило-софский и местами даже затянутый.

«Я будто разговаривал с ним, как хореограф с хореографом», – сказал он после спектакля. «Но ты ведь всегда счита-л, что Сурковский скатился к попсе!» – возразил ему Коля. «Нет, это что-то вне времени и пространства... Я его очень хорошо понимаю... Нет, Глеб не изменил себе».

«Танец, жест – это самое первобытное, самое примитив-ное – и в то же время самое современное и самое совершен-ное средство передачи мысли. Если Бержар считал, что 20 век есть век танца, то 21 век – это век универсального язы-ка, который, возможно, даже не танец – а просто движе-ние в пространстве. Люди перестали понимать друг друга почти как в Вавилоне. Танец – это возврат к тому чудес-ному времени, когда понимание истины приходило на уровне подсознания, интуиции и опыта предыдущих поколений».

Он позвонил Глебу, и они встретились. После этого Ко-ля пытался вывести его на разговор, как прошла встреча. «Возможно, у нас будет совместный проект», был ответ. Что за проект, о чём, пытался выяснить Коля. Но Лёня, обыч-но многословный, бурный, почти никогда никого не слуша-ющий, почему-то объяснял скупо.

Есть две сестры, начал рассказывать он, внезапно преоб-разившись. Одна сестра чёрная, другая сестра белая. Их раз-

лучили в детстве, и они даже не знают, что они сестры. Чёрная сестра – воплощение современной бездуховности. Белая сестра – наоборот – тиха, скромна, невинна. Она видит свою чёрную сестру на дискотеке, и внезапно понимает, что очень любит её. Видишь ли, горячился Лёня, рассказывая это Коле, иногда бывают такие моменты, что Амур вонзает не стрелу – а целое копьё. И ты понимаешь, что все, что потом случится – неизбежно. Эта любовь невозможна, но она случилась. Чёрная и белая сестра сливаются друг с другом и становятся такой силой, что другие люди подчиняются им.

Чёрное и Белое, повторял Лёня, ходя по комнате и жестикулируя, хотя обычно берёт свои движения для сцены, Чёрное и Белое сливаются, и получается Серое. Да, госпожа Серость, которая правит миром. Серость, которая не видна сразу, люди разучились смешивать краски в своем сознании, и уже не видят конечный результат.

А ведь это так легко. Смешаем белую краску с красной – и получим жемчужно-розовую жизнь. Красную смешаем с синей – и получим фиолетовые сумерки. Зачем столько краски, спросишь ты, продолжал Лёня, не обращая ни малейшего внимания на Колю, так и застывшего с открытым ртом, зачем столько краски, но я подозреваю, что именно за этим мне и дали в руки кисть – чтобы я мог показать людям, что получится.

«Мелкие дела, заботы, суета... Вот то, чем люди занимаются денно и нощно. Окружая себя «умной» техникой,

которая в итоге не освобождает время, а занимает его – все для того, чтобы прикрыть ПУСТОТУ. Для чего цивилизация и неукоснительное движение вперед, если люди разучились думать? Думать больше не нужно – есть техника, делающая все по одному нажатию кнопки, есть СМИ, которые решают, какому общественному мнению быть у народа, есть чиновники, которые уж точно знают, что, когда и в какой последовательности ты должен делать. Получается странная ситуация – мы им зачем-то нужны, этим вещам, чиновникам и тем, кто это все якобы «осмысливает». А в итоге, если взглянуть на жизнь, отбросив каждодневные заботы, получается, что кто-то ест, пьет, спит и снова ест, спит, пьет, а кто-то хаотично бьётся об лед, с нулевым результатом. Но если тот, кто бьётся об лед, не будет этого делать, спящий не проснется, жующий не остановится. Творец привлекает к себе внимание не потому, что ему хочется эпатировать публику, а потому, что всегда есть хотя бы один зритель, или читатель, или слушатель, который не может жить как просто насекомое, ему жмут повязки на скрученных крыльях».

Чёрное и Белое – это день и ночь. Когда они соединяются, люди уже не могут сопротивляться, одни видят только Белое, и восхваляют двух сестер, другие видят только чёрное, и просто боятся.

Знаешь, попахивает политикой, заключил Коля. Что ты понимаешь, возмущенно ответил Лёня, художник и полити-

ка – две вещи несовместные. Политика – это низкая субстанция, это грязная возня, это борьба за кусок хлеба. Художник – слугитель чего-то высокого, в конечном счёте – самого Бога. Художник не должен вникать в то, что называется политикой.

«Иногда мне кажется, что власть зла в этом мире неодолима, но я сопротивляюсь этому, пытаюсь что-то сделать, и этого у меня уже никто не отнимет. Возможно, я счастливый человек, потому что судьба ко мне благосклонна, и я могу заниматься тем, что считаю делом своей жизни. Каждый раз я пытаюсь соотнести то, что сделал, с Богом и понять, чего больше – добра или зла в том, что я сотворил».

30.

Последнее время с Корсуковым происходили странные вещи. Неожиданно дело об убийстве Баскаева отобрали. В одно прекрасное утро он разговаривал со свидетельницей по другому делу, неожиданно в комнату ворвались люди и предложили открыть все ящики стола. Как в лучших советских фильмах о нечистых на руку милиционерах, в ящике оказался конверт с какой-то круглой суммой. Тут же завели служебное дело и понизили в звании.

Корсуков понимал, что все эти события как-то связаны, но ему некогда было подумать, потому что сразу же после понижения его снова завалили работой. Дело закрыли за недостатком улик и сдали в архив, все оставалось неясным и туманным.

За такими размышлениями его застал звонок. Странно, подумал Корсуков, практически никто не знает, что я работаю в воскресенье. Голос в трубке был хриплый, мужской, возраст определить практически невозможно.

– Корсуков?

– Да. Мы знакомы?

– Не совсем. Вот и познакомимся. Не желаете?

– Смотря для чего, – этот наглый тон стал Корсукова раздражать с первых же минут разговора.

– Ну, господин Корсуков, – в трубке прозвучало что-то вроде смеха, – вы же человек думающий, мыслящий, ищущий, какой там ещё...

– Нельзя ли более внятно?

– Короче, – уже жёстко сказал голос. – Жду в баре «Лео» в шесть вечера.

– Как любезно. На какую тему будет разговор?

– На тему твоей великолепной карьеры. Да, и позвони Ашоту, он тоже многое может рассказать.

– Ашоту?

– Да-да, вот по этому номеру, – и в трубке быстро продиктовали номер.

Ашот был местный предприниматель, из тех, кто контролирует. Об этом не принято было говорить, но в городе давно не было никаких «крутых разборок» по той простой причине, что все куски пирога давно были разделены. Поэтому Корсуков удивился, ведь отношения бизнес – власть давно были определены. В конце концов, он ничем не рискует, если просто позвонит, а идти на «тихую вечеринку» – это он решит позднее.

– Ашот?

– Кто это?

– Давайте так, мы с Вами лично не знакомы, но мне дали Ваш телефон.

– Я понимаю, дорогой, что дали телефон, но кто?

Ашот был явно недоволен этим телефонным вторжением.

Корсуков пытался что-то объяснить, но разговор все больше походил на перепалку в духе «кто такой, почему я тебе должен верить». В итоге Корсуков просто сказал, что необходимо встретиться, и назвал координаты бара.

31.

Рафик до этого дня никогда не слышал, чтобы Ашот кричал.

– Слушай, это ты ментов на меня навел?

– Во-первых, здравствуй. Во-вторых, о чём идёт речь?

– Слушай, мне не нравится, когда менты набивают мне стрелки!

– Объясни толком.

– Не прикидывайся пай-мальчиком! Я приду, конечно, поговорить, но и ты приходи. Мне кажется, что ты в курсе. Я за тобой заеду в пять. Будь дома.

Ашот бросил трубку, и наступила гулкая тишина. Позвонил Коля.

– Рафик, я боюсь.

– Чего?

– Мне сегодня позвонили и сказали, чтобы я был в одном месте, в баре «Лео».

– Кто позвонил?

– Не знаю. Какая-то женщина, или мужчина, я ничего не понял. Сказали – хочешь узнать о смерти Лео – приходи в бар «Лео», и все поймешь.

– Знаешь, меня тоже туда пригласили. Приезжай ко мне. За нами заедут.

...Рафик и Коля сидели на заднем сиденье машины с то-

нированными стеклами, больно прижатые с двух сторон двумя широкоплечими мужчинами с отсутствием интеллекта на выбритых лицах. Водитель хаотично крутил радиоприемник в поисках ненавязчивой музыки. «Татушек в президенты», – надрывался ведущий передачи, – «Голосуйте за группу «Тату» ногами и телами!». Водитель прибавил звук, из колонок полилось откровение о прекрасном сумасшествии. Небритый потребитель молодежной субкультуры причмокивал и подпевал, не попадая в ноты. По окончании песни снова резко покрутил ручку, и салон наполнили странные слова: «Ко временному бегу равнодушны, не столько беззащитны, сколь смешны, слетались ангелы на шариках воздушных, не потому, что были крыльев лишены...».

– Тьфу ты, романтизм пошел в атаку, – сплюнул водитель, с остервенением заглушив звук.

32.

В баре было тихо и, на первый взгляд, очень спокойно. За столиком уже ждал Корсуков, он был невозмутим, потому что взял с собой группу быстрого реагирования, которая скрылась в подсобных помещениях. Только молодая девушка-официантка нервничала, наливая кофе трясущимися руками. Её мягко предупредили, что может быть опасно, в случае перестрелки необходимо сразу же залечь за укрытием. Она работала в баре всего неделю, и боялась, что после испытательного срока её уволят, поэтому собрала всю свою храбрость и не стала спорить.

На улице скрипнули колеса, и из машины выскочили двое сопровождающих, которые начали выталкивать Рафика и Колю. Коля попросил закурить, и один из охранников сунул ему зажигалку прямо в лицо. Интересно, есть ли здесь туалет, лихорадочно думал Коля, у которого всегда в критических ситуациях начинало крутить живот. Ашот подъехал на следующей машине, и уже медленно вылезал, кряхтя и отдуваясь, будто ему пришлось бежать кросс.

Он посмотрел на Рафика и Колю скользящим взглядом, словно это были какие-то неживые манекены, охранники открыли ему дверь, и он вступил в темное чрево бара. Коля бросил недокуренную сигарету и вместе с Рафиком последо-

вал за ним.

– Мне надоели угрозы в мой адрес, – неожиданно взвился Коля, обращаясь к Ашоту. – Подозреваю, что это дело рук ваших людей.

Рафик пытался его одёрнуть, но Коля уже был как заведённый.

– Почему ты все время нюхаешь воздух, дело ведь закрыто, – Ашот не обратил на Колю никакого внимания, и сразу стал обращаться к Корсукову. – Постоянно устраиваешь облавы на дискотеках, молодежь уже стала обходить наши клубы стороной. Это плохо, молодой человек, мы так с тобой не договаривались.

– Это входит в мои обязанности – смотреть за порядком, – спокойно ответил Корсуков. – Кроме того, пресекать наркоторговлю. Разумеется, у нас есть осведомители. Но, вообще говоря, это не то, чем я занимаюсь. Я занимаюсь убийствами.

– Но эти облавы участились после последних событий, – произнес медленно Ашот.

– Но человека из той компании, которая якобы напоила Баскаева, до сих пор не нашли. В лёгких погибшего не было воды, значит, его убили раньше, чем бросили в воду. Кроме того, он явно не собирался пить с кем-то. Во-первых, он уже пил с Рафиком, во-вторых, его ждали родители, в-третьих, он вышел просто в калошах подышать воздухом. В машине нашли его окровавленную рубашку, но к вещественным доказательствам присовокупить почему-то забыли. Мне вооб-

ще-то наплевать, кто и зачем его убил, но как мне только дали это дело, стали сначала давить, что быстрее-быстрее, давай-давай, потом, наоборот, закрывай, и так постоянно. Не пора ли уже понять, кто за кого? – Корсуков посмотрел на Ашота, чувствуя, что все его самообладание куда-то улетучивается.

За стойкой бара молоденькая девочка протерла бокал и поставила рядом с другими, отчего тот жалобно звякнул.

– Кто его убрал? – Рафику надоело сидеть так, будто его здесь нет.

Из подсобки выглянула какая-то физиономия, но на неё никто не обратил внимания. Девочка резко скрылась за стойкой.

– Спокойно, спокойно, – сказал Ашот, пытаясь успокоить своих охранников, – Давай поговорим, дорогой.

– Руки на стол, тогда поговорим, – ответил Корсуков. – Честно говоря, мне вообще эта игра в кошки-мышки надоела. И совсем не хочется участвовать в ваших «разборках».

Ашот обвел взглядом присутствующих и кивнул своим людям, чтобы они успокоились. Равны силы или не равны? Сколько у этого красноперого в темных углах подсобного помещения? Эх, как-то совсем по-дурацки он вляпался. И где этот, который их *крышует*? Он вообще говорил – приезжай, потолковать нужно. Вообще-то, с ним раньше он дело не имел, но пару месяцев назад позвонили надёжные люди и посоветовали прислушиваться к этому товарищу. Товарища

он ещё в глаза не видел, но после внезапного звонка Корсукова он ему перезвонил и успокоил, что все идет как нужно, и вообще, необходимо «обозначить наше отношение к участвовавшим проверкам». Слово «наше» было выделено телефонным собеседником с особой значительностью.

А сейчас он сидит, словно подросток, а на него уже смотрят пушки этих ленивых молодцов, которые, казалось, настолько верят в свои силы, что даже не пытаются перехватить действия его охраны. Да, плохо дело, дорогой, пожалел себя Ашот. И эти не помогут, посмотрел он на дергающегося Колю и сохраняющего спокойствие Рафика.

– Стойте! – Коля вертелся на стуле, понимая, что теперь ему до туалета не добежать.

Он сидел между Корсуковым и Рафиком, который его периодически одергивал

Внезапно он вытащил из кармана какой-то предмет, хищно поблескивающий в сумерках бара, и быстро нацепил этот предмет, оказавшийся кольцом, на палец Корсукову.

– Что это?!

– Это кольцо от гранаты.

– Зачем это? – Корсуков был сбит с толку, но ошибиться он не мог – это было действительно кольцо от гранаты.

Если так, то в скором времени здесь прогремит взрыв.

Вслед за кольцом Коля вытащил из кармана гранату и показал присутствующим. Это сумасшедший, подумал Корсуков, лихорадочно думая, что делать. С другой стороны, ему

почему-то это показалось забавным – какой-то почти мальчишка пытается действовать, как крутой ковбой. Сейчас граната взорвется, и все кончится. Почему-то ему стало хорошо от этой простой мысли – жизнь лопнет, будто воздушный шарик, висящий под потолком... Почему-то в одну минуту вспомнилось детство с его беззаботностью и счастьем. Да, в детстве его родители охраняли его от грязи жизни, из-за чего на первый курс юрфака он пришел с такими идеалистическими представлениями о жизни, что любой сокурсник не лишал себя удовольствия над ним пошутить. Он помнит, что первый раз в морге ему подносили смоченную нашатырным спиртом ватку, и девушка, в которую он тогда был влюблен, сочувственно вытирала холодный пот с его лба...

Чёрт, нужно что-то решать... Если одним рывком откинуть этого мальчишку к стенке, то будет два трупа. А ты герой, усмехнулся он про себя, погибаешь как солдат во время войны. Некролог в областной газете, звание героя посмертно и возвращение погон... М-да... Что за бред, нужно собраться, а не развивать совершенно сюрреалистические мысли. Возбужденный голос Коли вывел его из странной оцепенелости:

– Давайте, выкладывайте, кто убил Лео, иначе я тут все разнесу.

– Постой, мальчик, все было совсем не так, как ты себе представляешь, исполнитель давно уже в могиле... – Ашот, казалось, с трудом подбирал слова, стараясь говорить быстро.

– За что?

– Э... спросил. Это у заказчика спрашивай.

– Кто заказчик?

– Нам не докладывают. Кидай гранату в окно!

– Сейчас кину. Зачем нас сюда позвали?

В голове у Корсукова мелькнула мысль, что, подай он сейчас знак, и в тихом баре с романтическим названием начнется бешеная перестрелка, когда уже не разбирают правых и виноватых. Одно маленькое движение, шорох, дуновение ветра – и тяжелая тишина, свисающая с потолка, как свинцовая туча, обвалится. И все-таки поза этого мальчишки была комичной. Корсуков машинально вертел кольцо в руках.

– Бросай! – твердым голосом крикнул Корсуков.

– Не брошу! – огрызнулся Коля.

– Ладно, давайте разберемся, как взрослые люди, только сначала ты кинешь гранату в окно.

– Сначала имя.

– Нам не говорят имен, мальчик, в общем, мы выполнили приказ – заговорил Ашот, по лбу которого стекали крупные капли пота, – Мы сами хотим его найти.

Коля бросил гранату в окно. Все машинально бросились на пол. Осколки разбивающегося стекла фейерверком разлетелись в разные стороны, мелкой крошкой засыпаясь за воротник. Взрыва не было. Коля, в отличие от других, на пол не лег, а стоял как соляной столб. Постепенно его тело затряслось мелкой дрожью от разгорающегося приступа смеха. Все

неуклюже стали подниматься с пола.

– Я все понял! – Ашот поднимался с пола, предупредительно подняв руки. – Ко мне приходил человек, – продолжил Ашот, доставая платок из кармана и вытирая пот, – сказал, что нужно убрать человека.

– Сколько он заплатил? – спросили хором Рафик и Коля.

– Нисколько. Эти люди обычно не платят. Их плата в другом – в нашем спокойствии. Только здесь вышло совсем наоборот. Я несу убытки, вот из-за них, – он кивнул на Корсукова.

– Надо ещё посмотреть, чьих убытков больше. Я сам как между молотом и наковальней. То открываю дело, то закрываю. Начальство все время теребит за усы. К тому же, мне ясно дали понять, кто виновник всей этой свистопляски – вот он, – Корсуков кивнул в сторону Ашота.

– Все понятно, вас просто натравили друг на друга, и сейчас этот кто-то уверенно потирает руки, зная, что вы можете друг друга перестрелять, а заодно и нас, как слишком много сующих нос в чужие дела, – резюмировал Рафик, – осталось понять одно – где этот кто-то и как его найти.

– Думаю, что мы это сделаем в ближайшее время, – ответил Ашот, хотя особой уверенности у него в данный момент не было. Опыт подсказывал, что неудавшийся инцидент давно известен невидимому «режиссеру».

– А вам на всякий случай советую не высовываться. И уезжать из города. Пересидите где-нибудь на даче. Я дам охра-

ну, – обратился Корсуков к Рафику.

33.

В театре у Сурковского давали премьеру. Приглашение у Коли лежало давно, и он решил встать с дивана и пойти. В антракте он встретил старую знакомую, и обрадовался, что можно поговорить с человеком и отвлечься от того навязчивого состояния, которое затягивало его словно петлей. Он весело болтал, сам не понимая, почему ему так весело и легко, и тут он заметил знакомую фигуру Жени, входящего в зал.

Разговор оборвался на полуслове, он бросил свою собеседницу и побежал туда, расталкивая людей. Как назло, прозвенел звонок и свет погас. Стоп, сказал он себе, никуда этот Женя не денется, все равно я его догоню. Он рассеянно смотрел на сцену, оглядываясь назад, пытаясь отыскать в темноте зала знакомое лицо. Вот сейчас, вот сейчас все закончится...

Молодой солист предлагал зрителям подняться на сцену и танцевать. К своему удивлению, Коля увидел, как Женя выходит вместе с остальными зрителями и улыбается Коле. Женю окружали молодые девочки, которые радостно извивались вокруг него, сверху сыпалось конфетти, по залу летали воздушные шары, все кипело молодостью, радостью и весельем. Коля вышел в проход, и стал медленно приближаться к сцене. Он не заметил, что одновременно с ним из зала под-

нялось несколько молодых людей, которые контролировали каждый его шаг. Только Женя быстро оценил ситуацию, резко дёрнулся и побежал куда-то за кулисы. Коля вспрыгнул на сцену, но веселящиеся люди мешали ему, будто нарочно задерживая его движение, потом он запутался в какой-то ткани и выругался про себя. Оперативники расталкивали танцующих, из-за чего на сцене произошла самая настоящая свалка.

Коля все-таки прорвался за кулисы, с удивлением ощущая знакомый и родной запах театра и удивляясь нереальности происходящего. Он бежал по коридору, толкая поочередно все двери. В конце коридора мирно сидела вахтёрша и вязала носок. Сбивчиво говоря, он пытался выяснить, не видела ли она кого-нибудь, кто пробежал по коридору. Но вахтёрша взглянула на него из-под своих очков, которые выглядели как пенсне, и с некоторым презрением ответила, что ничего не видела, чего она, впрочем, и не обязана делать – контролировать, кто ходит по коридору, а кто нет...

На выходе из театра стояли оперативники и тихо переговаривались, курая и сплёвывая от досады. Они посмотрели на вышедшего Колю, и один из них быстро набрал номер на мобильном телефоне.

– Да... упустили. Да нет, этот живой. Понял... Отбой.

34.

*«Мы – птицы, сложившие крылья.
Мы – слепки умершего танца.
Манил нас солнечный Ирий,
Но мы предпочли остаться.
И связан веревкой земною
Надорванный голос бессилья.
О Боже! Останься со мною.
О Боже! Как слаб и плаксив я,
Сложивший оружие-крылья,
Поддавшись безумству слепому...
Лицо белой тканью закрыли...
И ангелы вздрогнули, вспомнив,
Мое оперенье из снега
На матово-розовой коже...
Лишь ветер, задыхаясь от бега,
Срывает шляпы с прохожих».*

...Он написал это, когда убили Сурковского, думал Лёня, бредя по усталому городу. Незадолго до этого Сурковский вышел на сцену практически голым, со сложенными ангельскими крыльями за спиной. В первом ряду сидела председатель местного комитета по культуре, дама лет сорока, с правильными жизненными установками. При виде переливаю-

щегося под светом прожекторов голого тела ей стало плохо, и она встала и неуклюже попятилась. Сидящие сзади приглашённые по «халявным» билетам товарищи предпочли не шикать. Наутро в кулуарах обсуждали низкий моральный облик Сурковского и высокую нравственную чистоту председательши.

Почему он опять это вспоминает... Долго ли мне мучиться, Боже, чтобы тоска оставила меня? Лео часто обращался к Богу. Он говорил, что только тот, кто *там* за нами наблюдает, может помочь соединить всё. Что-то витает в воздухе, говорил Лео, как будто внюхиваясь и напрягая слух. Моя задача – уловить это, преломить через призму танца. Художник должен не отражать жизнь, а творить свой мир, повторял он фразу Цветаевой. И в этом он соперничает с Богом. Если Бог одобрит, то даст силы. Если нет – то поведет к разрушению.

«Знаешь, что самое странное и страшное?» – они сидели глубоко за полночь на кухне у Коли, уже выпив пару бутылок водки. Но взгляд Лео был, скорее, не затуманенным, как это обычно бывает у пьяных, а какой-то безумный. «Самое страшное – осознавать, что если ты просил у Бога помощи в каком-то деле, а я сейчас говорю о том, что самое главное – творчество, то потом нельзя отступать. Понимаешь, ни в коем случае не отступать! Это уже становится не навязчивой идеей, нет... Это становится... бременем, долгом, чем угодно – но пока ты не сделаешь того, что ты должен сделать, это будет висеть над тобой, словно дамоклов меч... Когда совер-

шишь – получишь успокоение и одновременно дикое желание забыть про всё это... Вот почему я ставлю спектакль и редко его повторяю. Я словно убегаю от пережитого, потому что выкладываю все свои силы, чтобы оправдать надежду того, кто дает силы... Возможно, ты сочтёшь это бредом. Но это так».

35.

– Да ты просто идиот!

Рафик возбужденно ходил по комнате. Коля пришел к нему и рассказал про случай в театре. Коля хотел его поймать – по мнению Рафика это было просто верхом глупости.

– Ты знаешь, с кем ты имеешь дело? Это профессионал! А ты кто? Думаешь, тут пройдет такой же номер с учебной гранатой, я до сих пор смеюсь, как вспомню, про этот спектакль. Кстати, где ты её достал?

– Где-где... В институте разбил витрину, где все эти штуки лежат.

– Да ты пойми, если тебя в баре не убили – так это просто случайность, этот Женя на то и рассчитывал, что мы не будем там разговоры разговаривать, а просто перещёлкаем друг дружку. Вспомнил... У Пелевина, разборка так замечательно описана. Рыбка плавала в аквариуме, а потом все разнесли вдребезги. И она трепыхалась у героя на коленях... В общем, от тебя даже мокрого места не осталось бы, уж не знаю, что тут сыграло положительную роль – может быть, даже твоя дурацкая выходка. Но дуракам дважды не везёт, пойми. Тебе Корсуков что сказал – сиди дома и носа не высовывай. В общем, так. Уезжаем ко мне на дачу. Твой телефон Женя знает, адрес тоже. Корсуков нам даёт охрану. Ему

гораздо проще нас в одном месте держать. Они сами его найдут, понимаешь?

– Что ты на меня кричишь. Если бы он хотел меня грохнуть – он бы давно это сделал.

– Да он просто резвится! Забавляется! Давай, не разговаривай, сейчас приедут люди и уезжаем.

– Прямо вот так?

– А как иначе. Матери скажи, что просто у тебя гастролы... В общем, что-нибудь придумай. Да не волнуйся так, будешь ей звонить, мы ведь не в тайгу уезжаем. Просто там безопаснее. Неизвестно, сколько у Жени помощников.

– Ладно, давай завтра поедем, вечером...

– Что с тобой делать! Ладно, давай завтра. Только умоляю, никуда не впутывайся, иди домой, жди звонка!

36.

Коля шёл какими-то незнакомыми улицами, не узнавая их. Может быть, я просто это видел очень давно, и поэтому не могу вспомнить? Навстречу ему шел Макс, когда-то он помогал им с подбором музыки, снимал спектакль на видео. Они улыбались друг другу, а в голове у Коли неотступно за-вертелась мысль, как спросить его про Оксану Стаценко.

– Слушай, Олеся Стаценко собирает людей. Друзей Оксаны. Ты ведь её знал?

– Довольно плохо, немного.

– Вот тебе адрес, приходи.

В квартире у Олеси стояла духота. Самой хозяйки не было, дверь открыл какой-то парень в объёмной «толстовке» и джинсах с вытянутыми коленками.

Коля протиснулся в узкий коридор, казавшийся ещё более тесным из-за высокого потолка, снял обувь и куртку. В лицо ударил запах недавнего ремонта и книжной пыли. Вдоль стены тянулся сплошной стеллаж с книгами, и Коля понял, что это книги Оксаны. Не Олеся же их читает. В её чудной головке вряд ли уместится хоть одна бессмертная строчка из Шекспира.

Из приоткрытой двери доносились возбуждённые голоса, кто-то настраивал гитару, в общем, все походило на обыч-

ную вечеринку, если не считать того, что человека, который был для этих людей если не учителем, то, по крайней мере, очень значимым, наблюдал за присутствующими из чёрного траурного овала.

– Коля, проходи, – Макс подвинул стул, – вот тебе рюмка.

Сидевшая справа незнакомая девица неохотно подвинулась, смерив Колю полупрезрительным взглядом. Или мне это уже кажется, мельком подумал он, садясь на жесткий стул, почти у самого окна. Разговор, который до этого был таким оживленным, на минуту затих.

– Кто знает, нашли убийц или нет? – спросила невзрачная девушка, сидевшая на диване в углу.

– Да никто ничего не знает, – ответил Макс, – У меня дядька в областном УВД работает – всё чисто, никаких улик, никто ничего не видел. Практически середь бела дня в центре города убивают человека – и никаких следов.

– Как такое может случиться? – спросил Коля.

– Знаешь, там старые здания стоят, образуя коридор, причем здания много раз достраивали, пристраивали, поэтому коридор получился зигзагообразный, если стоишь на одном конце, то другого конца не увидишь. На первом этаже шел ремонт, но в тот день – это была суббота – никто не работал. Наверху офисы. Опять никого. Ближайший жилой дом метрах в 50 стоит. Там поутру в субботу никто не выглядывает. Ну вот, раз здания административные, в рабочие дни по этому коридору постоянно машины ездят, потому что им удоб-

нее с чёрного хода подъезжать, там и площадка есть, для тех, кто работает. Последний отрезок – там гаражи стоят, воротами на дорогу. А средний участок – сплошные стены с двух сторон. Вот туда взяли и поставили эти мусорные бачки. Где её и нашли. Она часто ходила именно здесь, короткой дорогой к театру. Если географически – то практически под носом у местной администрации.

– Так это нужно караулить было специально. И в рабочие дни, – вслух размышлял Коля.

– В том то и дело, на этом «глухом» участке не укрыться, если только сверху постоянно наблюдать. Это получается, как в детективах.

– Можно и не сверху, а машину поставить где-нибудь поблизости, – вмешалась девушка с дивана.

– Вот, и это самое главное. Дядька мой про это и говорил. В том доме, рядышком который, да и не дом почти, барак, можно сказать, живут старики да пьяницы. А один старичок довольно сметливый. Хотя ему и восемьдесят лет. Крепкий такой старичок...

– Не тyani, Макс! – почти хором сказали несколько человек.

– В общем, дедулька последние дни перед этим событием видел машину. Ну, мусорщики и мусорщики. Но больно уж долго они этот мусор грузили. Поставят машину в начале этого «коридора» и стоят, будто ждут кого-то.

– Ну и что с того? – пытаюсь зацепиться за мысль, снова

спросил Коля.

– Вот так если посмотреть – ничего особенного. Машина и машина. Он к ним как-то подошёл, спрашивал, что, мол, так долго стоите, проход загораживаете. А мусорщики очень культурные оказались. Не матерились, как водится. Просто дедушке сказали, чтобы шёл своей дорогой.

– Слушай, а ты не сам это все насочинял? Или дядька твой. И вообще, он-то откуда знает? – спросил чей-то недоверчивый голос.

– А знает он потому, что сам эти показания читал. Дядька у меня когда-то сам *следаком* работал, и ему интересно было материала *глухаря* посмотреть. Да только закрыто дело, сами знаете. А дедушку того расселили и где-то квартиру дали, в отдалённом районе. Хотел он к нему съездить, ещё раз спросить, стал наводить справки, а бабушка-то и умер.

– Слушай, сейчас, по прошествии года, всё что угодно можно придумать, – резюмировала девица из угла, – Я вот слышала совсем другую версию. Что убили Оксану совсем не в этом переулке. И что была она без пальто и сапог, в одном свитере и брюках. А отсюда следует, что убить её могли совсем в другом месте, причём где-нибудь в квартире, например. Почему она была раздета, не скажешь? Дело было глубокой осенью, и без пальто долго не погуляешь. Вот и следует, что она была или дома, или в гостях, но кому-то было нужно, чтобы её тело нашли именно здесь, в центре города, недалеко от того места, где она работала. Чтобы все повери-

ли, что это было так, как ты сейчас нам и рассказывал. В итоге ни свидетелей, ни убийц.

Из коридора послышался характерный звук проворачивающегося ключа.

– Опять она дверь открыть не может!

Парень в толстовке шаркающей походкой вышел в коридор. Теперь Коля услышал шуршание куртки, низкий голос Олеси и шёпот, принадлежавший ещё кому-то, кто пришел с ней. Когда она зашла в комнату, разговоры затихли. Её невидимый спутник сразу прошел на кухню, быстро заглянув в комнату и поздоровавшись с присутствующими. Коле был виден только срез затылка, гладко выбритого и неестественно-розового.

Голос, голос... Я слышал этот голос, понял Коля, чуть не подскочив на месте. Олеся между тем взяла на себя роль гостеприимной хозяйки и всем предлагала положить чего-нибудь на тарелку, улыбаясь при этом какой-то своей, особенно вымученной улыбкой несостоявшейся мальвины. Коля лихорадочно жевал колбасу, не чувствуя ни её запаха, ни вкуса.

Он там, где-то в глубинах этой квартиры, ещё не подозревающий, что ловушка скоро захлопнется. Иногда у Коли мелькала мысль, что он слишком уверен в том, что сможет поймать этого человека. Но челюсти как будто перемалывали все сомнения.

Все вокруг, казалось, было совсем в другом измерении. Где-то он это читал... Время – для каждого – течёт по-раз-

ному. Кажется, у того, кто хочет быть неуязвим, оно должно развернуться и течь вспять. Тогда ты сможешь предупредить все удары противника. . . Когда он читал эти неимоверно толстые книги про Шрайка, он не предполагал, что когда-нибудь испытает это на себе. Именно люди вокруг что-то делают, жуют, разговаривают, ходят, ты даже можешь отвечать на их вопросы, только для тебя это все абсолютно неважно. Ты сидишь и чувствуешь, что с каждым ударом сердца время то растягивается, то убыстряется, в зависимости от твоего желания. Поэтому это похоже на аритмию – но ты не чувствуешь дискомфорта. Ты владеешь этой игрушкой и можешь ею управлять.

Сейчас Женя сидит на кухне или, чего доброго, в туалете, но он уже в квартире, и даже если попытается улизнуть, Коля все равно сожмет время своей мыслью и успеет его догнать.

Продолжая пребывать в таком странном эйфорическом состоянии, Коля постепенно пьянел, сам не замечая этого. При всех этих манипуляциях со временем, пора бы этому завсегдатаю богемных тусовок появиться, подумал он.

– Э... пардон, мадам, мне нужно выйти...

Девушка справа встала, чтобы его выпустить, встряхнув юбочкой-колокольчиком. Мне не до твоих ножек, хотя они довольно миленькие, подумал Коля, протискиваясь к ней лицом, нацепив дежурную улыбку. Она покраснела.

В коридоре он чуть было не побежал, но, вспомнив свое недавнее состояние, усмехнулся. В коридоре было темно, и

он шел почти на ощупь. Ему казалось, что он идёт уже не менее пятнадцати минут, когда на повороте, ведущем в кухню, освещаемом слабой полоской света, он столкнулся с Женей.

– Не меня ли ты ищешь?

– Наверное, тебя. Ты мне многое должен рассказать.

– Хочешь поговорить?

Женя грубо схватил Колю за ворот свитера и стал увлекать его за собой на кухню. На кухне он прижал его к стене и перехватил рукой горло. Другой рукой он защёлкнул дверь на шпингалет.

– Надеюсь, тебе нравится?

Лицо Жени было так близко, что Коле захотелось в него плюнуть.

– Не торопись, Иванушка-дурачок, я тебе ещё пригожусь.

– Гад! Сволочь!

– Ты ведь хотел поговорить! Ну, мальчик, не рыдай так, я умру от жалости. Что ты хотел знать?

– Ты сам знаешь. Иначе бы ты за мной не охотился.

– Постой, это ты за мной охотишься. Даже смешно. Ты пойми – это смешно!

Женя рассмеялся, не разжимая губ, только растянув их узкими полосками. Коля почувствовал, что рука, державшая его за горло, ослабла. Он попытался ударить ниже колена, но Женя перехватил его.

– Э, так не пойдет. Ладно, уговорил. Я тебе расскажу всю историю, от начала до конца.

В дверь постучали.

– Эй, вы, что закрылись, дайте людям покурить!

– На лестничной клетке курите!

– Олеся, че они там закрылись, голубые, что ли? – раздались возмущённые голоса, прерываемые хихиканьем.

В животе у Коли неприятно зажурчало.

– Ну что, дрожишь, мальчонка? В общем, скажу тебе так – не там ищешь. Если бы ты раскинул свои куриные мозги, ты бы понял, что к чему. Кому ты веришь-то? Ашоту, что ли? Ты посмотри на него. И подумай. У него совершенно конкретный бизнес, бары-дискотеки, и девочки-стриптизёрши. А тут ваш Баскаев со своим пониманием профессионального танца. Из любой неумехи сделает звезду. Это же смешно. Но и опасно. Подумай на досуге, кому это выгодно. Может, вашей Ларисе? А что, Баскаев раскрутил, помещение выбил, на фестивалях засветился. Кто бы вас выслушивал, если бы не он?

– Ты просто хочешь меня с ними со всеми сравнить! Ты мне только скажи – за что?!

– Я тебе в сотый раз объясняю, – Женя взял тон, как у воспитательницы из детского сада, – я к этому не имею никакого отношения, потому что вообще с ним не общался...

– А Сурковский?

– А что Сурковский?

– А Сурковского – за что?

– Слушай, я ведь не справочная служба, ты меня обвиня-

ешь, я чист, я невинен, люди!

Женя отпустил руку и схватил нож. Он толкнул Колю плечом, отбросив его от двери. Нож в руке задрожал. Наверное, он решил меня зарезать, думал Коля, не сводя глаз с кухонного ножа, играющего в Жениных руках. Взгляд его был совершенно обезумевшим. Со стороны коридора стучать перестали, и шум снова переместился в комнату. Сердце бешено стучало, с каждым толчком сотрясая все тело. Это тебе не игрушечная граната, застряло у Коли в голове, это уже «прощайте, скалистые горы». Ветер с шумом ворвался в плохо закрытую форточку, она хлопнула и завибрировала. Рука у Жени перестала дрожать, он перехватил рукоятку и замер. Сейчас он на меня кинется, через секунду-другую...

Женя размахнулся и резким движением прочертил линию по тыльной стороне своей руки. Тонкая ткань разъехалась и стала намочать. Колю охватили оцепенение, какая-то вялость и апатия. Женя со своей холодной улыбкой продолжал полосовать методично свои руки. Потом он стал нервно хихикать, и, наконец, хохотать. За дверью снова собралась публика, уже достаточно настойчиво пытавшаяся открыть дверь. В конце концов, дверь поддалась и с треском распахнулась. Мысль у Коли вернулась в прежнее состояние, и он почти побежал, расталкивая охающих девиц. Олеся стояла в коридоре, помогла ему найти свою куртку и ботинки, наградив его сочувствующим взглядом.

Только на улице, пробежал квартал, он остановился и

огляделся по сторонам.

37.

– Принесли газеты.

Рафик понимал, что скрываться на даче от мифического Жени – глупо, смешно, нелепо. Но Корсуков жестко предупредил, чтобы они не высывались. И потекли мучительные дни ожидания. Для Рафика такое времяпрепровождение, по меньшей мере, было странным.

Он привык быть в гуще событий, тем более, с приближением нового года ситуация становилась все более смутной и неопределённой.

В России так всегда – не знаешь, чего ждать от ёлочной суеты. Предвыборная истерия, которая выливается на головы избирателей со страниц газет и телевизионных экранов, планомерно подводит к тому, что поставить «галочку» напротив нужного кандидата есть чуть ли не главное дело жизни. Вся эта чехарда интересовала Рафика с сугубо коммерческой точки зрения.

Даст ли новая власть жить, или снова начнут искать «законные» пути *зачистки рядов* строителей капитализма? Ему, с его маленьким сектором рыночной экономики, бояться было нечего, но быть в курсе событий, вовремя уловить за смутными обещаниями настоящий смысл – было просто первой обязанностью.

Так и проходили их дни пребывания на даче с Колей. Внизу, в вестибюле, сидели люди Корсукова, которым, по мнению Рафика, даже нравилась такая «ненапряжная» жизнь.

Два молоденьких лейтенанта в глубине души считали верхом глупости охранять этих двух совершенно не похожих друг на друга людей. Рафика они уважали, потому что чувствовали за ним силу, прекрасно сознавая, за чей счёт они здесь живут.

Неврастеничный Коля вызывал в их душах чувство иронии. По их мнению, это был бесполезный для общества человек.

Если Рафик, закованный в рамки вынужденного безделья, продолжал слушать новости, звонить по телефону, выходить в интернет, то Коля вставал поздно, бродил по дому с потухшим взором и кругами вокруг глаз, пил чай, снова заваливался на диван, чтобы поставить кассету с очередным боевиком, лишь иногда пытался делать разминку. Книги и газеты обходил стороной, всем своим видом показывая абсолютное равнодушие к происходящему. Из литературы признавал только странную папку с выпадающими оттуда постоянно измятыми листками бумаги, да ещё крутил в руках видеокассету с затёртой наклейкой. Видимо, это была единственная кассета, где не было звуков стрельбы и кровавых пятен во весь экран.

Единственное, что умиляло и казалось странным, это было то, что Рафик и Коля находили темы для бесед.

– Я все-таки не понимаю, зачем его было убивать?

– Совершенно нелепый вопрос, – Рафик пил кофе, одновременно просматривая газеты.

– Почему?

– У меня сложилось такое впечатление, что ты совершенно не ориентируешься в жизни. Если убивают – то уже не спрашивают – зачем. По всему видно, мы так этого никогда не узнаем до конца.

– Но я же хочу понять!

– Ты хотел понять – и сам чуть не стал преследуемым зайцем.

– Что же теперь, всего бояться?

– Пойми, с этим разберутся без тебя. Мы приложили максимум усилий, чтобы что-то понять. Кое-что поняли. И *они* тоже поняли.

– Ты прав. И прав был Лёня. Пришло время госпожи Серости. А с этим сложно бороться.

– Да пойми же! Я совершенно не против того, чтобы люди занимались искусством, – неожиданно вспыхнул Рафик, тут же пытаясь взять себя в руки, – но такие люди, как Лёня... Они сейчас не ко двору, что ли. Он пытался рассуждать о глобальных вещах – жизнь, смерть, деньги, бедность, любовь. А люди заняты только одним – выживанием. Им это не нужно. Человек приходит после работы и валится на диван, словно выжатый лимон. Включает телевизор. А там – политика, попса, мыльные сериалы. И ему становится хоро-

шо. Он понимает, что живет, как все вокруг.

– Это просто стадность!

– Вот! Что толку кричать? Его спектакли мне нравились. Они были непонятные, странные, иногда шокирующие, но я потом выходил из зала и понимал. Не сразу – нет! Через какое-то время. Что дело не в каких-то там движениях, музыке, даже сюжете – вообще не в этом. У меня такое чувство, что мысль, которую хотел нам передать Лёня, вообще не может выразиться словами. Да и понимал ли он до конца, *как* у него это получается. Я не какой-то особенный. Но другим – в подавляющей массе – это не нужно. Люди не хотят напрягаться и думать. Так жить проще и удобнее.

– Если бы не было таких людей, как Лео, мир погряз бы в пороке, лжи и безвкусице...

– Вот-вот... Это ваша главная ошибка – я имею в виду тех, кто делает искусство. Вы берете на себя функции Бога, думаете, что истина в последней инстанции принадлежит вам. Это все уже давно сказано, написано, поставлено. Если вам выпадает шанс что-то сделать, это не значит, что вы смеее судить о своей роли и думать, что вы избранные.

– Лео всегда говорил, что это к нему приходит свыше, – Коля поднял вверх руки.

– Так и я о том же. Если это приходит свыше, следовательно, тот, кто там, наверху, прекрасно осведомлен о том, что здесь, внизу, происходит. Поэтому и не кинулись все на «мембрановские» спектакли. Особые мысли – особый зри-

тель.

– Нет, ты меня не понимаешь. Мысли были самые обыкновенные для понимания! И они нужны были людям! Лео ненавидел – жестокость, насилие, вульгарность. Ведь это так просто. И пытался выразить это в своих спектаклях. Это общечеловеческие понятия...

– ... это просто, понятно, но заставляет думать. А думать народ не любит. Возьми вот Колакся. Чем он живет? Любовью. Полное презрение к деньгам. Скажи это мальчику, вышедшему из института, мечтающему о карьере, машинах, поездках за границу и уже потом, где-то там, в перспективе – о любви. Будут деньги – будет любовь. Все это я тебе говорю потому, что и ты, и Лёня, и вообще – все мембрановцы абсолютно оторваны от реальной жизни. Я помогал Лёне, чем мог, чтобы он не сильно думал о деньгах. Ты же знаешь, моя компания постоянно спонсировала его проекты. Но мне, в отличие от Колакся, золотые вещи с неба не валятся. Мы вот сейчас сидим и рассуждаем на отвлечённые темы. Хорошо, что мои сотрудники вполне самостоятельны и, где-то там, в ту же самую минуту, зарабатывают деньги, на которые, собственно, я и могу жить. Это не упрёк, Коля, – остановил он рукой порыв Коли соскочить с кресла, – это жизнь. В буржуазном обществе общечеловеческие ценности постепенно теряют свою значимость. Да ещё в нашем, совершенно варварском обществе. Помнишь, Лёня ездил во Францию. Там – школы, мастерство, там зритель не бедняк, нет, но и

не тот, кто работает до седьмого пота. Ему сладко было бы думать, что можно отдать жизнь за любовь, что можно бросить золото к ногам отца ради любимой. Сладко думать – не значит, что понимать до конца. А кто зритель у вас? Лёня до конца дней сопротивлялся коммерциализации. Но и ему приходилось наступать на горло собственной песне, иначе – не выжить. И хорошо, что стал понимать. Это компромиссный вариант – делать что-то денежное, чтобы потом можно было работать над чем-то действительно стоящим. Вот только нельзя быть такими наивными, – закончил он с легкой, как показалось Коле, иронией.

– Ты хочешь сказать, что мы должны прогнуться перед обстоятельствами?

– Я ничего не хочу сказать, я просто объясняю, что подобные фанаты своих идей могут быть простым людям непонятны, раз, нуждаются в материальной поддержке, два. В общем, общество относится к ним неоднозначно.

– А что такое общество?

– Bravo, я давно не рассуждал на экзистенциальные темы. Личность – это всегда одиночка. Это я понимаю. Одиночка в любом случае попытается выделиться из толпы. Это я тоже понимаю. Толпа это может воспринять негативно или позитивно. И это понятно. С другой стороны, толпа – это не хаос, это вполне конкретные люди со своими законами. «Хлеба и зрелищ» – этот принцип никто не отменял. Одиночка может предложить хлеб – и накормить. Может предложить зрелища

– и толпа расслабится. А может дать идею. И толпа её либо отвергнет, либо воспримет. Все это абстрактные рассуждения, но мне даже нравится объяснять это тебе. Посредством чувств можно многое разбудить в человеке. Но сейчас век *рацио* – тех, кто живет разумом. Поэтому, в принципе, независимо от личности, искусство, театр – обречены. Есть лишь отдельные люди, способные оценить все эти глобальные искания. Но скоро они начнут походить на вымирающих мамонтов.

– Это очень печально и не оставляет никакой надежды.

– Сразу видно, что ты живёшь ощущениями и чувствами. Наоборот. Вы не даёте людям забыть, что они – люди, а не просто механические роботы, которые должны ходить на работу, покупать товары, в конце концов, ставить «крыжики» в этих несчастных бюллетенях, когда уже без разницы, за кого и зачем. Вот только без лидера будет сложно. У вас нет лидера.

– Ты прав.

38.

В журнале посещаемости театральной студии Коля нашел запись нового спектакля, вернее, заметки.

«Жизнь качала меня на своих волнах, словно маленький кораблик без штурвала. Я приставал то к одному берегу, то к другому, а у причала меня ждала то одна, то другая женщина. Одна была милая и добрая, другая – расчётливая и холодная, третья – сумасбродка, четвертая – истеричка, пятая – бабочка-капустница, незаметная на фоне будней.

Я отталкивался веслом от каменной пристани, и не жалел ни о чём. Кто-то горько плакал, кидая мне белый платок (летит белый платок), кому-то я оставлял на память такие маленькие, сиротливые, притаившиеся в моем кармане монетки (кидает монеты, далее идут точки, пляшущие фигурки и неразборчивые надписи над ними).

Кто-то зажигал свечу, чтобы она освещала мне путь (на заднем плане сцены появляется свеча).

Однажды, лунной безветренной ночью, когда сердце сжимает от безотчётной тоски, если взглядишься в печальные черты одинокой луны, я медленно плыл мимо какого-то города. Ярко горели огни, напомнившие мне о сказочном Зурбагане, и вдруг молния сверкнула, приоткрыв портьеру неба, а после этого произошло чудо – в моей руке оказалась флей-

та. (освещение в стиле Грина, сказочная музыка)

Флейта... Я понял! Флейта – это мое спасение от одиночества (звучит флейта). Это спасение от хаоса, суеты привычной жизни – и в то же время не совсем уединение, ведь музыка дает ощущения соединения со всей Вселенной. (женщины уходят со сцены, герой исполняет партию соло, песня «Не играй на флейте»).

Так я стал флейтистом.

А сейчас я попробую развеять миф о тяжелой жизни уличных музыкантов. Почему-то все считают, что это сумасбродные люди, тяготеющие к пьянству, которые собирают гроши за свою игру в подземных переходах.

Я играл в подземном переходе. Когда играешь на флейте, кажется, что понимаешь мысли идущих мимо людей. Вернее, эти мысли плавно влетаются в ноты, и возникает ощущение, что между тобой и слушателями исчезает стена непонимания.

...Она стояла около меня очень долго и ничего не говорила. Если вы думаете, что это была женщина небесной красоты, то ошибаетесь. Ничего особенного. Неприметный плащ и голубой шарфик, обвязанная вокруг шеи. (появляется героиня, возможно, Катя?)

Она стояла и смотрела, а глаза её были полны слез. Что я играл? Я уже не помню. Что-то очень тоскливое, как вся моя предыдущая жизнь. Какая-то ода одиночеству. (что-то очень тяжелое, немецкое, флейта чуть-чуть) Интерес-

но, те, кто всю жизнь проповедовал одиночество, вправду были счастливы? Или просто они не нашли те глаза, которые бы их приняли, даже ничего не понимая? Что в жизни главное – понимание или принятие другим человеком тебя самого, без условий, таким, какой ты есть на самом деле?

Она так просто повязала свой шарф на мою голую шею, что я понял, что и для неё наша встреча была чем-то давно ожидаемым и потому неудивительным событием. (дуэт, использовать шарф) Просто мы жили в разных городах, на разных улицах, а, может быть, и в разных вселенных. (космическая музыка)

Этот город похож на Венецию, только вода не голубая, а зеленовато-бурая. (итальянские мотивы с перебивкой на «тяжелые» из русских композиторов, поискать что-нибудь о Петербурге)

И мы были счастливы, потому что она умела молчать, когда поет флейта. (полифония из итальянских мотивов и флейты и обрыв музыки с тишиной)

Много раз я читал строки об удивительном слиянии двух любящих друг друга существ, но никак не мог достичь этого. Те, что ждали меня на случайных пристанях, были разными. Одни хотели отдать мне душу – но мне это было не нужно. Другие хотели поработить мое тело – и я этому сопротивлялся. Она не отдавала, не просила, не требовала, не заманивала – не делала ничего, что называется «искусством обольщения».

Она просто меня ждала, когда я приходил грязный и злой, не жаловалась, не расспрашивала, как прошел день. Странно – счастье – это так просто».

Счастье – это так просто, повторил эту мысль вслух Коля. Смогу ли я быть счастливым после того, как отомщу? В конце концов, месть найдет этого Женю, но станет ли мне от этого легче? Как жаль, что он так и остался загадкой. В сущности, что я помню? Что я знаю? Что остается после того, как человек перестает дышать? Дневник, видеозаписи и угасающие воспоминания. «С нас нарубят капусты и утопят в цветах», вспомнил он слова из песни. Но ведь Лео нам не только это хотел сказать...

Он хотел сказать, что даже при всей странности, нелепости и жестокости жизни, которая кажется иногда замкнутым кругом, есть выход – прорыв – полет души. Когда-то Коля читал, что из полной безысходности легче выбраться, потому что кажется, что уже нечего терять. Поэтому легко расправить крылья и полететь – не думая ни о чем. Безудержный оптимизм, который занимает лидирующее положение в искусстве, не вдохновляет. Это напоминает фильмы социалистических времён. Мрачные рассказы о порочности общества не придают открытости взгляду. Есть что-то третье – может быть, надежда на то, что люди станут жить по каким-то законам?

39.

Октябрьский ветер недобро задувал за воротник, и Женя ёжился, идя по открытому пустырю. В сотне метров от него чернел не застеклёнными ямами окон недостроенный дом. Было уже по-осеннему сумрачно, в ботинках начинала хлюпать разжиженная глина, чудесным образом просочившаяся сквозь швы ботинок, но Женя этого не замечал.

К этому долгострою он приглядывался давно и внимательно. Вокруг весело зажигались огни в крепких домах-свечках, а этот стоял сиротливо и в то же время как-то насмешливо. Много раз его принимались строить, но потом оказывалось, что вдруг резко возрастали цены на стройматериалы, или подрядчик исчезал таинственным образом, переводя со счета строящей фирмы все деньги в неизвестном направлении. Городские власти на свой баланс брать его не хотели, а слава о нем шла по всему спальному району, слава дурная и громкая.

Жители окрестных домов видели в подвале неясный свет, писали письма, но наряды милиции так ничего не обнаруживали.

Женя зашел в тёмный подъезд и щелкнул зажигалкой. В глубине лестничной клетки слышалось сухое покашливание и шорох.

– Эй, кто-нибудь есть?

– Чего кричишь, как полоумный? – Ответил кто-то справа.

Подкрался, словно кошка, мелькнуло у Жени.

– Здорово. Так ты и есть здешний обитатель?

– Предположим. А ты с чем пожаловал в мой терем-теремок?

– Да вот, на ночлег хочу попроситься, еслипустишь.

– Кхе-кхе, – незнакомец выступил в круг света с неровными краями, создаваемый газовой зажигалкой.

Это был мужчина неопределённого возраста, с заросшим лицом, с умными, чуть сощуренными глазами, цепко выглядывающими из-под косматых бровей. На голове крепко сидела шапка, обтягивающая голову, в разные стороны торчали небрежно обрезанные волосы средней длины. Женя вглядывался в незнакомца, пытаясь понять, можно ли ему доверять. Он был уверен, что в сложной ситуации сумеет выкрутиться, но лезть в заведомое пекло не хотелось. Они с минуту изучали друг друга.

– Ты кто таков будешь? – продолжил допрос незнакомец.

– Да вот, понимаешь, жена из дому выгнала. Так вот жизнь прижала.

– А ремнём-с не пробовал? – засмеялся незнакомец, открывая довольно хорошие зубы, что удивило Женю.

– Да нет, не пробовал, воспитание не позволяет. Ну, так как?

– И надолго гостить собрался?

– Ты отшельник, гостей не любишь? – попытался подстроиться под его интонацию Женя.

– Любишь – не любишь. Я уже от людей устал. И от жизни тоже. Вижу, человек ты серьезный. Нехай, ночуй. Только ночи холодные, тут тебе не барские покои. Выбирай на вкус, где кости бросишь. Больно одет ты легко, – даже немного участливо резюмировал он, осматривая Женю ещё раз. – Ладно, дам тебе одеяло. Но потом к своей жинке ужю обратно просись. В общем, надолго тут не рассчитывай. У меня тут с ментами все отлажено, меня они не трогают, если что, предупреждают, а чужих не любят. Я тебя прикрывать не стану, словят – сам выкручивайся. Посему приходи, когда вот так, сумеречно, чтобы и кошки не видели. Сдается мне, что ты не сегодня этот тихий уголок приметил.

Смотри-ка, сообразительный дядька, осторожный, и смекает быстро, подумал Женя, радуясь, что и на этот раз его чутье не подвело. К тому времени незнакомец включил освещение, лампочка, правда, тускло разбрасывала рассеянный свет, но теперь Женя мог оглядеться.

– Давай познакомимся, что ли. Я – Жора, – протянул он руку, дружелюбно улыбаясь.

Дверь в квартиру на первом этаже была приоткрыта, но Жене показалось, что там незнакомец не жил.

– Ты сам-то, где обитаешь?

– Любопытный ты, Жора.

– Не без этого. Как тебя звать, говоришь?

– Зови просто – Михай. Давай с тобой договоримся, Жора. Когда я сам рассказываю – ты не перебиваешь. Когда отмалчиваюсь – в душу грязными пальцами не лезешь.

– О'кей, договорились. Так куда мне?

– Жди, сейчас вернусь, принесу тебе одеяло.

И Михай нырнул в какую-то дверь под лестницей. Женя достал сигарету и стал её разминать. Сигарета была немного влажной, но он не обращал на это внимания. В этом «тихом уголке» он надеялся пересидеть пару-тройку недель, пока все утрясётся и успокоится. В том, что его уже ищут, он не сомневался. Свои люди оперативно сообщили, что «стрелка» в баре прошла почти мирно, по крайней мере, все живы. Больше информации никакой не было, но Женя шкурой чувствовал, что охота уже началась.

Как человек, не лишённый эстетических чувств, пару дней назад он зашёл попрощаться в театр Сурковского, а на другой день к Олеся. Сентиментальность! Сколько раз он ругал себя за это совершенно ненужное качество. Убийцы очень сентиментальны, вспомнилась ему фраза, услышанная где-то. И он улыбнулся, раскуривая, наконец, сигарету.

– Э, да ты курильщик. А я вот не курю, по правде сказать, табак плохо переношу, – снова появился, словно из-под земли, Михай.

– Неправильный ты какой-то, Михай.

– Что делать, Жора, воспитание у меня купеческо-дворян-

ское.

– Это как?

– Это так. Когда нужно торговаться – тогда купец. А если о высоком поговорить – тут вся голубая кровь прямо в голову ударяет. Усёк?

Михай говорил неторопливо, словно подбирая слова, но найденные предложения ложились, как камни на мостовую. Он отдал Жене какое-то ещё вполне добротное одеяло и молча указал на дверь открытой квартиры. Женя понял, что аудиенция окончена, и поспешно открыл дверь, делая вид, что боится, будто хозяин передумает. Точно, он ведет себя как хозяин, подумал Женя, заходя в квартиру и насвистывая что-то из классики, как ему представлялось.

Квартира была пустой, но одна из комнат закрывалась на крючок, окно было заколочено куском фанеры, вся она походила на склеп, но Женя обрадовался тахте, стоящей в углу и, недолго думая, завалился спать.

Среди ночи он проснулся от приглушенного писка, доносившегося из глубин подвала. Он лихорадочно нашел зажигалку и внимательно оглядел пол. Потом облегченно вздохнул, поняв, что писки где-то там, далеко, и снова отключился.

40.

Коля метался на кровати в верхней комнате, пытаясь справиться с жаром. Временами он видел лицо Рафика, приносящего ему клюквенный морс, и слышал голоса, как будто присыпанные горячим песком.

– Что делать-то будем? – Это один из охранников, определил Коля, тот, который помоложе и поглупее.

– Да ничего, простуда. В крайнем случае, начнем антибиотики колоть. Посмотрим несколько дней, – отвечал голос Рафика.

– Вы врач, что ли? – удивился охранник.

– Нет, не врач, но многое умею. Поживёшь с мое, будешь у-умный, как жираф.

Рафику было немного жалко Колю, но этот переполошившийся юнец его раздражал. Голоса стали отдаляться, теперь Коля различал только интонации, и представлял себе, что это наборы звуков в виде жидкости, содержащихся в разных сосудах. Кто-то невидимой рукой переливал эту почти эфирную жидкость из сосуда в сосуд, звук от этих манипуляций отдалённо напоминал слова и фразы, а может, это были звуки журчания ручейка или завывания ветра, Коля уже не мог понять. «А нужно ли понимать?» – будто спрашивали его, и он вспомнил сказку про Нарнию, про чудесного льва, сво-

им пением создающего мир вокруг себя. Только это пение могли слышать не все. Так и здесь ему казалось, что нечто неопределенное, что он идентифицировал как мелодию, другие воспринимают как обычную речь.

Внезапно в эту прекрасную идиллию ворвалось лицо Жени, ухмыляющееся, наглое и жестокое.

Он плясал, как тогда, на сцене, вместе со всеми, и его танец выглядел как оскорбление. Потом Женя побежал, все время оглядываясь, и Коля отчётливо понял, что ему предлагают погоню, и что в этой игре под названием «охота» в живых останется кто-то один.

Коле снится, что Лариса приходит на репетицию, румяная, немного пополнившая за время своего отсутствия, какая-то вся живая и оптимистичная. «Ребята, – говорит она. – Не надо дергаться и выяснять. Мне уже сказали, что Лео был в депрессии. В общем, это просто самоубийство. Это бывает. Будет лучше, если мы не будем грустить, а будем работать, работать, работать».

С тебя бы скульптуру Мухиной лепить, нервно думает Коля. Разве мог Лео на это пойти? Разве мог он нас так предать? Что же ты такая идиотка. Коля чувствует, что злится на Ларису все сильнее и бесповоротнее.

– Плюнуть на вас хочется, дуры!

Коля выбегает из дома культуры, ветер врывается в его легкие, распирает его грудную клетку отчаяньем и безысходностью. Но снова и неотвязно приходит мысль, что

нужно продолжить погоню, убить этого подонка, который это все и организовал. После этой мысли на Колю сознание напалзает что-то смутное, напоминающее тени каких-то людей, безмолвно открывающих рот и пытающихся что-то прокричать ему, жестикулирующих и зовущих.

– Олеся... – произносит Коля и просыпается.

Во сне температура спала, и сейчас подушка промокла от беспорядочно разметавшихся волос.

– Очнулся, что ли? – ласково спросил Рафик, удивившись своей нежности.

– Да...

– Ну ты боец, метался, метался... Олеся – это кто?

– Что? Олеся? – Коля скорчил гримасу, будто провели по незаживающей ране по голове. – Это, наверное, Стаценко. Последний раз я видел Женю у неё.

– Послушай, мы ведь с тобой обо всем договорились. В детективов больше не играем. Лечимся. Кстати, звонил Корсуков.

– Ну и?

– Пока не нашли. Но есть подвижки. Я уже понял, что он боится сглазить. Пусть ищут. А тебе нужно выздоравливать.

– Что ты со мной, как с маленьким? Я почти здоров! – Коля вскочил с кровати и медленно сел обратно.

– Послушай, давай я у тебя буду мамой. Кстати, она звонила, я ей сказал, что у тебя температура. Хотела приехать, но я остановил.

– Долго мы здесь ещё будем торчать?

– Знаешь, я тоже сначала нервничал на эту тему. Неожиданно вошел во вкус. По телефону можно быть в курсе всего, а здесь уютно, спокойно, нет суеты и машин. Вот так и живут буржуа на своих отдаленных виллах. Красота.

– Красота, которая спасет мир. Сам-то ты в это веришь? Судя по нашим спорам – не очень.

– Коля, ты ещё такой молодой, ты ещё можешь мечтать, и это прекрасно. Мы немного другие, потрепанные жизнью. В сущности, у человека всегда остается один и тот же потенциал – что в двадцать лет, что в сорок. Только в двадцать тратить свои таланты проще – и мы разбрасываем их направо и налево, а в сорок пытаемся что-нибудь продать подороже, либо себе оставить, как воспоминание. В общем, осторожничаем. Знаешь, когда я Леню потерял, я понял, *что* он мне дал. Я сначала не понимал, что он, собственно, делает – мне это нужно было сформулировать, разложить по полочкам. Мы ссорились. Из-за этого. Он мне – я так чувствую, ощущаю, движение рождается из колебаний в пространстве. А я ему – как, объясни, чёрт возьми, как это повторить, опиши доступными словами, и нет-нет, да и брякну – вот помрешь, никто и не узнает, и повторить не сможет.

– Что-то ты расчувствовался, на тебя не похоже, – усмехнулся Коля.

– Я понимаю... Ты его знал с другой стороны.

– Нет, ты все правильно рассказываешь. Я прямо вижу,

как вы спорите.

– Ладно, отдыхай. Будем надеяться, что пойдешь на поправку. На вот, выпей, чтобы спать спокойно.

Рафик протянул таблетку, Коля запил их морсом, ещё одним напоминанием о детстве, когда болеть было приятно и вкусно, и вскоре уснул.

«Олеся, Олеся, Олеся, живёт в ожидании счастья, а с ним нелегко повстречаться...» – вертится в голове Коли песня. Он набирает её номер и всё время сбивается.

– Алло, это Коля.

– А, Коля, привет, – голос у Олеси осевший, усталый и нетрезвый.

– Что так поздно, я уже почти сплю, – говорит она, с трудом выговаривая слова.

– Скажи мне, как найти Женю! – кричит Коля в трубку.

– Какого Женю? Не знаю никакого Жени!

– Ну, помнишь парня, он у тебя на кухне весь порезался? Такой крепкий, с короткой стрижкой?

Трубка молчит, слышно только прерывистое дыхание и звуки легкой отрыжки. Потом Коля слышит то ли мычание, то ли стон, и Олеся со всего размаху бросает трубку. Короткие гудки бьют по ушам, и Коля открывает глаза.

Привязались эти ужасные сны ко мне. Он опустил ноги на пол, все ещё чувствуя шум в ушах, в глазах плыли оранжевые круги. С этим бредом нужно как-то бороться, решил он. Правой рукой он нащупал светильник над головой, дернул

за шелковый шнурок и с удовольствием отхлебнул из стоявшего на тумбочке стакана с морсом. Ему вспомнилось, что в детстве, проснувшись от кошмара, он настраивал себя на победу с тем, кто был его врагом во сне. Ему казалось несправедливым, что кто-то или что-то оказывал над ним победу, пусть даже и во сне. Поэтому он снова закрывал глаза, чтобы соединить оборванную ткань сна нитями своего воображения.

То ли во сне, то ли контролируя свой сон, он доводил развитие воображаемого конфликта до кульминации, выражающейся в полной победе, и уже потом засыпал окончательно.

Олеся звонит Коле через некоторое время. Такое впечатление, что её опьянение проходит, и на Олеся, эту восхитительную «покорительницу мужских сердец», накатила волна откровений.

– Коля, я вспомнила этого Женю. Его не Женя зовут. Вернее, я даже не знаю, как его зовут. Он прицепился ко мне, – трубка начинает дрожать, и слышны всхлипывания.

– Дальше что, дура!

– Напугал он меня! Жил у меня... А сейчас смылся.

– Фамилия!

– Ты не понимаешь, что ли! – совсем успокоившись, словно подводя размазанный глаз, приготовившись к прыжку, – я тебе толкую – не знаю, не знаю. Вот мобильник его запиши. Но я тебе ничего не говорила.

Коля набирает длинный номер, но абонент недоступен.

Стальной голос всё повторяет, чтобы он повторил попытку позднее. Но Коля понимает, что это отстукивают секунды, которые отдаляют его от врага. Как же его достать? Коля с удивлением замечает, что мысль о том, что он должен его убить, теперь не кажется ему такой ужасной, как раньше. Но почему, ведь Лёня всегда учил другому. Лёня.... Где ты сейчас?

41.

Женя скрывался у Михая уже неделю. В основном он выходил на улицу вечером, чтобы его никто не видел. За это время ему удалось увидеть странного бомжа всего лишь раз. У него было такое впечатление, что Михая было абсолютно наплевать, живёт «квартирант» или давно сгинул.

С утра подморозило, а потом, как это обычно бывает, растаяло. Хмурое небо низко висело над городом, не оставляя никаких надежд на то, что когда-нибудь этот переход от осени к зиме совершится. Женя валялся на выдавшей виды тахте, читая какой-то древний журнал десятилетней давности. Дверь в комнату отворилась, и зашел Михай.

– Здорово, муж-горемыка.

– Заходи, хозяин. Чем порадуешь?

– Зашел поинтересоваться твоим житьём-бытьём. Жена-то обратно не пускает?

– Да нет, знаешь, видимо, это уже возврату не подлежит. Нельзя войти в одну реку дважды.

Женя принял сидячее положение.

– Плохо-плохо... Люди должны жить в мире и согласии...

– А знаешь, я уже во вкус вошел. Чувствую себя свободным человеком, как ни странно. Не имея ничего, начинаешь понимать всю бренность этого мира и суеты. Чем дальше,

тем меньше я ценю что-то материальное, и тем больше духовное, – произнес он, поднимая вверх журнал с улыбкой.

– Вот как все-таки ты прав, чебурашка, – подхватил ироничный тон Михай, – и я теперь ценю тишину и уют больше всего на свете.

В глубинах дома послышались пiski, которые не давали спать по ночам Жене.

– Слушай, что это за странные пiski?

– Это мои питомцы, – гордо ответил Михай.

– Кто?!

– Крысы.

– И где ты их держишь?

– Ясное дело, в подвале. Знаешь, когда-то, на заре перестройки, я всерьёз занимался биологией. Вот... Заведовал лабораторией. Мы изучали крыс. Они ведь очень похожи на людей, – Михай мечтательно улыбнулся, и Женя понял, что это была его любимая тема, – крысы, они замечательные создания. Кстати, только они и смогут выжить после ядерной войны.

– Ну да, наверное.

– У них строгая иерархия. Все как у людей. Альфа-самцы и омега-самцы. Чувствуешь? Вот. Омега-самцы получают то, что осталось, или ничего. Но справедливость состоит не в этом. Их, аутсайдеров, не уничтожают. А всё почему? Завтра могут измениться условия проживания. И где тогда взять генетический материал? Правильно. У них, родных. Именно

так крысы приспособляются к любым условиям. И знаешь, смех-то в чём состоит? Как люди – даёшь им отличные условия и условия хуже некуда. Сначала вроде всё логично – бегут в рай, наслаждаются. Но те, которые почему-то попали в ад, не торопятся уходить. Упорные. Приспособляются изо всех сил. И выживают. Мы для них, вообще-то, и средство для того, чтобы жить, и одновременно враги.

– Почему же? Не будет людей – не будет еды.

– Правильно. Но ты попробуй встать на их территорию. Живым можешь не уйти.

– И все-таки, я не понимаю, почему ты их так любишь?

– Потому что вся их жизнь подчинена логике. Они даже передвигаются в основном по прямым линиям – любят, чтобы рядом была стена, труба, что-то надежное, фигуры они выбирают геометрические, правильные. Ну, и вообще... Порядок у них. Знаешь, как они жертву загоняют? Бегают кругами, долго, упорно. Потом отдохнут и снова кругами... Не бросаются, не загрызают. Жертва сама умирает. От страха разрывается сердечко.

– Фу, как противно.

– Э, да ты ещё молодой. Понимаешь, когда есть определённый, установленный уклад жизни, это очень хорошо. Вот возьми крысиного короля.

– Я, конечно, не знаток... По-моему, это ещё противнее, чем просто крыса.

– Много ты понимаешь! – наставительно возразил Ми-

хай. – Конечно, с точки зрения эстетики... крысиный король – это сросшиеся в младенчестве крысята. В норах так тесно, что их хвосты, а иногда и лапки срастаются. Например, были мелкие ранки, они долго плотно соприкасаются, регенерация кожи повышенная, вот и получается – крысиный король. Сам он добывать себе пищу не может, передвигаться не может, очень злобный. А остальные приносят ему еду.

– Значит, это замечательно – когда нормальные, здоровые крысы подчиняются мутанту?

– Э, много ты понимаешь. Если они начнут сопротивляться, то нарушится весь уклад их нехитрой жизни. Анархия наступит. Революция. А революция чревата вымиранием.

– Тебя слушаешь – совсем печально жить становится. Ну да ладно. А зачем ты их держишь-то? Ведь самому еды, наверное, не хватает, а ты ещё их кормишь.

– Я их изучаю, – философски заметил Михай немного обиженным тоном.

– Ты не обижайся, каждый может заниматься тем, чем хочет, – примирительно сказал Женя.

– Я и не обижаюсь. Простым смертным не понять, каких высот может достигнуть человеческое сознание, изучая таких, казалось бы, примитивных животных. Я просто уверен, что на основании простых выводов можно сделать потрясающие обобщения, которые, возможно, просто перевернут наши представления о роли человека в процессе эволюции. По-

том окажется, что мы слишком высоко себя оценили в начале пути. А вообще, если есть желание, я могу тебе их показать. Увидишь, они даже милые. У них у всех есть имена. Да...

– Конечно, конечно. Как-нибудь, – Женя попытался *закруглить* разговор, чтобы расчувствовавшийся Михай не потянул его смотреть своих *милых крысят*ок сию же минуту.

42.

Коля звонит Рафику и срывающимся голосом просит его выяснить фамилию по телефону. Рафик обещает помочь.

– Вот, слушай, что я выяснил. Телефон числится за Евгением Широглазовым. Посмотрел я по другой базе. Адрес по милицейской базе не совпадает с телефонной базой. На всякий случай записывай оба, – Рафик диктует оба адреса.

Коля приходит по первому адресу, долго ждет у железной двери, когда кто-нибудь войдет. Подозрительные старушки с недоверием оглядывают его немного сутулую фигуру, явно сомневаясь в его благих намерениях. Наконец, он входит в подъезд, и натывается на список жильцов. На деле номер квартиры не совпадает, но теперь Коля точно знает, где он все-таки живет. Он поднимается и дрожащей рукой жмет на звонок. Но за дверью не слышно ни шороха...

Он ходит перед домом до вечера, но свет в окне так и не зажигается. Между тем периодически отодвигается занавеска, и Женя смотрит на улицу. В какой-то момент Коля перехватывает взгляд своего врага и внутренне торжествует. Теперь ты никуда от меня не денешься, думает Коля, демонстративно уходя.

Коля выздоравливал, но сны не оставляли его. Он просыпался среди ночи, с трудом понимая, где находится.

Женя как бы случайно попадаетея Коле на глаза, увидев его на улице, и делает вид, что его не заметил. Они идут по улице, Женя периодически проверяет, точно ли за ним идет Коля. Коля понимает, что это всего лишь ловкая игра, охота. Посмотрим, кто кого, злорадно думает Коля. Когда это я стал таким беспощадным? Будьте милосердны к врагам своим... Нет, это сейчас не про меня.

Они идут уже очень долго, а навстречу им попадаетея все меньше и меньше прохожих. Я знаю, думает Коля, куда ты меня ведёшь. Ты думаешь, что режиссёр, но это не так...

Они выходят на пустырь, в центре которого идёт стройка. Стройка огорожена забором, и Женя отодвигает заветную доску. Игра идёт уже в открытую. Кажется, что Женя совершенно не боится, поэтому все делает медленно, со вкусом, словно пытаясь растянуть наслаждение. Что эж, думает Коля, я предоставлю тебе испытать счастье и затянувшейся паузы, и последнего вздоха.

Они заходят на первый этаж, и Женя ускоряет шаг и скрывается за поворотом. Откуда здесь запах мандаринов? Но уже некогда анализировать, и Коля буквально бежит за ускользящим Женей.

Пролетев поворот (кажется, это новая школа?), Коля сталкивается с Женей нос к носу.

– Добро пожаловать! Сейчас ты увидишь кое-что интересное и незабываемое!

Открытая в конце коридора дверь ведет в подвал, и от-

туда раздаётся крысиный писк. Женя вталкивает его в помещение, заходит сам и закрывает дверь. В полусвещённом закутке стоит клеть с крысами. Они взбираются друг на друга. Напряжённо нюхая воздух. Женя бьёт Колю в пах, но тот ловко уворачивается. Э, брат, думает Коля, Лео меня не зря всему учил. Его самого вообще сложно было завалить. У него была своя, особая система. Что-то эклектическое, взятое из разных единоборств. Техника техникой, но, похоже, была и какая-то философия, которой Лео ни с кем не делился.

Женя повторяет удар. На этот раз Коля пропускает его и сгибается от боли. Крысы в клетке оживают и отчаянно цепляются лапками за металлические ячейки.

Женя подбегает к клетке с крысами, и становится видно, что рядом с клетью находится люк. Он отодвигает крышку, и камеру наполняет зловоние. Очевидно, там собратья тех, кто находится в клетке, только ещё более голодные.

Коля выпрямляется, хватается за внезапно падающий сверху канат, привязанный к решетке окна, разбегаётся и ногами сталкивает Женю в люк.

Женя страшно кричит и умоляет о пощаде. Но Коля хладнокровно задвигает люк. Почему-то нет радости победы. Ведь он так хорошо подготовился к этой, на первый взгляд, случайной встрече. Но нет радости победы.

... Рафик просматривал криминальную хронику в свежей газете. Коля вышел к нему в расстегнутой рубашке, с мок-

рыми волосами после обливания.

– И давно ты стал обливаться?

– С сегодняшнего дня. Кошмары замучили.

– Жизнь страшнее кошмаров. Вот тут смотри, что написано. «На заброшенной стройке обнаружен труп мужчины, объеденный крысами. Дату и время смерти установить точно не удаётся, равно как и личность убитого. По версии следствия, это бомж, который случайно заснул в подвале дома вследствие алкогольного или наркотического опьянения».

– Да уж.

– Кстати, звонил Корсуков. Помнишь девушку, которую сшибло машиной? Она дала показания.

– И?

– В общем, они действительно в тот вечер пили. Тот парень, который исчез, забыл его имя, постоянно с кем-то созванивался по телефону, но на это никто не обращал внимания, все были веселы и пьяны. Неизвестно, как им удалось уговорить Лёню пойти вместе с ними. Компания каталась на машине пот поселку, несколько раз проезжала мимо остановки. Девушка говорит, что всё это время на остановке стоял Лёня, и видно было, что он кого-то ждёт и сильно нервничает. Парень, очевидно, что его уже никогда не найдут, точно был в подчинении у Ашота, так вот, парень предложил повеселиться. Компания уже была изрядно пьяна, если кто и соображал немного, так это Жора. Да, забыл сказать, паренек-то был полукавказского происхождения, такого ры-

ночного толка паренек. Лёня мне рассказывал, что у него с этим пареньком были проблемы в свое время. То ли родителей его он обсчитал, то ли обхамил. В общем, он с ним уже сталкивался. Что его заставило сесть в машину – не понимаю. Хотя, в принципе, понять можно. Девица говорит, что разговор на остановке был довольно миролюбивый, прокатиться до пруда, поесть шашлычков. Так и сделали. Потом Лёня действительно удалился от них. А паренёк пошёл за ним. Потом пришёл и сказал, что подрался и, кажется, убил его. Так как Жора был самый трезвый, погрузили на машину и поехали неизвестно куда. Девице приказали молчать, она не сразу поняла, за что её и припугивали, то, что она выжила, вообще случайность. И то, что заговорила – тоже случайность. В общем, катали они его так в багажнике долго, до глубокой ночи, потому что утопить в такой луже нужно было тоже с умом. Паренек с горячими кавказскими манерами всех держал практически на прицеле, чтобы помогли скрыть улики. В общем, ближе к ночи часть соучастников уже достаточно протрезвела, чтобы и рубашку снять, и брюки, будто бы он купался по своей воле. Тело бы раньше нашли, но оно зацепилось за корягу, или зацепили, не знаю точно, да и не восстановить, поэтому и не всплывало...

– А Женя?

– О Жене, думаю, тоже позаботились. Если честно – я у Корсукова про это не спрашивал. Он итак много сделал. Кстати, ребяташек его я отпустил уже. Так что, можно соби-

раться домой. Все закончилось.

– Все закончилось... Так просто... – как эхо, повторил Коля, глядя в пустоту.

43.

Александр Евсеевич жил в нормальном напряженном ритме. В театр приезжали известные режиссеры и предлагали поставить нашумевшие в столицах постановки. Ему нравилась эта жизнь, потому что он чувствовал *сопричастность* к великому чуду создания спектаклей. Только сегодня понедельник, спектакля нет, и можно заняться скучной администраторской работой – созвониться с Подмосковьем, куда они летом поедут на гастроли, договориться с нашей гостиницей, потому что скоро театральный фестиваль. А уж завтра он пойдет на премьеру и будет наслаждаться великолепным голосом молодой перспективной солистки, *Людочки*, как он её по-отечески называет...

– Можно войти?

Александр Евсеевич умел быстро выходить из состояния романтических грез в суровую действительность, ловко меняя маску упоения на маску любезности. На пороге стоял гладко выбритый молодой человек в костюме оливково-сероватых тонов. Удачно подобранный галстук подчеркивал вкус и определённую утончённость хозяина.

– Э... проходите, конечно. Присаживайтесь.

Молодой человек ловко уселся на стул, но к удовольствию Александра Евсеевича, не закинул ногу на ногу, как это лю-

бят делать нынешние щеголи. Посетитель изящным движением руки отодвинул рукав и взглянул на часы. «Longines», машинально отметил про себя Александр Евсеевич.

– Я не отниму у вас много времени, – продолжал молодой человек, безупречно выговаривая слова, без всякого намека на местный выговор. – Меня зовут Михаил, вот мои координаты, Вы можете звонить в любое время.

С этими словами он вытащил из внутреннего кармана визитку, паркеровскую ручку и мелким убористым почерком что-то дописал на золотистой бумаге. Александр Евсеевич настолько был заморожен всеми его движениями, которые словно были хорошо отрепетированным пластическим спектаклем, что отвечал что-то несвязно и машинально.

– Всего доброго, Александр Евсеевич, – улыбнулся Михаил, оборачиваясь на пороге, показав белозубую голливудскую улыбку, которая когда-то так удивила Евгения Широкова...

Декабрь 2003 г. – март 2004 г.